

С. СЛЕПЫНИН

ФАРСАШЫ

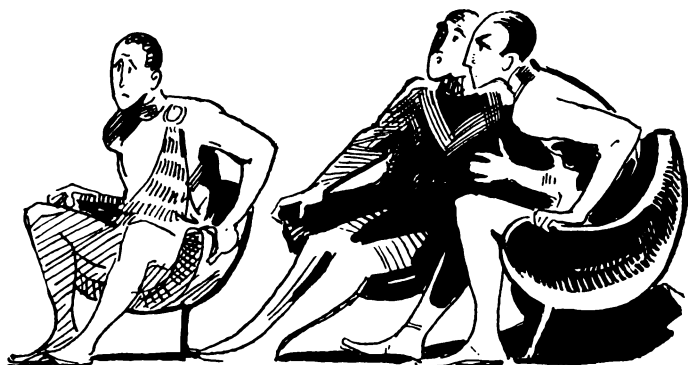
**П Е Р М С К О Е
К Н И Ж Н О Е
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 6 7**

С. СЛЕПЫНИН

ФАРСАНДЫ

Научно-фантастическая
повесть

Художник Ю. Ефимов

ет, решительно не клеится у меня сегодня работа. Какая-то глухая тревога, предчувствие чего-то недоброго не дают мне покоя еще со вчерашнего утра.

Цефеиды, загадочные пульсирующие звезды... Какая благодатная, волнующая тема! Но я никак не мог начать сегодня вторую часть своего многолетнего научного труда о цефеидах. Три часа назад заложил в клавишный столик чистый кристалл для записей. Но на нем так и не появилось ни одного слова. Я всячески пытался освободиться от непонятного чувства тревоги и войти в привычный ритм. Но ничего не помогало. Работа не двигалась...

Наконец я встал и подошел к иллюминатору. Нажал кнопку — и внешняя, противометеоритная шторка отошла в сторону.

Засверкала многоцветная звездная пыль. Наша Галактика... Я любил часами стоять у иллюминатора и, вглядываясь в пылающую Галактику, в эту непрочитанную огненную книгу, чувствовать себя словно шагающим по межзвездным просторам. Я — капитан звездолета — еще молод, настроен несколько романтически, и космический полет всегда казался мне необычайно увлекательным приключением.

Одним словом, вид Космоса приносил мне радость. Но сейчас... Сейчас Космос показался мне угрюмой и пугающей бездной. Чудилось, что с ледяной улыбкой сфинкса он смотрит на тщету жизни, на тщету усилий человека, вторгшегося на крохотном корабле в его безграничные холодные просторы.

И снова вспомнился Вир-Виан... Не знаю почему, но в последнее время я все чаще вспоминаю этого выдающегося ученого и странного мыслителя. Все чаще и чаще забредаю в сумрачные дебри его космической философии —

философии ущербной, закатной и так соответствующей моему теперешнему подавленному настроению. Вот и сейчас, глядя в бездонную звездную пучину, я словно слышу шепот Вир-Виана: «Вселенная активно враждебна жизни... Жизнь — это крошечный водоворотик в огромном потоке звезд и галактик... А разум человека?.. Мертвая материя, безграничный Космос всегда торжествуют над разумом Вселенной, над мудростью человека — над этим зыбким и кичливым духом...»

Я закрыл внешнюю шторку иллюминатора и, чтобы освободиться от смутных, тревожных мыслей, снова сел за клавишный столик. Но не для того, чтобы продолжать свой научный труд. Нет, я решил писать нечто вроде дневника. Быть может, это занятие принесет мне облегчение, и я забуду о недобрых предчувствиях. Во всяком случае, попытаюсь разобраться в своих ощущениях.

Прямо против меня на стене тускло поблескивает экран внутренней связи. После квантового торможения связь расстроилась, и я был доволен, что никто не нарушит моего одиночества. Но, к моей досаде, экран вдруг засветился. На нем возникло лицо Рогуса. Больше всего мне не хотелось видеть именно его.

— Эо, капитан! — начал он виноватым голосом. — Как изображение? Я сейчас в кают-компании.

На своем экране Рогус не увидит и не услышит меня до тех пор, пока я не включу связь с этой стороны. Что делать? Быть может, не включать? Но я все же протянул руку к правому краю столика и нажал кнопку. Рогус обрадовался, увидев меня.

— Чего вы хотите, Рогус? — нетерпеливо спросил я.

— Извините, капитан. Я исправил внутреннюю связь и хотел проверить, как она работает. Вижу, что все в порядке.

И он улыбнулся. Удивительная улыбка у Рогуса — простодушная, как у ребенка, получившего удовольствие. Но она мне почему-то не понравилась с самого начала, с первого дня межзвездного полета, а сейчас показалась еще неприятней.

— Спасибо, Рогус, — сухо поблагодарил я. — Не ожидал, что так быстро наладите связь. Вы хороший бортинженер.

Положив палец на кнопку, я хотел уже выключить связь, как вдруг подумал: «Сэнди-Ски... Каким он мне сей-

час покажется — таким же необычным и чуждым, как вчера, или нет?»

— Сэнди-Ски в рубке внешней связи? — спросил я.

— Да.

— Позовите его.

На экране возник улыбающийся Сэнди-Ски. И такое дружелюбие было написано на его крупном и выразительном лице, что я невольно улыбнулся в ответ. Тут же внутренне упрекнул себя: как я мог заподозрить в чем-то Сэнди-Ски!

— Эо, Тонри! — радостно приветствовал он меня.

— Эо! — воскликнул я. — Что нового на экране внешней связи? Как видна планета Голубая?

— Плохо, — вздохнул Сэнди-Ски. Улыбка на его лице погасла. — Вся освещенная часть Голубой затянута облаками. Видимость отвратительная. Пока веду наблюдение за другими планетами.

— Как только улучшится видимость, позовешь меня.

— Хорошо, Тонри. А ты, я вижу, начал вторую часть своего труда о цефеидах?

— Да.

— Успешно?

— Успешно, — ответил я, смутившись: я впервые солгал своему другу.

— Отлично, дружище. Не буду мешать.

Сэнди-Ски выключил связь. Его лицо затуманилось и исчезло с экрана.

В моей каюте снова наступила тишина. Лишь со стороны кормы доносился едва слышный гул планетарных двигателей. Чистый и ровный, он свидетельствовал об их отличном состоянии. Вообще на корабле все благополучно. И все же мое сердце снова сжала тревога. Ощущение неведомой опасности, гнетущее чувство чего-то недоброго вновь охватило меня.

Что же, собственно, произошло? Почему я стал избегать членов экипажа и чего-то бояться? Пожалуй, с этого Сэнди-Ски все и началось. Вернее, с одного случая в рубке внешней связи. Было это утром 8-го дня 109-го года Эры Братства Полюсов — знаменательного дня в нашей жизни. В этот день мы приблизились к окраине планетной системы — цели нашего полета. Кибернетический пилот корабля, используя всю мощь квантового двигателя очень быстро погасил межзвездную, субсветовую скорость до межпланетной. Мы же в это время, одетые в особые ска-

фандры, спасались от перегрузки в магнитно-волновых ваннах и висели там в паутине силовых полей. Если бы звездолет не был оснащен квантовыми тормозными устройствами и магнитно-волновыми ваннами, наше торможение затянулось бы на годы...

Когда заработали планетарные двигатели и корабль перешел на межпланетную скорость, мы выползли из ванн. Именно выползли, устало и ошалело оглядывая друг друга. Даже в ваннах, опутанные защитными силовыми полями, мы чувствовали удушливую, свинцовую тяжесть невероятной перегрузки.

Члены экипажа разбрелись по своим каютам. Лишь один Сэнди-Ски остался в кают-компани. Растянувшись в мягком кресле, он проговорил:

— Отдохну и здесь.

У меня же было много дел. Да и чувствовал я себя, пожалуй, всех бодрее. Я уселся в глубокое кресло перед пультом управления и по приборам долго следил за работой всех агрегатов корабля. Квантовое торможение почти не отразилось на показаниях приборов. Все было в норме. Молодец все-таки Рогус, хороший, знающий бортинженер. Затем по приборам и по гулу, доносившемуся со стороны кормы, я тщательно проверил работу планетарных двигателей.

Только после этого вошел в рубку внешней связи. Субсветовая скорость до сих пор мешала получать хорошее изображение. Сейчас же мне хотелось посмотреть на планеты при замедленной скорости корабля.

Я сел перед огромным круглым экраном внешней связи и включил квантовый телескоп — мощный глаз корабля, дающий возможность производить локацию отдаленных космических тел. На экране развернулась изумительно четкая картина целого хоровода планет.

Обернувшись назад, я крикнул в кают-компанию:

— Сэнди! Ты отдохнул?

— Немного отдышался. А что?

— Иди сюда! Здесь такое зрелище...

Сэнди-Ски вошел в рубку и встал за моей спиной, опираясь руками на спинку кресла. Касаясь пальцами кнопок, я стал увеличивать изображение. На экране выплывали отдельные планеты. Первой показалась полосатая гигантская планета — самая большая в этой системе. На ее поверхности бушевали неимоверной силы атмосферные бури. Она имела около десятка спутников. Небольшой по-

ворот тумблера — и на экране возникла соседняя планета, чуть меньше, но с оригинальным украшением — ярким кольцом.

— Зачем выхватываешь планеты из середины? — проворчал Сэнди-Ски. — Ты давай по порядку.

Я перевел луч квантового телескопа туда, где находилась орбита планеты, ближайшей к центральному светилу. С трудом нащупал маленькую, юркую планету, лишенную атмосферы.

— Я так и знал: мертвая планета, — сказал Сэнди-Ски. — Она похожа на нашу Зиргу. Давай дальше.

Сэнди-Ски хотел поскорее рассмотреть третью планету — Голубую, как мы называли ее раньше. Но я все же сначала показал ему вторую от центрального светила планету. Она имела плотную и совершенно непрозрачную атмосферу. Таинственной незнакомкой назвал ее как-то Сэнди-Ски.

— Давай дальше, — нетерпеливо шептал за моей спиной Сэнди-Ски.

Я стал нащупывать Голубую. Вот она! Отчетливо, как никогда раньше, мы видели голубые океаны, зеленые материки, белоснежные полярные шапки и облака.

— Жизнь! — воскликнул Сэнди-Ски. — Я же говорил, что здесь есть жизнь. Голубая — настоящая жемчужина этой планетной системы. Какая пышная, богатая биосфера! Да это настоящая оранжерея! Не то, что наша Зургана.

«Жемчужина», «оранжерея» — как естественно прозвучали эти образные слова в устах Сэнди-Ски. И все же, когда он сравнивал Голубую с нашей родной Зурганой, я почувствовал, что в его речи чего-то не хватает. Чего? Я и сейчас не могу дать на это определенный ответ. Если бы вместо Сэнди-Ски был Рогус или пилот Али-Ан, я бы не удивился. Тех я считал людьми несколько скучноватыми. Но ведь это Сэнди-Ски с его необузданной, причудливой фантазией, Сэнди-Ски я знаю, как самого себя! Почему же в его упоминании о нашей родной планете я не уловил какой-то живой и дорогой сердцу нотки? Словно Сэнди-Ски никогда не жил на Зургане, а имел о ней основательное, но книжное представление. Неужели он не помнит, например, как мы совершили с ним труднейший пеший переход по Великой Экваториальной пустыне до оазиса Хари? Я до сих пор чувствую, как немилосердно палило тогда солнце, как захлестывали нас горячие бури, а на

зубах противно скрипел песок. Но мы шли и шли по бескрайнему океану песков, гордясь своей силой и выносливостью.

Нет, я не прав! Сэнди-Ски хорошо памятен этот эпизод из нашей жизни на Зургане. Он сам тут же вспомнил о нем. Но вспоминал так, что я не почувствовал жаркого дыхания пустыни, как-то рассудочно... И нельзя сказать, что речь Сэнди-Ски была унылой и плоской, как та пустыня, о которой он говорил, сравнивая нашу обожженную солнцем планету с многоводной планетой Голубой. Его речь была по-прежнему сочна и метафорична. Но странное дело: все метафоры и живописные слова словно потускнели. Да, именно такое впечатление, как будто Сэнди-Ски не жил на Зургане. Он словно не впитывал всеми порами своего тела жарких лучей нашего буйного солнца, словно никогда не ощущал упоительной прохлады северных лесов...

Когда я подумал об этом, сидя за экраном внешней связи, я почувствовал вдруг какое-то смутное беспокойство, даже тревогу и невольно обернулся. Меня не удивило выражение жадного любопытства на лице Сэнди-Ски. Именно таким я и ожидал увидеть лицо моего друга в этот момент. Но его глаза! Не знаю почему, но я вздрогнул, взглянув в его глаза...

Хрусталеv отодвинул рукопись в сторону, достал папиросу и, улыбнувшись, взглянул на своих слушателей Кашина и Дроздова — давних друзей и сослуживцев по научно-исследовательскому институту. На их лицах он увидел любопытство с некоторой долей недоумения. И не мудрено. Хрусталеv позвал их вечером к себе домой, чтобы прочитать какую-то рукопись и услышать их мнение. Но какую рукопись, он толком не объяснил.

Хрусталеv не спеша закурил, придвинул рукопись и, еще раз взглянув на друзей, приготовился снова читать.

— Подожди, Сергей, — остановил его Кашин. — Признаюсь, ты нас заинтриговал. — И, насмешливо

сощурившись, спросил: — Ты что, на старости лет ударился в научную фантастику?

— Нет, друзья, это не фантастика, — рассмеялся Хрусталеv. — Я вас, видимо, еще больше заинтригую, если скажу, что это дневник астронавта.

Дроздов, невозмутимый, несколько располневший человек, сидевший в мягком кресле в ленивой и удобной позе, усмехнулся и, махнув рукой, сказал:

— Конечно, фантастика. Я даже догадываюсь, о какой планетной системе говорится в твоей рукописи. О нашей Солнечной системе. Самая большая планета — это Юпитер, другая, поменьше, с ярким кольцом, — Сатурн. А планета Голубая с богатой биосферой — это, конечно, наша Земля.

— Верно, — сказал Хрусталеv. — В конце прошлого века к нам на Землю прилетел корабль с далекой планеты Зургана.

— Ого, Зургана! — воскликнул, смеясь, Кашин. — Красивое название! Еще что придумал? Давай читай без предисловий.

— Но я хочу убедить вас, что это не выдумка. Вы, вероятно, знаете о некоторых загадочных фактах, которые трудно объяснить. Вспомните, например, знаменитую веранду в горах Антиливана, в бассейне Мертвого моря. Она сложена из плит весом свыше тысячи тонн каждая. Даже в наше время нет таких технических средств, с помощью которых можно поднять эти гигантские плиты и уложить их в сооружение. Некоторые ученые предполагают, что веранда воздвигнута в глубокой древности инопланетными пришельцами...

— В знак их посещения Земли, — перебил Кашин. — Дальше ты расскажешь об удивительной колонне в Индии, сделанной из химически чистого железа. Все эти факты действительно можно истолковать как доказательства древнего контакта с инопланетной цивилизацией. Все это мы знаем. — И с дружелюбной насмешкой Кашин добавил: —

Но мы не знаем, какими доказательствами располагаешь ты.

Хрусталеv вынул из ящика письменного стола небольшую странного вида шкатулку и открыл ее. Внутри лежал прозрачный многогранный кристалл величиной с голубиное яйцо.

— Вот оно, доказательство — кристалл, — чуть волнуясь, сказал Хрусталеv.

— Похож на алмаз, — проговорил Дроздов.

— Похож, — согласился Хрусталеv. — Но это не алмаз. Присмотритесь внимательно.

Внутри кристалла вспыхнула оранжевая искра. Она все больше разгоралась. И вдруг весь кристалл запылал буйным многоцветным пламенем. На мгновение он погасал, образуя как бы паузы, затем вспыхивал с прежней силой.

Закрыв шкатулку, Хрусталеv сказал:

— Когда шкатулка закрыта, пламя гаснет. Я не хочу зря тратить энергию, источник которой еще неизвестен. Вероятно, вы догадываетесь, что этот кристалл и есть дневник астронавта. Дневник написан разноцветными, пламенеющими, как огонь, знаками — буквами, которые образуют слова. Слова и фразы разделены паузами. Жителям планеты Зурганы, откуда прилетел астронавт, такие кристаллы заменяют книги. Когда обитатель Зурганы хочет сделать какую-либо запись, он вставляет неиспользованный кристалл в особый аппарат — так называемый клавишный столик. После этого человек — я так буду называть разумных обитателей Зурганы — садится за столик и пальцами нажимает на разноцветные клавиши. Он словно играет на клавишном музыкальном инструменте. Аппарат настолько чуток, что он на кристалле в цветах, в их трудноуловимых оттенках воспроизводит душевное настроение человека. Каждое слово наполняется не только логическим, но и лирическим, эмоциональным содержанием. Таким образом, каждая фраза, запечатленная в гармонии цветов, захватывает, чем-то волнует, производит впечатление.

чатление какой-то неземной музыки — то радостной, то торжественной, то печальной — в зависимости от настроения человека, сделавшего запись. Но о цветной музыке немного позже.

— Все это очень интересно, — задумчиво проговорил Кашин. Он был серьезен и больше не подтрунивал над Хрусталевым. — И все это так фантастично, что с трудом верится. Но кристалл! Он убеждает меня, заставляет верить. Кристалл действительно любопытный. Как он попал к тебе? Не томи!..

— Как попал, спрашиваешь? Случайно попал. Летом прошлого года, как вы знаете, я проводил отпуск у себя на родине, на Северном Урале. Как-то я пошел на охоту и забрел в небольшую деревню, затерявшуюся в тайге. Заночевать пришлось в избушке старого охотника Вавилова. Вот у него-то я и увидел эту шкатулку, сделанную из неизвестной на Земле пластмассы. Словоохотливый Вавилов рассказал мне любопытную историю, связанную с этой шкатулкой, историю, превратившуюся в своеобразную семейную легенду. Однажды дед Вавилова возвращался с охоты и остановился отдохнуть на опушке большой поляны. Я уже знал эту поляну — ровную, с твердым грунтом, представляющую хорошую площадку...

— Для посадки космических кораблей! — воскликнул Кашин и рассмеялся. — А сейчас ты поведаешь нам о том, как к деду Вавилова пожаловал гость из Космоса.

— Почти что угадал, — улыбнулся Хрусталев. — Вот что видел дед Вавилова, которому было тогда около шестидесяти лет. С северо-запада на поляну с необычным шумом летело раскаленное тело. Старый охотник не раз видел на своем веку падающие небесные камни. Но такого еще не встречал. Небесное тело с огненным хвостом снизилось над поляной. От него отделилась какая-то точка и стала падать. Охотник ждал, что небесное тело, на минуту словно застывшее в воздухе, тоже вот-

вот сорвется и упадет. Но, к его удивлению, произошло совсем необычное. Небесное тело круто повернуло вверх и стремительно удалялось от земли. Охотник долго смотрел, как в вышине таяла огненная точка. Вот она превратилась в крохотную звездочку и совсем погасла. И вдруг охотнику показалось, что в яркой синеве неба он увидел мгновенную вспышку. Немало подивившись, старый охотник вышел на середину поляны и увидел небольшой ящичек или шкатулку. Вавилов поднял ящичек, но тут же, вскрикнув от боли, выпустил из рук. Ящичек был горяч, как уголь, выхваченный из костра. Охотник немного подождал, поднял остывший ящичек и отнес домой. В деревне он рассказал о том, как попал к нему ящичек. Но его рассказ все считали небылицей, выдумкой охотника. Признаюсь, я тоже сомневался в достоверности этой истории. Но шкатулка заинтересовала меня. Вавилов подарил мне ее. Там же, в избушке охотника, я пытался открыть шкатулку, но никак не смог, так как поверхность ее была сильно оплавлена. И только дома, в Москве, с трудом открыл шкатулку и увидел кристалл.

— И ты заинтересовался им как геолог? — спросил Дроздов, слушавший Хрусталева с нескрываемым любопытством. Его обычной апатии и невозмутимости как не бывало.

— Ну, конечно, я же геолог! — воскликнул Хрусталев. — Пляшущие цвета поразили меня, а сам кристалл не походил ни на один земной минерал. В шкатулке я обнаружил небольшой осколок кристалла. Я тщательно осмотрел кристалл и нашел его в полной сохранности. Создавалось впечатление, что осколок положен специально. Но зачем? Ответ напрашивался сам собой: для того, чтобы произвести анализ кристалла, не нарушая его целости. Я так и сделал. Вот что дал анализ: углерода — пятьдесят три процента, азота — девятнадцать, кремния — двенадцать, магния — де-

сять и золота — шесть процентов. Итого пять элементов.

Вглядываясь в загадочные пляшущие цвета, я словно почувствовал звучание какой-то музыки и смену моего собственного настроения. Я переживал то страх, то радость, то грусть. И тут меня ошеломила догадка: на кристалле огненными знаками записаны какие-то сведения. Я, конечно, тогда еще и не думал, что кристалл — дневник астронавта. Но как расшифровать эти сведения?

Я тщательно изучил запись на кристалле, особенно начало, и уловил некоторые закономерности. А именно: вначале шли пять серий огненных знаков, разделенных небольшими паузами. Эти пять серий повторялись трижды. Затем длинная пауза, за ней — целая группа серий. В ней наряду с другими я уловил уже знакомые мне серии. Я начал соображать: пять серий, разделенных небольшими паузами, — это пять слов, а целая группа серий — это уже фраза. И тут меня осенила еще одна счастливая догадка. Пять слов — это пять элементов, из которых состоит кристалл: углерод, азот, кремний, магний и золото. А фраза, повторенная дважды, должна была, на мой взгляд, переводиться так: «Этот кристалл состоит из пяти элементов — углерода, азота, кремния, магния и золота». Таким образом, у меня было что-то вроде ключа к неведомому языку.

— Молодец, Сергей! — воскликнул Кашин и добавил со своей обычной добродушной иронией: — Я давно подозревал, что ты смысленный малый.

— Вот именно, — усмехнулся Хрусталев. — То же самое, только иными словами, сказал и Хабанов. Это мой приятель, очень способный лингвист из института языкознания. Дело в том, что один я не смог бы расшифровать запись и попросил помочь мне Хабанова. Я ему все рассказал, и он одобрительно отозвался о моей догадке: пять слов — пять элементов кристалла. Но своей особой заслуги я не вижу. Догадаться было нетруд-

но. Вся материя Вселенной состоит из одних и тех же элементов, записанных в таблице Менделеева. Предположим, что житель другой планеты захочет научить нас своему языку. Он постарается дать к нему ключ. И начнет, конечно, с элементов — с этого универсального языка Вселенной. Вспышки кристалла мы с Хабановым сняли на цветную пленку. Хабанов часто брал ее с собой в институт, чтобы поработать там, привлекая на помощь электронную машину, специально запрограммированную на расшифровку языков... В общем, не буду рассказывать о том, как мы работали. Вернее, не мы, а Хабанов и его машина. В ней, бедняге, что-то сгорало четыре раза... Ну, а результат все-таки — вот он. Перевод, правда, еще далеко не совершенный. В тексте было немало пропусков, неясных мест. Ведь в дневнике говорится о понятиях и явлениях, совершенно неизвестных на земле. Я продолжал работать над текстом дневника, чтобы приблизить его, так сказать, к земным условиям. О многом мне пришлось догадываться, а то и просто домысливать. Поэтому не удивляйтесь, что в дневнике неземного астронавта так много земных понятий, образов и представлений.

— Вот теперь немного яснее, что за рукопись ты начал читать, — проговорил Дроздов. — Но нам неясно, почему космический корабль не совершил посадку? Тем более, что имелась естественная площадка. Что стало с кораблем? Куда он улетел? Может быть, он совершил посадку в другом месте Земли?

— Справедливые вопросы, — сказал Хрусталев. — Посадка на Землю была целью звездной экспедиции. Но капитан корабля боялся, что посадка на тысячелетия задержит прогресс земной цивилизации.

— Поразительно! — выдохнул Дроздов.

— Невероятно! — воскликнул Кашин. — Какие-то загадки.

— Все загадки разъяснятся, когда дочитаю рукопись до конца.

— Тогда продолжай, — сказал Кашин. — Фантастика это или нет, но мы готовы слушать.

— А перед этим посмотрите, как выглядит в цветных знаках хотя бы начало дневника. Цветная запись на кристалле передает не только смысл речи, но и самое затаенное настроение астронавта. Она совершенна и музыкальна, в буквальном смысле музыкальна.

Хрусталеv открыл шкатулку. Через минуту кристалл заискрился, запылал многоцветными знаками. В чередовании и интенсивности цветовых знаков Дроздов и Кашин ощутили тревогу. И вдруг им почудилась какая-то музыка, какие-то певучие волнующие звуки, в которых слышалось чувство такого одиночества и печали, что все вздрогнуло.

— Что это? — спросил Кашин. — Почему такая скорбь?

— Это лишь начало дневника, — сказал Хрусталеv, закрывая шкатулку. — Не весь он написан в таких трагических и скорбных тонах. В нем много и ликующих красок и звуков. А теперь наберитесь терпения и слушайте...

Глаза Сэнди-Ски... Я лишь мельком заглянул в их глубину. И они мне почему-то не понравились, что-то чуждое отразилось в них. В чем дело?

Встревоженный, я встал с кресла.

— Что с тобой, Тонри? — спросил Сэнди-Ски.

В его словах было неподдельное участие. Да, так заботливо мог спросить только мой друг Сэнди-Ски. И все же мне не хотелось остаться сейчас наедине с ним.

— Видимо, устал, Сэнди, — проговорил я как можно спокойнее. — Я же не отдыхал после торможения. Пойду к себе в каюту.

— Конечно, отдохни...

Я вышел и попал в соседнюю рубку — рубку управления. Члены экипажа успели отдохнуть и приступили к

своим обязанностям. Над приборами пульта управления склонилась тонкая и длинная фигура пилота Али-Ана. Рядом, у главного электронного мозга, возился аккуратный и трудолюбивый, как муравей, бортиженер Рогус. Он взглянул на меня и улыбнулся.

У меня не было желания с кем-либо разговаривать, и я постарался поскорее уйти в кают-компанию. Там никого не было. Спустился по лестнице в коридор, по обеим сторонам которого расположены наши каюты — святая святых каждого участника экспедиции. По нашим обычаям, в каюту никто не заходит без особого приглашения хозяина, никто не мешает заниматься научной работой, отдыхать, слушать музыку, читать. Вместе собираемся лишь в кают-компании.

Я закрылся в своей каюте и сел за клавишный столик. Что меня, собственно, встревожило? — спрашивал я себя. — Глаза Сэнди-Ски? Да я их и не рассмотрел как следует. Но вот Рогус... Минуту назад, когда я проходил через рубку управления, Рогус обернулся ко мне. На его некрасивом лице появилась обычная по-детски бесхитростная улыбка. Но сейчас, вспоминая эту улыбку, я подумал, что она не такая уж простая и бесхитростная. На какой-то миг в ней проскользнуло нечто наглое и торжествующее.

«Неужели? — обожгло вдруг страшное подозрение. — Неужели Рогус и Сэнди-Ски — это те... из банды Вир-Виана?» — Я встал и начал ходить из угла в угол. «Какая чепуха! — говорил я себе. — Какая нелепая мысль! Как они могли появиться на корабле? Вздор! Просто в последнее время у меня расшалились нервы, и стала мерещиться всякая чертовщина».

Снова сел за клавишный столик и, чтобы успокоиться, решил продолжать свой труд о цефеидах. Но работа не клеилась...

Это было вчера. А сегодня еще раз попытался, но безуспешно. И вот вместо научного труда на новом кристалле я пишу сейчас этот странный дневник.

В каюте раздался трехкратный мелодичный звон. Я взглянул на часы. Через полтора часа начнутся на корабле новые сутки. Через полтора часа спать... А сейчас по традиции все члены экипажа собираются в кают-компанию. Мой помощник Али-Ан сделает доклад о событиях прошедшего дня. После этого все станут высказывать

свои мнения, строить планы на завтра. А под конец Лари-Ла будет рассказывать свои забавные истории.

Мне всегда нравились эти вечера в кают-компании. Но сегодня, впервые за много лет межзвездного полета, не хотелось идти туда. Но идти надо...

...Сейчас члены экипажа спят. Один лишь я нарушаю режим. Вернувшись из кают-компании, снова сел за клавишный столик, чтобы записать все, что там произошло сегодня вечером.

Когда я вошел в кают-компанию, все уже сидели в креслах.

— Как самочувствие, капитан? — слышались участливые голоса.

Я успокоил всех, сказав, что отдохнул хорошо и что самочувствие, как всегда, отличное.

— Начинайте доклад, — обратился я к Али-Ану.

Али-Ан встал, вышел на середину каюты и с минуту молчал, собираясь с мыслями. Я уважаю этого поразительно хладнокровного пилота, умного и волевого. Высокий и стройный; он был бы красив, если бы не сухое и несколько надменное выражение лица. В противоположность Лари-Ла и Сэнди-Ски, он постоянно строг и серьезен. Лишь изредка на его бледных губах появляется тонкая улыбка, острая, как клинок. И вообще Али-Ан холоден и логичен, как учебник геометрии. Никаких эксцентричностей, никаких причуд, как у Сэнди-Ски. Но и взлетов никаких. «Под таких, как Али-Ан, очень легко и с большим совершенством поддельваются молодчики Вир-Виана», — подумалось мне. Но я постарался отогнать эту вздорную мысль.

— Сегодняшний день, — начал Али-Ан, — самый знаменательный, переломный в нашей экспедиции. Мы произвели квантовое торможение на дальних подступах к планетной системе — цели нашего полета. Все члены экипажа чувствуют себя удовлетворительно. Механизмы и приборы в полной исправности. До орбиты самой близкой к нам планеты осталось около десяти дней полета на межпланетной скорости. Начинаем готовиться к посадке на планету. А на какую планету — об этом полезно выслушать мнение планетолога Сэнди-Ски.

Вот и все. Али-Ан, как всегда, краток и точен.

Сэнди-Ски встал и начал крупными шагами ходить по кают-компании. Я посмотрел на его горящие вдохновением

глаза, на его оживленное лицо — и мне стало стыдно за свою мнительность.

— Нам повезло, — остановившись, заговорил Сэнди-Ски. — Чертовски повезло. Я просто не ожидал, что мы найдем здесь такую необычайно сложную и богатую систему. Вокруг центрального светила вращаются девять планет. Девять! И у многих — спутники.

Жестикулируя, Сэнди-Ски кратко, но живописно охарактеризовал каждую планету. Он еще больше оживился, когда стал под конец рассказывать о жемчужине системы — о планете Голубой.

Я с любопытством взглянул на нашего биолога и врача Лари-Ла. Как он воспримет весть о богатой биосфере Голубой?

Добродушный толстяк Лари-Ла обычно не сидел, а полулежал в свободной и ленивой позе. Но сейчас он, упираясь руками в подлокотники глубокого кресла, привстал и с живейшим интересом слушал планетолога.

— Что? — прошептал он. — Зеленая растительность? Органическая жизнь?

Он вскочил и начал кружиться вокруг Сэнди-Ски.

— Это же здорово! — восклицал Лари-Ла, размахивая руками. Хлопнув по плечу Сэнди-Ски, он сказал: — Ну, дружище, ты меня обрадовал. Наконец-то я займусь настоящей работой. Как я устал от безделья!

Лари-Ла и в самом деле изнывал от безделья. На корабле никто не болел. И ему никак не удавалось обогатить медицинскую науку открытием новых, космических болезней. Особой склонности к теоретической работе он не имел и все дни только и делал, что писал у себя в каюте своеобразный юмористический дневник, напичканный разными анекдотами, забавными случаями и происшествиями. Мы иногда смеялись над тем, что к моменту возвращения на Зургану у нас будет не только серьезный, академичный бортовой журнал, записываемый в памяти главного электронного мозга, но и дневник Лари-Ла, рисующий нашу экспедицию в весьма своеобразном освещении.

— Однажды от безделья, — заговорил Лари-Ла, когда Сэнди-Ски сел в кресло, — я превратился знаете в кого? В колдуна! Да-да! Не удивляйтесь: в древнего колдуна. Это было, конечно, на Зургане. Я работал одно время врачом в археологической экспедиции. Археологи — неприлично здоровый народ, и меня томила скука. От одного из археологов я узнал, как выглядели и чем занимались древние колдуны. И вот я решил напугать археологов, сыграть с этими здоровяками злую шутку. Однажды ночью археологи сидели около костра. Я же в это время, спрятавшись в кустах, наспех переодевался и гримировался. Вы только представьте себе такую картину: темная ночь, тревожный шум кустов, первобытный костер и разговоры о древних суевериях и прочей чертовщине. И вдруг перед археологами из-за кустов появился самый настоящий колдун — в живописном костюме, с густой и длинной, до колен, бородой и с нелепыми телодвижениями. Вы бы только посмотрели — эффект был поразительный!

И Лари-Ла показал нам, как он изображал перед оропевшими археологами колдуна. Лари-Ла обладал незаурядным актерским талантом, и все мы смеялись от души. Его артистическому успеху способствовал сегодняшний костюм. Он единственный у нас зачастую нарушал форму астронавта. Все мы носили простые, крепкие и удобные комбинезоны. А Лари-Ла питал пристрастие к праздничной одежде, иногда крикливой и сверхмодной. Сегодня вечером, как нарочно, он был в живописном, экстравагантно красочном костюме, сильно смахивавшем на одяние древних колдунов.

— А вот еще один случай...

Но в это время снова раздался трехкратный звон, и все жилые помещения корабля наполнились нежными звуками

ночной мелодии. Это своеобразная музыка, ласковая и усыпляющая. В ней слышатся звуки ночной природы: и шелест травы, и легкий перезвон листвы, и мягкое шуршание морского прибоя.

Лари-Ла больше уже ничего не рассказал. Он строг и придирчив, когда дело касается режима.

— Об этом случае завтра, — сказал он.

Все разошлись по каютам. Лишь молодой штурман Тари-Тау остался дежурить у пульта управления.

Вечер в кают-компании мне понравился. Смешно, что у меня возникли какие-то нелепые подозрения. И все же... Все же мне почему-то грустно и немножко не по себе. Почему — и сам не знаю.

Звуки ночной мелодии становятся все нежней и нежней. Невольно слипаются глаза. С завтрашнего дня буду вести дневник систематически. А сейчас спать.

11-й день 100-го года

Эры Братства Полюсов ☉ ☽

Утро!... Трудно сказать, что мне больше нравится в нашей строго размеренной жизни: уютно-интимные вечера в кают-компании или бодрые утренние часы.

Проснулся я от громкой, медно-звнящей утренней мелодии. В противоположность усыпляющей — ночной — она полна энергии и бодрости, в ней много ликующих, солнечных звуков.

Быстро одевшись, я поспешил в кают-компанию и присоединился к членам экипажа, которые проделывали гимнастические упражнения. После гимнастики мы, весело толкаясь, вошли через узкую дверь в кабину утренней свежести.

Кабина утренней свежести — это бассейн, наполненный морской водой и прикрытый сверху серебристой полусферой — экраном. Раздевшись, мы выстроились на песчаном мысе. Было холодно и неуютно. Но вот Али-Ан дотянулся до кнопки у двери и нажал ее. И вмиг все преобразилось.

Мы по-прежнему стояли на песчаной отмели. Но перед нами был уже не бассейн, а бескрайний океан. Вода, до этого неподвижная, заколыхалась, и наши ноги начал лизать пенный прибой. Блестящая полусфера превратилась в беспредельный голубой небосвод. Оттуда полились жаркие лучи искусственного солнца, так похожего на солнце

родной планеты. Далеко впереди зеленел островок, покрытый густой растительностью. С той стороны подул ветер, чудесный соленый ветер, несущий аромат трав и древних морских приключений...

Здесь, в кабине утренней свежести, мы забываем, что находимся на звездолете, затерянные среди холода безграничных пространств. Каждой частицей своего тела мы ощущаем родную планету...

На песчаной отмели становилось жарко. Мы бросились в воду и поплыли наперегонки. Вперед вырвался Лари-Ла. Меня всегда изумлял этот располневший увальень: плавает он превосходно. Я кое-как догнал его. Но далеко плыть нельзя: впереди все же не настоящий морской горизонт, а экран, создающий иллюзию бесконечной стихии.

Когда мы, освеженные и веселые, вышли на песчаную отмель, хлынул теплый дождь, который сменился ультразвуковым душем. Ультразвуковые волны, пронизывая тело, то сжимают, то растягивают каждую клетку организма. Получается исключительно приятный и полезный массаж.

Натянув комбинезон, я первым вышел из кабины — вышел бодрым и свежим, как росистое утро. Вслед за мной выскочил Сэнди-Ски. Его густые, мохнатые брови забавно шевелились: Сэнди-Ски испытывал блаженство.

— Словно заново родился, — рассмеялся он. — Кабина мне напоминает остров Астронавтов. Удивительный остров!

— На Зургане ты отзывался о нем несколько иначе, — возразил я. — Предполетную подготовку, доказывал ты, астронавт должен проходить в суровых условиях, где-нибудь в пустыне или в горах, а не на этом тепличном острове, где разнеживается человек, размягчается его воля.

— Я говорил тогда чистейший вздор. Я переменял свое мнение после одного случая. Помнишь?

И Сэнди-Ски заговорил о том, как мы, в порядке спортивной подготовки, пешком пересекли остров Астронавтов.

Сэнди-Ски ушел в рубку внешней связи, а я уселся в кресло перед пультом управления. Сэнди-Ски напомнил почти забытый мною эпизод. Я живо представил этот трудный переход через остров, вспомнил, как мы преодолевали густые заросли, стремительные реки, скалистые горы. Сэнди-Ски передал все скрупулезно точно. И в то же время в его рассказе чего-то не хватало, чего-то конкретного, живого, трепещущего...

На минуту мной снова овладела тревога, снова зашевелились подозрения, сдобренные изрядной порцией страха, отвратительного, липкого страха.

Надо посоветоваться с Лари-Ла. Ведь мнительность — один из признаков расстройства нервной системы...

Я был настолько погружен в невеселые мысли, что не услышал, как сзади подошел Али-Ан.

— Извините, капитан, — Али-Ан коснулся моего плеча.

Я обернулся и внимательно посмотрел на него. Только сейчас я заметил, как постарел Али-Ан. На лбу и около глаз появилось множество морщинок. А ведь в начале полета это был почти юноша.

— В чем дело, Али? Вы хотите сесть в кресло? Ваша очередь дежурить?

— Да. И, кроме того, капитан, вам необходимо побывать в рубке внешней связи. Оттуда иногда доносятся едва слышные, но крепкие выражения. Сэнди-Ски чем-то, мягко говоря, недоволен.

И на бледных губах Али-Ана вспыхнула обычная улыбка, острая, как клинок, с оттенком тонкой и чуть надменной иронии.

Я зашел в рубку внешней связи и застал Сэнди-Ски в сильном гневе. Он отчаянно и виртуозно ругался. Я рассмеялся, все мои недостойные подозрения мгновенно исчезли. Ведь это же Сэнди-Ски! Мой необузданный друг Сэнди-Ски! В полной мере я мог оценить всю живописность его метафор.

— Что случилось, Сэнди?

Сэнди-Ски, успокоившись, проворчал:

— С экраном творится что-то неладное. Видимо, квантовое торможение все же отразилось на его дьявольски нежных блоках.

— Но вчера же он работал.

— Работал на пределе. А сейчас посмотри, какая чертовщина!

Изображение планет на экране двоилось, троилось, было расплывчатым и туманным. Наконец экран совсем погас.

Пришлось позвать бортинженера. Рогус долго просвечивал каждый блок. Потом, виновато взглянув на нас, сказал:

— Повреждения серьезные. И не в одном, а в нескольких блоках. Ремонт займет два-три дня.

Сэнди-Ски еще раз выругался и, махнув рукой, ушел в рубку управления, к экрану локатора. Но этот экран невелик, да и работает на ином принципе. На нем видны лишь очертания планет.

Почти весь день Сэнди-Ски ходил насупив брови, молчал. И только вечером он оживился. Дело в том, что Сэнди-Ски, как и я, до самозабвения любил поэзию. И сегодня вечером в кают-компании мы были очевидцами рождения гениального поэта.

А случилось это так. Али-Ан сделал свой короткий и четкий доклад. Лари-Ла лениво пошевелился в кресле и уже открыл было рот, чтобы рассказать очередную смешную историю или анекдот. Он считает, что смех полезен для членов экипажа, особенно перед сном. Но ему помешал штурман. Тари-Тау встал и смущенно попросил разрешения прочитать свои стихи из космического цикла. Он хотел узнать наше мнение.

— Конечно читай! — воскликнул Сэнди-Ски, с любопытством глядя на Тари-Тау. — Читай! Мы слушаем.

Лари-Ла снисходительно согласился послушать, как он выразился, «убаюкивающие» стихи. Чтение таких стихов перед сном он тоже находил полезным делом.

Мы давно знали, что Тари-Тау, этот не очень общительный, углубленный в себя юноша, пишет стихи. Но никто из нас их ни разу не слышал.

Штурман вышел на середину кают-компании и сначала робко, а потом все более уверенно стал читать стихи.

Мы были буквально ошеломлены, ничего подобного никто не ожидал. Стены корабля словно

раздвинулись, и мы почувствовали безграничный Космос, его ледяное и манящее дыхание... Стихи таили в себе глубокую философию.

Сэнди-Ски не выдержал и бросился обнимать поэта. Даже Али-Ан, холодный и рассудочный Али-Ан, горячо и искренне поздравил Тари-Тау.

Сейчас, сидя у себя в каюте за клавишным столиком и вспоминая этот вечер, я испытываю хорошую зависть. Да, я завидую этому мечтательному юноше, почти мальчику. Я тоже иногда пишу стихи. Но какое это убожество по сравнению с поэзией Тари-Тау! Ну что ж, придется примириться с тем, что я всего лишь астронавт и ученый. Великую, сказочную радость художественного творчества я всегда считал привилегией редких счастливцев. Таким счастливцем оказался Тари-Тау. Я рад за него.

Прекрасный, незабываемый день пережил я сегодня, начиная с солнечного утра в кабине утренней свежести и кончая вечером. Правда, на минуту я поддался какому-то нелепому страху и тревоге. Но быстро взял себя в руки. А вечер в кают-компании окончательно развеял сомнения.

12-й день 109-го года
Эры Братства Полюсов ∞ ∞

От наблюдения за планетами мне и Сэнди-Ски пришлось отказаться. Рокус до винтика разобрал аппаратуру экрана внешней связи.

Но Сэнди-Ски нашел занятие. Весь день он ходил по кают-компаниям и шептал стихи Тари-Тау, изредка восклицая:

— Молодец! Какой молодец! Просто удивил.

Лари-Ла вчерашний успех Тари-Тау считает своим поражением. Ведь все время он буквально царил в кают-компаниях, по праву считаясь остроумным и веселым рассказчиком. Впрочем, сегодня вечером Лари-Ла взял реванш. Он рассказал сначала одну любопытную историю, случившуюся на Зургане, а потом два анекдота, умных и невероятно смешных. Мы хохотали так безудержно, что Лари-Ла стал опасаться, как бы это не перевозбудило нашу нервную систему. Он заботится о полноценности сна членов экипажа.

13-й день 109-го года
Эры Братства Полюсов ⊙ ⊙

Лари-Ла сегодня вечером опять рассказал необыкновенно смешной случай. Он вообще в последние дни просто в ударе, он возбужден, его круглое лицо излучает радость. Да это и понятно: биологу, изнывающему от безделья, приятно сознавать, что скоро мы высадимся на планете с богатейшей биосферой. Перед Лари-Ла океан увлекательной работы.

Сейчас все спят, а я сижу за клавишным столиком и пишу этот дневник. Так не годится. По ночам надо спать, надо соблюдать мной же установленный режим. Да и писать больше не о чем.

15-й день 109-го года
Эры Братства Полюсов ↑ ↑

Фарсан!.. Сэнди-Ски — фарсан!

Самые мрачные, самые зловещие предчувствия мои оправдались! Страшно подумать об этом. Но это, видимо, так. Сегодня утром на какое-то мгновение я увидел в Сэнди-Ски фарсана.

Только сейчас, уже поздним вечером, ко мне вернулось самообладание, и я могу спокойно рассказать, что же произошло в рубке внешней связи.

Когда я вошел туда после кабины утренней свежести, за экраном уже сидел Сэнди-Ски.

— Молодец Рогус, — сказал он, поворачиваясь ко мне. — Сейчас экран работает отлично.

Он уступил мне место, а сам встал сзади, положив руки на спинку кресла.

Почти весь экран занимал зелено-голубой диск планеты, обрамленный сияющей короной атмосферы. Планета Голубая! Это было великолепное и пышное зрелище. Голубая стала намного ближе к нам, чем несколько дней назад. И мы отчетливо видели все ее материки и океаны, желтые пустыни и неоглядные зеленые леса. Отдельных деревьев, конечно, еще не различали. Но огромные массивы были бесспорно лесами. Над ними лениво проплывали белые хлопья облаков.

Одно белое пятнышко на зеленом поле оставалось неподвижным. Не знаю почему, словно предчувствуя великую тайну планеты, я неотрывно смотрел на это пятно. Я увеличил изображение на экране настолько, насколько позволял телескоп. И сразу увидел, что пятно разделено, расчерчено темными линиями на квадраты. Едва ли это естественное образование.

— Город! — взволнованно прошептал Сэнди-Ски. — Неужели город!?

Я обернулся и посмотрел в его широко раскрытые от изумления глаза. И тут же отвернулся, похолодев от ужаса. Пронзительного, мгновенно поразившего ужаса...

Даже сейчас, у себя в каюте, я вздрагиваю, вспоминая глаза фарсана... Да, это не глаза живого Сэнди-Ски.

«Глаза как глаза», — сказал бы любой другой на моем месте. Любой другой, но не я. Я-то хорошо знал своего самого близкого друга. Сэнди-Ски был необычайно и разносторонне одаренным человеком. Я бы даже сказал — причудливо, витиевато одаренным, впечатлительным, остро реагирующим на внешние события. Его чувства и мысли играли, как пламя. И в его глазах, широко открытых в минуты вдохновения и радости, словно чувствовался отблеск этого пламени. Более того, в глазах во влюбленного в Космос Сэнди-Ски за долгие годы межзвездного полета появилось что-то новое, какое-то трудноуловимое выражение. В них словно запечатлелся блеск неведомых солнц, беско-

нечность космических просторов. Да, это были говорящие глаза.

Но глаза сегодняшнего Сэнди-Ски... Да, они были широко открыты, как это бывало у Сэнди-Ски в минуты радости, изумления. В них читалась даже взволнованность. И все же они поразили меня, как в прошлый раз, в тот день, когда мы произвели квантовое торможение. Но сегодня-то я понял, в чем дело. Глаза Сэнди-Ски пугали своей холодной глубиной, вернее — пустотой, бездонной пустотой. «Это глаза мертвого Сэнди-Ски», — обожгла меня сегодня страшная мысль. Да, это были глаза мертвеца, несмотря на все виртуозные усилия фарсана придать им выражение живого, пламенного Сэнди-Ски.

Глаза человека всегда были трудным орешком для фарсанов...

Но как это могло произойти? Каким образом фарсан оказался на корабле?

Вспомнилось, что во время войны с фарсанами на Зургане уничтожили тысячу восемьсот тридцать два таких чудовища. А было их всего тысяча восемьсот тридцать три. Один, под номером четыреста десять, исчез. Его долго искали, но не нашли. Решили, что он погиб, занесенный песками в Экваториальной пустыне, в районе самой жестокой битвы. И на этом успокоились, несмотря на предупреждение архана Грона-Гро: «Стоит уцелеть хоть одному фарсану, и он начнет размножаться, как микроб». Значит, «микроб» (конечно, это был во всяком случае не Сэнди-Ски!) каким-то образом проник на космический корабль и стал размножаться...

Кто же он? Всех членов экипажа я хорошо знал. Особенно подружился с ними во время предполетной подготовки на острове Астронавтов.

Вот только Рогус... И меня словно обожгло: конечно он! Только он мог быть тем «микробом», проникшим на корабль. До этого я находился еще, так сказать, в области предчувствий. Но интуиция превратилась в почти полную уверенность, когда я вспомнил один случай...

У Рогуса за день до старта заболел маленький сын — он единственный из членов экипажа оставлял на Зургане семью. Его отпустили с корабля в город Сумору проведать сына. Всего на два часа! Рогус вернулся с небольшим опозданием, что было непохоже на пунктуального бортинженера,

А перед самым стартом председатель Совета Астронавтики Нанди-Нан отозвал меня в сторону и спросил:

— Помнишь, как Грон-Гро предупреждал, что воспроизводящий фарсан под номером четыреста десять мог уцелеть?

— Помню.

— Он оказался прав. Того фарсана обнаружили недалеко от Суморы.

Сумора! Помню, меня тогда заставило поморщиться это совпадение.

— Как же его обнаружили? — спросил я Нанди-Нана.

— Он ждал, когда на Зургане забудется вся эта нелепая и страшная история с фарсанами. Но прошло всего полгода — и не выдержал: проявил активность и разоблачил себя.

— Активность? — в ужасе переспросил я, догадываясь, о чем говорит Нанди-Нан: фарсан убил человека!

— Да. Ученые, исследовавшие захваченного фарсана, нашли, что за полгода он проявил активность всего один раз, и совсем недавно. Но ты не беспокойся. Этот воспроизводящий фарсан мог оставить после себя только простого фарсана. А простые фарсаны нам сейчас не страшны, и мы его быстро найдем...

Так фарсан (теперь-то я почти уверен, что Рогус и был тем самым простым фарсаном) стал участником первой межзвездной экспедиции.

Рогус выглядел типичным представителем племени сулаков, которые веками, до наступления Эры Братства Плюсов, угнетались шеронами.

В его сутулой фигуре было что-то пришибленное и виноватое. В лице ничего запоминающегося, ни одного бросающего штриха. Лишь своеобразная, бесхитростно-детская улыбка иногда озаряла это лицо. Именно улыбка мне всегда и не нравилась. Что-то в ней искусственное...

Другим членам экипажа Рогус пришелся по душе. Он покорила всех своей скромностью, трудолюбием и громадной технической эрудицией.

— Удивляюсь, — говорил мне Али-Ан, — почему Рогус вам неприятен. Хороший бортинженер, скромный товарищ. Чего еще надо?

С первых дней полета Рогус показал себя превосходным бортинженером. Все приборы корабля, вся аппаратура и кибернетические устройства работали безотказно. В самом деле, чего еще надо? И я успокоился. Все мы,

представители расы северян, стали относиться к этому скромному и способному сулаку с большим уважением и участием. Али-Ан даже подружился с ним.

Почти все свободное время Рогус проводил в своей каюте. Там он упорно работал над каким-то фантастическим изобретением. Кажется, он конструировал нейтринную пушку, которая давала бы возможность производить локацию звездных недр. От кого же я впервые услышал об этой пушке? Ну да, от Али-Ана! Он первый получил приглашение Рогуса посетить его каюту. И я снова похолодел от ужаса: Али-Ан — фарсан!.. Если Рогус фарсан, то Али-Ан никак не мог избежать страшной участи. Дружба Али-Ана с Рогусом погубила его. За ним первым дверь каюты Рогуса захлопнулась, как дверца мышеловки. Оттуда Али-Ан уже не вышел. Вместо него из каюты Рогуса появился фарсан, с ювелирной тонкостью скопировавший не только внешность, поведение и привычки Али-Ана, но и его духовный облик.

Да, но Рогус... Рогус не мог быть воспроизводящим фарсаном. Значит... Неужели у него в каюте дьявольская аппаратура Вир-Виана? Что же делать?

Насколько мне помнится, это случилось в первый год нашего полета. И все остальные годы никто не подозревал, что вместо Али-Ана его обязанности на корабле выполнял — да еще как безупречно! — фарсан. Быть может, остальные члены экипажа тоже стали жертвами Рогуса, который действовал уже вместе с Али-Аном? Но когда?

Во всяком случае, я хорошо помню, что совсем недавно, за день до квантового торможения, дверь каюты Рогуса захлопнулась за Сэнди-Ски...

Когда думаю обо всем этом, кровь холодеет в моих жилах, и я снова задаю себе вопрос: что же делать?

Бороться? Но бороться с фарсанами невозможно, бессмысленно. Голыми руками их не возьмешь. Они обладают страшной физической силой. Правда, на корабле, в грузовом отсеке, хранится лучевое оружие на случай, если обитатели других планет проявят агрессивность. Это оружие я мог бы незаметно взять. Но лучи, смертельные для людей, бессильны против фарсанов. К тому же лучами я могу случайно поразить живого человека.

Но кто же остался в живых? И почему я жив? Почему фарсаны Рогус и Али-Ан не убили в первую очередь меня, начальника экспедиции, капитана корабля?..

Вот с этими отчаянными мыслями, мне и надо сейчас

попытаться заснуть. Заснуть обязательно. Ведь мне предстоит завтра вести себя среди фарсанов так, чтобы они не знали о моих догадках. Одному мне не справиться с фарсанами. Поэтому надо рассказать живым членам экипажа о своих подозрениях. Но кто же остался в живых? Кто?

Несколько раз прошелся из угла в угол. Вздуродраженные нервы несколько успокоились. На минуту присел за клавишный столик, прочитал сегодняшнюю довольно сумбурную запись и удивился: получилось так, что Сэнди-Ски, Рогус и даже Али-Ан — фарсаны, и только фарсаны. Стопроцентная уверенность! Да откуда она? Какие у меня реальные, убедительные доказательства? Нет таких доказательств. Мало ли что могло померещиться?

16-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ♣ ♣

Спал отвратительно. Почти все время снились фарсаны. Особенно часто один из них, с хитрой, плутоватой физиономией: мне слишком близко пришлось столкнуться с ним на Зургане во время войны с фарсанами. Снилось, что я спасался от него бегством. Кругом — ни души, лишь бескрайняя знойная пустыня, пески, раскаленные камни и огненный глаз солнца на белесом небе. Я оглянулся и с ужасом обнаружил, что фарсан догоняет, что он совсем близко. Я уже хорошо видел его наглую ухмылку и насмешливо сощуренные глаза. Обливаясь потом, задыхаясь от жары, я снова бросился вперед, туда, где за высокой грядой барханов находились люди. Они спасут меня... Но фарсан неумолимо приближался. Вот-вот он схватит меня и раздавит, как мошку. Неожиданно я ощутил в своих руках увесистый металлический стержень. Развернувшись, я молниеносно обрушил его на фарсана. Его голова с хрустом развалилась... Этот хруст показался во сне таким омерзительным и реальным, что я тотчас проснулся.

Я лежал с открытыми глазами. Воображение, расплавленное страшным сном, рисовало одну картину за другой. Чаще всего вспоминался Вир-Виан — главарь космической банды фарсанов. Вспомнилась его теория чередующейся гибели цивилизаций. Каждая цивилизация, возникнув на какой-либо планете с благоприятными условиями, достигает более или менее высокого уровня развития, а

затем бесследно исчезает в водовороте космических сил. Таков, говорил Вир-Виан, неизменный круг железного предначертания. Так было миллиарды веков назад, так будет всегда, если мы не установим благодетельную диктатуру нашей Зурганы над всеми населенными мирами. Нужна железная власть одной избранной планеты, чтобы успешно бороться с враждебными космическими стихиями. А для установления диктатуры, утверждал Вир-Виан, для вечного цветения цивилизации на нашей планете необходимы космические завоеватели, вот эти чудовища — фарсаны...

Какая все-таки чепуха лезет в голову! Не могу же я согласиться с бредовыми теориями Вир-Виана. Это означало бы, что я не только поддался минутному ужасу перед его фарсанами, но даже капитулировал перед ним...

Я сел и зажег свет. Из зеркала на стене незнакомо глянуло бледное, растерянное лицо. «Хорош», — сумрачно усмехнулся я.

Я вскочил и, чтобы освободиться от хаоса мыслей, успокоиться, долго ходил по каюте. Почувствовав усталость, лег в постель и решил во что бы то ни стало заснуть. Надо отдохнуть, обрести выдержку и бороться. Не сдаваться, а бороться...

Но нет!.. Едва я прилег, как с шумом открылась дверь каюты Рогуса. По звуку я точно определил, что это была дверь именно его каюты.

Я встал и прислушался. В коридоре происходила какая-то возня. Затем раздались быстрые и решительные шаги. Кто-то, тяжело дыша, остановился у моей двери. После этого послышались знакомые шаркающие шаги Рогуса.

— Его нельзя трогать, — сказал Рогус. — И вообще, чтобы это своеволие было в последний раз.

Кто-то незнакомым, гнусавым голосом ответил:

— Мне нужна индивидуальность. Я не могу без нее. Сэнди-Ски имеет индивидуальность, Али-Ан тоже...

— Подожди, — прервал его Рогус. — Со временем приобретешь...

Я, похолодев от ужаса, слушал этот странный разговор. И так, никаких сомнений: Рогус, Сэнди-Ски и Али-Ан — фарсаны.

Незнакомец не назвал Лари-Ла и Тари-Тау. Быть может, Лари-Ла и Тари-Тау люди? Или он не успел называть их?

— Но мне нужна индивидуальность сейчас, — снова загнусавил незнакомец.

— Довольно. Идем, — грубо сказал Рогус. — Я запрю тебя в каюте, и ты оттуда не выйдешь до посадки на планету. — Смягчившись, он добавил: — Я тебе потом объясню, в чем дело.

— Ладно, — чуть помедлив, согласился тот.

Они ушли. Я хорошо слышал шарканье Рогуса и твердую поступь незнакомца. Дверь каюты Рогуса захлопнулась.

Что все это значит? Кто этот незнакомец? Фарсан? Еще один фарсан? Но это же немислимо. Так не бывает. Каждый фарсан имеет реального прототипа. Фарсан обретает существование только тогда, когда имеет за своей спиной убитого человека.

Но кто же тогда этот тип с гнусавым голосом?

19-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ♄♃♂♂

Два дня не притрагивался к дневнику, настолько был подавлен внезапно свалившейся на меня бедой. Но все же я нашел силы, чтобы казаться спокойным. Фарсаны ни о чем не догадываются. Иначе они меня давно бы прикончили. Фарсаны и не могут догадаться, пока не получают ясных, убедительных доказательств. Они почти лишены таких человеческих качеств, как предчувствие, прозрение, интуиция. «Фарсаны беспомощны в области неясных идей и догадок», — говорил архан Грон-Гро.

Внешне на корабле ничего не изменилось. Жизнь течет по давно заведенному порядку. Вчера вечером, как всегда, все собрались в кают-компанию. После Али-Ана выступил Сэнди-Ски. Он сообщил последние данные о планете Голубой. Затем Лари-Ла, как всегда, стал рассказывать о своих приключениях на Зургане. Своих ли?..

К этому времени я окончательно овладел собой. Внимательно присматривался к Тари-Тау, прислушивался к рассказам Лари-Ла. И ничего подозрительного не нашел, решительно ничего! Так кто же они, Лари-Ла и Тари-Тау? Люди? Это было бы замечательно! Тогда нас было бы трое против троих фарсанов и одного таинственного незнакомца. Но открыться Лари-Ла и Тари-Тау я еще не решался,

Вчера же вечером я узнал, почему фарсаны оставили меня в живых. Когда зазвучала ночная мелодия и стали расходиться по каютам, я спросил Али-Ана:

— Кто ночью дежурит у пульта управления?

— Тари-Тау.

— Пусть отдыхает. Дежурить буду я.

«Все равно ночь буду плохо спать», — думал я.

— Нет, капитан, — возразил Али-Ан. — Впереди у вас трудное и ответственное дело — посадка на планету. Вам надо отдыхать. А с обычным дежурством справится и Тари-Тау. Он, кстати, за пультом и слагает стихи.

— Без вас, капитан, — сказал поблизости стоявший Рогус, — я не ручаюсь за сохранность всей тонкой аппаратуры при посадке.

Вот оно, оказывается, в чем дело! Как я раньше об этом не догадался? Фарсанам пока что я нужен. Али-Ан, конечно, неплохой пилот. Он может точно по курсу вести корабль в межзвездном пространстве, может даже совершить посадку на благоустроенный космодром Зурганы. Но чтобы без аварий посадить корабль на чужую планету с неизвестным рельефом, с неизвестными свойствами атмосферы... Нет, для этого у Али-Ана не хватает какого-то особого чувства пилота, вдохновения. В этом отношении фарсан, заменивший Али-Ана, еще слабее. Фарсаны, конечно, обладают сверхъестественной выдержкой, быстротой и четкостью логического мышления. Но у них нет и не может быть человеческой интуиции, подлинного, а не наигранного вдохновения.

— Хорошо. Пусть дежурит Тари-Тау, — согласился я и ушел в каюту.

Здесь я с облегчением вздохнул, усаживаясь за клавишный столик. Итак, впереди у меня еще много дней. Фарсаны не убьют меня по крайней мере до тех пор, пока корабль не возьмет обратный курс на Зургану.

На минуту я представил себе картину возвращения корабля на родную планету. Жители Зурганы восторженно встретят астронавтов, не подозревая, что это уже не люди, а фарсаны. На планете появится новое поколение. Вир-Виана давно уже не будет в живых. Но фарсаны, это жуткое воплощение программы и философии Вир-Виана, снова начнут убивать людей, принимать их облик, действуя при этом более тонко и осторожно, чем в прошлый раз. Под видом людей они проникнут в индустриальные и энергетические центры, чтобы установить свое бессмысленное го-

сподство. Вероятно, люди справятся с фарсанами и на этот раз. Но каких жертв будет стоить борьба!

Нет, этого допустить нельзя!

20-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов

У меня сегодня до смешного разыгралось воображение. Не так уж плохо: я способен к юмору, а это значит, что я спокоен и готов бороться.

Вечером, прежде чем засесть за дневник, который любил как своего единственного собеседника, я долго стоял у открытого иллюминатора. Я смотрел на нашу Галактику, на эту огромную звездную колесницу, и думал о том, что было бы, если бы осуществилась безумная мечта Вир-Виана и его единомышленников — шеронов. Сначала Вир-Виан с помощью фарсанов установил бы свое господство на Зургане. А потом... Потом на экране своего воображения я увидел Вир-Виана уже на троне диктатора Галактики. Его лицо торжественно и вдохновенно — Вир-Виан погружен в видения. Он созерцает сияющий космический апофеоз воинственной и могучей расы шеронов. Одетая в броню властолюбия, закованная в сталь высших научно-технических достижений, она победно шагает по Вселенной...

Вот Вир-Виан очнулся от сладостных видений и властной рукой посылает новые звездолеты для покорения новых отдаленных планет. А в звездолетах его гордость — фарсаны, завоеватели Вселенной...

Я рассмеялся над пышной картиной, нарисованной моим воображением. Но это был горький смех. Все же Вир-Виан отчасти добился своей цели: его фарсаны у меня на звездолете, и в их задачу входит завоевание планет. Но я сегодня принял твердое решение: буду бороться до конца. И уж во всяком случае не допущу, чтобы корабль с фарсанами совершил посадку на планету Голубую. Высадившись, они погубят молодую, неокрепшую цивилизацию. А в том, что на этой планете есть зачатки цивилизации, я сегодня убедился окончательно. В разрыве облаков я видел тот же город, расчерченный темными линиями улиц на квадраты. Я видел на улицах какие-то передвигающиеся темные точки. Вероятно, это разумные обитатели планеты.

Сегодня же, оставшись один в рубке внешней связи, послал на Зургану космограмму: «На корабле фарсаны.

Ищу среди экипажа живых союзников. Приму все меры к ликвидации фарсанов. В случае неудачи не ждите возвращения. Тонри-Ро».

21-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ⊙ ⊙

Из кабины утренней свежести я сразу же зашел в рубку управления. За пультом, который беззвучно и дружелюбно подмигивал разноцветными огоньками, сидел Али-Ан.

Он внимательно всматривался в экран радиолокатора, на котором виднелись четкие контуры материков планеты Голубой.

— Да, экран маломощный, — сказал он, обернувшись ко мне. — Но скоро и здесь можно будет увидеть следы разумной жизни на планете.

Я спросил его о курсе корабля.

— Курс в плоскости эклиптики, — ответил он четким языком доклада. — Мы только что прошли орбиту самой отдаленной планеты.

— Вот как! Выходит, мы уже внутри планетной системы. Сейчас возможны встречи с кометами и метеоритами. Надо быть особенно осторожными. Передайте это Тари-Тау. И пусть он сейчас стихи слагает не за пультом управления, а у себя в каюте. А локатор теперь же переведите с ручного управления на автоматическое, на фиксацию метеоритов.

Рука Али-Ана потянулась к тумблеру переключения. На экране исчезло изображение Голубой. Локатор стал шарить в пространстве в поисках опасных метеоритов.

На экране появилась точка, отливающая тусклым светом.

— Вот и метеорит, — сказал я.

Мерцающая точка вначале металась в разные стороны, но вскоре замерла в центре экрана. Электронно-вычислительный мозг, соединенный с локатором, быстро определил массу и орбиту метеорита. Тот, видимо, был далеко в стороне, так как автопилот никак не реагировал на него и корабль не изменил курса.

— Удары мелких метеоритов корпус корабля выдержит, — рассуждал Али-Ан. — А большие встречаются здесь редко.

— Как знать, — возражал я, прислушиваясь к голосам, доносившимся из рубки внешней связи. Там находились Сэнди-Ски и Лари-Ла. Я зашел туда.

— Смотрите, капитан, — восторгался Лари-Ла. — Какая буйная зелень! Безбрежные моря зелени, целые океаны хло-рофилла! А какие диких животных бродят там, под зелеными сводами! Скоро мы их увидим.

Такая ребяческая радость, такой восторг были написаны на его полном лице, что в эту минуту я нисколько не сомневался: он человек!

— Рад за вас, Лари, — улыбнулся я. — Для биолога эта планета — находка.

Сэнди-Ски встал и предложил мне свое место за экраном. Но я отказался, солгав при этом, что сейчас безраздельно увлечен научным трудом о звездах-цефеидах. Я ушел, мрачно поздравив себя с немалым успехом: я научился врать фарсану Сэнди-Ски без малейшей тени смущения.

22-й день 100-го года

Эры Братства Полюсов ~~~ ~~~

Сегодня мне удалось около часа провести за экраном внешней связи в одиночестве, без омерзительного соседства фарсана Сэнди-Ски. Здесь у меня возникла счастливая мысль: передать свой дневник, записанный на кристалле, разумным обитателям планеты Голубой. Пусть он будет весточкой о моей родной Зургане. Наше путешествие, таким образом, пройдет не совсем бесцельно. Это на случай, если посадка на планету из-за фарсанов не состоится.

Наблюдая за Голубой, я задавал себе вопросы: смогут ли разумные обитатели этой планеты прочитать мой дневник? И каковы вообще эти обитатели? Как они выглядят? Быть может, они имеют самые неожиданные и безобразные формы, которые подействовали бы угнетающе на наше эстетическое чувство? Надо спросить об этом вечером Лари-Ла.

Присутствие на вечерах в кают-компании стало для меня неприятной обязанностью. Но я, надеюсь, искусно подавлял омерзение и даже вместе со всеми смеялся сегодня рассказу Лари-Ла. Рассказ был проникнут неподражаемым человеческим юмором. Но главное — в нем при описании нашей планеты присутствовали такие живые, чувственно-конкретные детали, что я обрадовался: человек!

Но тут же подумал, что фарсан может черпать свои рассказы из юмористического дневника убитого биолога. А Лари-Ла был талантливым рассказчиком, умеющим повествовать живописно и красочно.

— Скажите, Лари, — спросил я, как только тот закончил свой рассказ, — как могут выглядеть разумные обитатели Голубой? Похожи они на нас или нет? Смогут ли они понять нас?

Улыбка сошла с лица Лари-Ла. Он стал серьезным.

— Я уже думал об этом, капитан. Конечно, данных, взятых с экрана квантового телескопа, маловато, но кое-какие выводы у меня уже есть. — Лари-Ла вытащил из кармана своего широкого экстравагантного костюма шкатулку. Он раскрыл ее и несколько хвастливо продемонстрировал всем кристалл с записью, пытаюсь показать этим, что и для него настала увлекательная пора научных исследований. Я вглядывался в танцующие цветные знаки-буквы, стараясь запомнить почерк. У меня отличная зрительная память.

— Вот они, предположения и предварительные данные, — сказал Лари-Ла и, захлопнув шкатулку, продолжал поучительным тоном: — Мир животных планеты Голубой может поразить нас, когда мы высадимся, самыми неожиданными, самыми причудливыми формами. Таких зверей и птиц мы на Зургане и во сне не увидим. Однако закон наиболее целесообразного, наиболее адекватного приспособления к окружающей среде приводит к принципиально схожим формам разумных существ на планетах со схожими условиями. А что такое природа? Это огромная кибернетическая машина. В процессе своей эволюции она действует статистически, по методу проб и ошибок, учитывая успешные и неудачные действия. Создавая в процессе эволюции мыслящий дух, орган своего самопознания, она стихийно, вслепую миллионы лет перебирает множество вариантов, стремясь найти для высших организмов наиболее рациональное решение, наиболее целесообразную форму. Все эти хвостатые, бегающие, прыгающие, ползающие, четвероногие, десятиногие и прочие животные — все это пробы и ошибки, неудачные варианты, так сказать, отходы производства. Высшая целесообразность развития узка. Она приводит, повторяю, на разных планетах Вселенной к принципиально схожим формам для носителей разума. И я думаю, что разумные обитатели планеты Го-

лубой очень похожи на нас. Они такие же двуногие, с вертикальной походкой существа, как и мы с вами.

«Любопытно», — думал я, слушая биолога. Но Лари-Ла не был бы подлинным Лари-Ла, если бы тут же не проявил своей несравненной иронии. Его убеждения не всегда выдерживали набегов его же собственного бесшабашного скептицизма. Усмехнувшись и отбросив докторальный тон, Лари-Ла начал говорить о том, что не исключена и другая возможность. И он обрисовал разумных обитателей иных планет в самых фантастических, удручающе безобразных формах. Но говорил он об этом весело, шутливо.

Как все это похоже на настоящего, на живого Лари-Ла!

Конечно, он не фарсан! Или, быть может, прав Вир-Виан, утверждающий, что он добьется абсолютной адекватности фарсана и человека?

Но почерк! Он поможет мне разрешить сомнения. Почерк человека исключительно индивидуален. Его невозможно подделать, особенно в наше время, когда широкое распространение получил такой тонкий, почти музыкальный инструмент для записей, как клавишный столик. Разные люди неодинаково нажимают на клавиши, по-разному вибрируют их удивительно чуткие пальцы. В огненно-танцующих знаках на кристалле, в их особом цветовом и ритмическом рисунке запечатлевается вся душа человека, весь диалектически-противоречивый строй его мыслей и переживаний. Скорее бы уйти в каюту... Вот, наконец, послышались звуки ночной мелодии.

В своей каюте я сразу же подошел к библиотеке — ячейкам в стене, где хранились шкатулки с кристаллами. В разделе «Астробиология» я нашел шкатулку с надписью: «Лари-Ла. Высшие организмы Вселенной».

Закрыв на минуту глаза, я до мельчайших подробностей, до тончайших оттенков вспомнил почерк, который видел сегодня. Затем открыл шкатулку.

В кристалле запламенели цветные знаки. И я словно увидел Лари-Ла — то серьезного, то шутливого, то иронически-бесшабашного Лари-Ла. Сначала я не нашел в почерках никакой разницы. Но, вглядываясь внимательней, я все же обнаружил едва заметное, но существенное различие. В почерке сегодняшнего Лари-Ла не было какой-то певучести, всего многообразия чувств. Короче говоря, не было главного — души. Сердце сжалось у меня от этого открытия.

Нет, душу человека, как и его почерк, не подделать, не

воссоздать никаким фарсанам. Слова Вир-Виана об абсолютной адекватности, идентичности человека и фарсана — это чепуха, это софизм антигуманиста.

Как тяжело признать, что Лари-Ла фарсан, а не человек... Остается только Тари-Тау. Но спешить нельзя. Надо к нему присмотреться.

Тари-Тау! Милый юноша! Неужели мы остались только вдвоем?

Сначала я всматривался лишь в форму знаков, в почерк Лари-Ла. Но вот до сознания стал доходить и смысл отдельных фраз: «Природа, словно кибернетическая машина, действует по методу проб и ошибок... Отходы производства»...

Я рассмеялся. Вот откуда, оказывается, любопытные рассуждения фарсана о высших организмах Вселенной!

23-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов 88

Жители планеты Голубой, если они сумеют прочесть мой дневник, будут, вероятно, в недоумении: кто же такие фарсаны? Несколько позже я подробно расскажу о фарсанах, о том, как они у нас появились.

Но сначала хочу рассказать собратьям по разуму о нашей родной планете.

Я подошел к ячейкам и стал искать кристалл, в котором были бы просто и сжато изложены сведения о Зургане. Наугад взял одну шкатулку: «Рой-Ронг». Здесь записаны стихи Рой-Ронга — первого поэта Зурганы. Первого... Если Тари-Тау не фарсан, а живой человек, он затмит всех поэтов Зурганы... Я положил шкатулку обратно и взял другую. «Тонри-Ро» — прочел я и улыбнулся. Здесь мои собственные стихи, записанные на кристалл еще в школе астронавтов. Стихи наивные, подражательные, но искренние.

Я раскрыл шкатулку и прочитал:

Мне снилось, что я в звездолете
В пространстве лечу и лечу.
Я летчик межзвездного флота,
Любой мне маршрут по плечу.

Передо мной словно распахнулся мир моей юности, мир, полный звуков, красок, света... Густой и прохладный парк около школы астронавтов. В перерыве между заня-

тиями я и Сэнди-Ски, спасаясь от палящих лучей солнца, зашли под могучую крону гелиодендрона, тихо звеневшего широкими плотными листьями. Здесь я впервые прочитал свои стихи Сэнди-Ски. Тот в шутку предложил записать стихи на кристалл, а шкатулку всегда ставить рядом со шкатулкой Рой-Ронга...

Возникшее в моем воображении казалось настолько реальным, что я почувствовал запах мохнатой коры гелиодендрона, услышал свист ракетоплана, пролетевшего в чистом, без единого облачка небе. Именно в таких картинах я и решил показать разумным обитателям Голубой нашу планету. Это лучше, чем излагать сухие книжные сведения о Зургане. К тому же, вспоминая прекрасные дни моей юности, я хоть на короткое время забуду об окружающих меня фарсанах.

Но с чего начать? В памяти хорошо сохранились лишь отдельные, разрозненные моменты моей жизни на Зургане. И тут сам случай помог мне. В глубине той же ячейки, где хранились мои стихи, я нашел не совсем обычную шкатулку, изящную, голубую и без надписи. Аэнна-Виан... Самая красивая девушка Зурганы... Во время нашего последнего свидания она подарила мне эту шкатулку.

— Если ты в Космосе захочешь увидеть меня, — сказала она, — то две-три таблетки тебе не повредят.

В шкатулке лежали три белых шарика — таблетки приятных сновидений. Эти возбудители приятных сновидений получили широкое распространение на Южном полюсе Зурганы в эпоху заката древней империи шеронов. В наше время, в эпоху Братства Полюсов, таблетки применяются лишь по рекомендации врачей, да и то в редких случаях. Их принимают на ночь. Засыпая, надо думать о тех минутах своей жизни, продолжение которых хочешь увидеть во сне. Клетки головного мозга, на которых как бы записана память об этих минутах, возбуждаются. И во сне видишь все, что было, с изумительной логичностью и красочной яркостью.

24-й день 100-го года

Эры Братства Полюсов

Наконец-то я у себя в каюте. Первую половину дня вынужден был провести в обществе фарсанов — то в рубке управления, то перед экраном внешней связи.

В каюте я сразу же сел за клавишный столик, чтобы записать свой сон. Он был настолько конкретен и многозвучен, что я задаю вопрос: сон ли это? Я словно побывал на Зургане. Я страдал от знойного дыхания Великой пустыни, чувствовал приятную прохладу северных парков, видел людей, слышал их голоса...

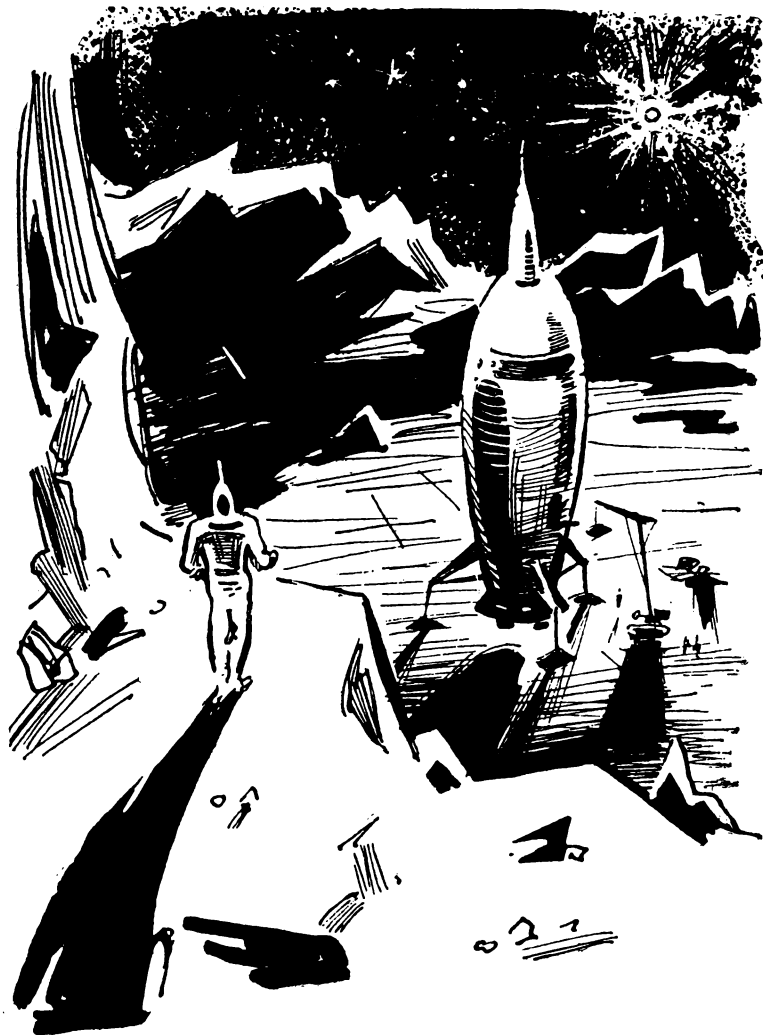
Но сначала коротко о нашей планетной системе. Она не отличается разнообразием. Вокруг центрального светила, нашего солнца, вращаются всего три планеты. Самая ближняя к светилу — Зирга — настоящее адское пекло. Атмосфера ее давно сорвана мощным потоком светового излучения. Зирга — мертвый раскаленный шар. Среди дышащих жаром гор сверкают озера расплавленного олова и свинца. На этой планете можно изжариться в самом термостойком скафандре. Лишь один Нанди-Нан, прославленный астронавт и крупнейший ученый, сумел однажды совершить посадку на теневой стороне Зирги.

Вторая от светила планета — наша Зургана, колыбель разума и человеческой культуры. Ось ее вращения не имеет наклона к плоскости эклиптики. Поэтому у нас нет смены времен года. Зургана в шесть раз дальше от светила, чем Зирга. Но и здесь чувствуется могучее и жаркое дыхание яростно пылающего светила. Его жгучие лучи давно, еще на заре человечества, превратили обширную экваториальную часть в раскаленную пустыню. Зато на полюсах царит вечное лето с весело шумящей зеленью, с редкими грозами и дождями.

Тутус — самая отдаленная планета, полная противоположность Зирги. Светило отсюда кажется не больше того шарика, который я проглотил вчера перед сном. Здесь вечные снега, голубые льды, тонкая и ядовитая атмосфера. Планета холодная и неудобная, но более удобная для освоения, чем Зирга. Здесь уже несколько лет существовали небольшие поселения зурган-добровольцев. Они добывали редкие на Зургане металлы. Одно время я — молодой, но уже опытный астролетчик — совершал регулярные рейсы между Тутусом и Зурганой, перевоза редкие металлы для строителей транспланетной дороги.

Проглотив вчера таблетку приятных сновидений, я улегся в постель и стал вспоминать свой последний рейс на Тутус. Ибо день возвращения на Зургану из этого рейса был для меня счастливым днем.

Мой планетолет, задрав в фиолетовое небо тускло поблескивающий острый нос, стоял на ровной площадке не-

большого космодрома. В раскрытую пасть грузового отсека поселенцы затаскивали слитки. Дело продвигалось медленно: подъемные механизмы на этой насквозь прохваченной космическим холодом планете часто выходили из строя.

Около рабочих суетился начальник нашей экспедиции Данго-Дан, нерешительный, слабовольный и ворчливый пожилой человек.

— Не мешало бы побыстрее, ребята, — уговаривал он их.

В это время я, разминаясь после долгого сидения за пультом управления, с удовольствием бродил по льдистому берегу речки. Вместо воды здесь, дымясь, текла жидкая углекислота. Долго стоял около памятника Тутусу — первому астронавту из сулаков, погибшему здесь при посадке. В его честь и названа эта морозная планета.

Когда планетолет был загружен, Данго-Дан направился ко мне, и я услышал в наушниках его голос:

— Тонри-Ро! Хорошо, если бы ты, Тонри, поторопился. Строители транспланетной ждут материалы.

Весил я на этой планете раз в пять меньше, чем на Зургане. Поэтому быстро, в два-три приема, поднялся на площадку верхнего люка и стал ждать, когда неповоротливый Данго-Дан взберется ко мне.

Сняв скафандры, мы разместились в тесной каюте грузового планетолета. Я — у щита управления. Данго-Дан — сзади.

Планетолет легко оторвался от космодрома и быстро набрал скорость. Трасса Зургана — Тутус была спокойной: ни метеоритов, ни комет. Я переключил планетолет на автоматическое управление и стал мечтать о первой межзвездной экспедиции, которая была приурочена к столетию Эры Братства Полюсов. Меня могли зачислить в экипаж звездолета. Ведь я ученый-астрофизик и второй пилот после Нанди-Нана. Я согласен быть на корабле кем угодно, хоть третьим, запасным пилотом. Возглавит экспедицию, конечно, Нанди-Нан.

Погруженный в мечты о межзвездной экспедиции, я чуть не упустил момент, когда надо было переходить на ручное управление. Почти весь экран локатора занимала Зурган — огромный полосатый шар. На полюсах находились благоустроенные космодромы. Оттуда металл на грузовых гелиопланах доставляли строителям.

— По-моему, сегодня лучше садиться на южный космодром. Оттуда ближе к дороге, — сказал Данго-Дан.

Но у меня появилась дерзкая мысль — совершить посадку в пустыне, прямо на пески, совсем близко от строительства.

Планетолет вошел в атмосферу и стал приближаться к пустыне. На экране возникли желтые волны песчаных барханов.

— Что ты делаешь? — забеспокоился Данго-Дан. — Не видишь разве, где космодром?

— Строители транспланетной ждут материалы, — повторил я его же слова.

— Не надо было этого делать, — умоляюще проговорил Данго-Дан, — разобьешь планетолет.

— Не бойтесь. Самое большее — слегка деформирую опоры.

— Не позволю своевольничать! — вдруг закричал он. В его голосе слышалось отчаяние.

Мне стало жаль его, но было уже поздно. Двигатели перешли на режим торможения. На экране замелькали барханы и многочисленные извилистые трещины. Их надо опасаться больше всего. Для посадки я выбрал самый пологий и мягкий бархан. Планетолет должен сесть на него, как на подушку. Нужны безошибочный расчет, чутье, вдохновение пилота, чтобы точно посадить планетолет в необычных условиях. И мои руки замелькали на щите управления среди многочисленных кнопок и верньеров.

Наконец опоры мягко вонзились в песок бархана. Двигатели заглохли. Планетолет слегка накренился, но по аварийным огонькам щита управления я видел, что даже опоры в полной исправности. Я ликовал.

Едва мы вышли на площадку верхнего люка, как на нас с визгом обрушился песчаный шквал. Данго-Дан встал сзади и, прикрывая глаза от пыли, с облегчением вздохнул:

— Повезло тебе, Тонри, с посадкой.

— Это не просто везение...

Но тут я заснул. Таблетка приятных сновидений, наконец, подействовала. Вернее, не заснул, провалился в сон, как в яму. Заснул мгновенно и крепко.

Первое, что ощутил во сне, это песок. Он набивался в уши, в ноздри, противно хрустел на зубах. А сзади слышал облегченный вздох Данго-Дана:

— Повезло тебе, Тонри, с посадкой.

— Это не просто везение, а точный расчет, — несколько самоуверенно ответил я.

Спускаясь вниз, мы чувствовали жаркое дыхание пустыни. От раскаленных песков поднимался горячий воз-

дух, сверху немилосердно-жгучим потоком лилась солнечные лучи. Но песчаный шквал, к счастью, затих.

Мы увидели группу людей в серебристых комбинезонах. Они махали нам руками.

— Приглашают нас под купол дороги. Там прохладно, — пояснил Данго-Дан. — Идем туда.

Как я ни всматривался, никакого купола не видел. Заметив мое недоумение, Данго-Дан рассмеялся:

— Его и не увидишь. Он прозрачен, как воздух. — В словах Данго-Дана чувствовалась гордость энтузиаста транспланетной магистрали.

— Видишь вон там, — он показал рукой, — матово-белую полосу, прямую, как стрела? Это и есть основание дороги. Над ним прозрачный купол — тоннель из стеклозона. Вернее, два купола: внешний и внутренний. Когда дорога протянется от полюса к полюсу, из внутреннего купола выкачают воздух. В вакууме по белой гладкой полосе с огромной скоростью помчатся в электромагнитных полях скользящие поезда.

— Дешевле было бы обойтись воздушным транспортом.

Это замечание рассердило Данго-Дана.

— А пустыня? — недовольно спросил он. — Пустыня пусть, по-твоему, так и остается? Дорога — не только средство сообщения полюсов. Она нужна как первый этап для наступления на пустыню. Видишь по краям большие вогнутые чаши?

— Это, верно, гелиостанции? — спросил я, вытирая пот с лица. Данго-Дан почти в три раза старше меня, но он не страдал от жары и шагал по раскаленным пескам довольно легко. «Привык он, что ли?» — с завистью думал я.

— Да, это гелиостанции. Для них-то мы и привезли редкие металлы. Гелиостанции превращают лучистую энергию жаркого экваториального светила в электрическую. А энергия нужна для синтеза воды и холодильных устройств. Вдоль дороги скоро зазеленеют сады и парки, появятся жилые дома. Это будет не просто дорога, а дорога-оазис.

Данго-Дан говорил, все более воодушевляясь. Я всегда любил слушать энтузиастов своего дела. Но сейчас изнемогал от жары, поэтому почувствовал большое облегчение, когда мы вошли под купол дороги. Здесь и в самом деле было прохладно.

— Стеклозон, — с восхищением проговорил Данго-Дан, постучав по куполу. — Он не пропускает жаркие инфракрасные лучи. Потому здесь и прохладно.

— Наши дома ведь тоже строятся из стеклозона?

— Из вспененного стеклозона, — поправил он. — Наши дома — это легкая пена стеклозона, на девяносто процентов состоящего из воздуха, вернее — из воздушных пузырьков. Кроме того, туда добавляются красящие вещества, голубые, зеленые, пепельно-серые. Но купол дороги делается из чистого и монолитного стеклозона. Эта дорога просуществует тысячелетия, и никакие песчаные бури не нанесут куполу ни малейших царапин... Я ведь специалист по стеклозону, — продолжал он. — И зачем я согласился стать начальником экспедиции на Тутус? Но нам так нужен был металл. Теперь откажусь от этого... Стеклозон! Перспективный строительный материал! Культура стекла — самая древняя. На нашей песчаной планете человек научился варить стекло раньше, чем металл. А стеклозон — это высшая ступень производства стекла. В сущности, это не стекло. Какое же это стекло, если он прочнее всех металлов? Архитектурные и скульптурные ансамбли из стеклозона нетленны...

Данго-Дан разошелся. Он бы еще долго говорил, если бы ему не помешали. К нам подъехал большой гусеничный вездеход. Такие вездеходы, с кухней, душем и прочими удобствами, заменяют кочевникам-строителям жилые и служебные помещения.

Из кабины выскочила загоревшая почти до черноты девушка и крикнула нам:

— Вас вызывают к экрану всепланетной связи! — Подойдя ближе, она спросила:

— У вас авария? Или горючего не хватило?

— Какая там авария, — проворчал Данго-Дан. — Мальчишке захотелось отличиться — вот и все.

Девушка с любопытством посмотрела в мою сторону. Она узнала меня: изображения астронавтов часто показывают на экране всепланетной связи.

Я не заметил восхищения своим поступком. Более того, на ее губах дрогнула ироническая улыбка, когда она сказала:

— Вам предстоит, видимо, крупный разговор с самим председателем Совета Астронавтики. Нанди-Нан ждет вас обоих у экрана.

— Идем, Тонри, — вздохнул Данго-Дан.

— Идите один. Вы же начальник экспедиции.

Мне было неудобно перед Нанди-Наном за нарушение строгих правил космической навигации. Только сейчас я начал сознавать глупость своего лихачества.

Вздыхнув еще раз, Данго-Дан нерешительно направился к вездеходу.

Вернулся он сияющий.

— Все в порядке, я уже не начальник экспедиции, — радостно объявил он. — Нанди-Нан больше всего расспрашивал о тебе. Он ждет тебя в Совете Астронавтики, хочет лично побеседовать.

Настроение у меня совсем упало. Я вышел из прохладного купола в опаляющий зной пустыни.

Подошел к одноместному гелиоплану и с удовольствием положил руки на его приятно-холодноватый корпус. Покрытые полупроводником корпус и крылья гелиоплана не накалялись и не отражали тепло. Наоборот, они почти без остатка поглощали лучистую энергию и превращали ее в электрическую. На этой даровой энергии гелиоплан летал по воздуху, раскинув свои широкие крылья.

Одной ногой я уже забрался в кабину, но кибернетический пилот, вмонтированный в пульт управления, бесстрастным голосом доложил:

— Энергии всего на пятьдесят лиг.

Это означало, что гелиоплан после недавнего полета не успел накопить в аккумуляторах достаточно энергии. Пришлось снова идти по горячим пескам. К счастью, одноместных гелиопланов было много. Киберпилот соседней машины металлически отчеканил:

— Энергии на тысячу лиг.

«С избытком хватит», — думал я, усаживаясь в мягкое кресло. Прозрачный колпак кабины захлопнулся.

— Куда? — спросил киберпилот.

— В Совет Астронавтики, — ответил я. Меня так разморило, что не хотелось самому вести машину. Доверился автомату, чего я вообще-то не любил.

Гелиоплан легко и бесшумно взлетел и, набирая высоту, взял направление на Северный полюс. На большой высоте воздух был прохладней, и мне захотелось впустить в кабину струю свежего ветра. На мою попытку открыть колпак киберпилот предупредил:

— Сейчас не рекомендуется этого делать. Разогревшись в пустыне, вы можете простудиться.

— Подумаешь, какая забота, — с неудовольствием проговорил я.

Но автомат был прав, и я не стал открывать колпак. Не хватало еще, чтобы к Нанди-Нану явился законченный космический разбойник с осипшим голосом.

Через два часа внизу зазеленели поля, сады и парки Северного полюса, заискрились реки и водоемы. Вдали, среди высоких раскидистых гелиодендронов и вечноцветущих кустов, засверкали купола и шпили Зурганоры — столицы Зурганы.

Гелиоплан пошел на снижение и вскоре плавно приземлился около Дворца астронавтов — величественного голубого здания, всеми своими легкими, воздушными линиями устремленного ввысь. Архитектор придал ему форму звездолета, каким представляли его себе писатели и художники-фантасты. Дворец, напоминающий космический корабль в момент старта, хорошо выражает мечту человечества о звездных полетах.

Во Дворце я узнал, что Нанди-Нан находится в галактическом зале. Я вошел в зал и словно очутился в Космосе. В темноте сверкала мириадами звезд наша Галактика. На фоне светлой туманности вырисовывался четкий профиль Нанди-Нана.

Вспыхнул свет, и зал приобрел обычный вид. Нанди-Нан направился к клавишному столику, чтобы сделать какую-то запись. Нанди-Нан, как и Данго-Дан, давно перешагнул за средний возраст. Но какая разница! В противоположность располневшему и нерешительному Данго-Дану, Нанди-Нан сухощав, строен, энергичен в движениях.

— Ага, лихач! — засмеялся он, увидев меня. — Космический авантюрист!

Я с облегчением заметил, что, несмотря на насмешливые слова, Нанди-Нан улыбался дружелюбно.

— Ну-ка, расскажи, как ты ухарски посадил в пустыне грузовой планетолет.

Не дослушав до конца, Нанди-Нан строго осведомился:

— Ты был уверен в успехе или рисковал?

— Абсолютно уверен.

— Я так и предполагал. Узнаю себя, когда я был таким же молодым. Все же ты нарушил правила навигации, и многие предлагали от имени Совета Астронавтики выразить тебе порицание. Но я отстоял тебя.

Помолчав немного, он внимательно посмотрел на меня и предложил:

— Давай сядем и поговорим.

Мы уселись в кресла друг против друга.

— Ты не догадываешься, зачем я вызвал тебя?

— Сейчас нет. До этого думал...

— Знаю, о чем ты думал. Но речь сейчас не о том. За время твоего отсутствия произошло несколько важных и, думаю, очень приятных для тебя событий. Начну с менее важного. Круг арханов рассмотрел твою работу по астрофизике и нашел ее хоть и незаконченной, но очень перспективной и оригинальной. Твои смелые поиски в области переменных звезд получили всеобщее признание, и Круг арханов избрал тебя членом Всепланетного Круга ученых.

— Если это менее важное событие, то что же дальше! — воскликнул я.

— А дальше то, что Круг арханов совместно с Советом Астронавтики определил состав будущей межзвездной экспедиции.

— И я назначен вторым пилотом?.. — От волнения я даже привстал с кресла.

— Ты назначен первым пилотом, капитаном корабля, начальником экспедиции.

Я был до того ошеломлен, что долго не мог вымолвить ни слова.

— А как же... А как же вы? — наконец спросил я.

— Я слишком стар. То есть не то, чтобы очень уж стар. Летать еще могу и буду летать в пределах системы. Но для межзвездной экспедиции не годюсь. Она продлится много лет, и нужны самые молодые. На Зургану должны вернуться не дряхлые старики, а люди в зрелом, цветущем возрасте.

— Ну, и чтобы окончательно добить тебя, — усмехнулся Нанди-Нан, — скажу еще одно: в экспедицию зачислен твой друг планетолог Сэнди-Ски.

Это было уж слишком для одного дня. Я буквально онемел от счастья.

— Вижу, что на сегодня хватит, — засмеялся Нанди-Нан и, положив руку на мое плечо, добавил: — Рад за тебя. Обо всем подробней поговорим в следующий раз. А сейчас иди отдыхать.

Я вышел из Дворца астронавтов и бросился к гелио-

плану. Но его не оказалось на месте. Кто-то уже улетел на нем. Однако я быстро нашел другую машину.

— Куда? — спросил киберпилот, едва я уселся в кабине.

— Домой! — воскликнул я.

— Где ваш дом? — сухо и, как мне показалось, недружелюбно спросил киберпилот. Можно было показать на карте щита управления точку, где надо совершить посадку. Но я всегда недолюбливал автоматику, слишком уж поддельвающуюся под человека. К тому же от переполнявшего меня счастья хотелось двигаться, что-то делать. Я отключил киберпилота и взялся за штурвал.

Поднявшись в небо, я сделал круг над Зурганорой. Прекрасные голубые арки, серые, под цвет гранита, набережные и лестницы, разноцветные, но простые и удобные жилые дома — все сделано из пеностеклозона, о котором с таким увлечением рассказывал Данго-Дан, из материала, который прочнее стали и легок, как кружева. А дворцы! Создавая их, архитекторы вложили все свое мастерство и вдохновение. Каждый дворец — это оригинальное, неповторимое произведение искусства.

Я любил Зурганору...

Повернув штурвал, я направил гелиоплан домой, вдоль темной ленты гелиодороги. Дорога эта, как и корпус гелиоплана, покрыта полупроводниковым слоем, жадно впитывающим лучи, льющиеся сверху мощным золотым потоком. На гелиодороге я заметил под тентами людей. Станные люди! Видимо, они не очень спешили, если пользовались дорогой, движущейся не быстрее бегуна. Я всегда предпочитал более современные способы передвижения: гелиопланы и ракетопланы.

Поднявшись выше, я открыл верх кабины и полетел с максимальной скоростью, опьяняющей и захватывающей дух.

Внизу проносились поля, сельскохозяйственные постройки, плодоносные сады и заводы со светлыми, как оранжереи, цехами. А вот большая огороженная и тщательно охраняемая территория самой мощной на планете ангиляционной энергостанции. На меня она производит гнетущее впечатление. Видимо, потому, что там во время опасного эксперимента погиб мой отец. Сверху я видел отдельные наземные сооружения энергостанции. Там, глубоко под землей, стоит несмолкаемый грозный шум гигантских турбин.

Показалась Тиара — город, в котором я живу. Тиара — это скорее не город, а буйно зеленеющий парк с редкими вкраплениями многоцветных домов и дворцов. Я посадил машину около моего дома на открытой, незатененной площадке, где гелиоплан мог бы накапливать солнечную энергию. В саду собирал плоды наш покорный и неутомимый кибернетический слуга, похожий на вертикально поставленного огромного муравья.

— Гок! — позвал я его.

Гок проворно подбежал ко мне на своих гибких ногах-сочленениях.

— Где мама? — спросил я.

— На анигиляционной энергостанции. Вернется не скоро.

Значит, снова под землей, на гигантской фабрике энергии. Работая в экспериментальном цехе, она старается заменить отца.

Я направился в свою комнату. Только сейчас я почувствовал усталость. Слипались глаза, страшно хотелось спать.

Слуга послушно плелся сзади. Он вызывал во мне безответную неприязнь, словно живое существо. Мать же, наоборот, любила часами беседовать с ним.

Гок — последнее слово малой, так называемой домашней, кибернетики. По своей универсальности он не уступает огромным электронным «думающим» машинам, построенным по старинке — на полупроводниках. Его толстое муравьиное брюхо, до отказа напичканное миллионами микроэлементов, — бездонное хранилище знаний. Гок способен производить с молниеносной быстротой сложнейшие вычисления. Без него я запутался бы в черновых расчетах, и моя работа по астрофизике затянулась бы на десятки лет. Но — странное дело! — чем больше я нуждался в нем, тем неприятнее он мне становился.

В комнате было светло, как на улице. За прозрачными стенами гнулись под свежающим ветром деревья. Скоро, видимо, будет дождь.

— А вчера мама была дома? — спросил я, раздеваясь.

— Да. Вчера мы вычисляли коэффициент анигилируемой меди.

— Меди?

— Да, меди. Архан с Южного полюса Ронти-Рот и несколько ученых-северян выдвинули предположение, что

медь с успехом можно использовать на наших анигилиционных станциях. Я же считаю, что медь скоро вытеснит более дорогую ртуть и антиртуть.

И откуда только Гок знает все эти новости? Мне захотелось посадить в лужу этого тупицу-всезнайку.

— Вчера Круг арханов составил список членов межзвездной экспедиции, — сказал я. — Кого, по-твоему, назначили начальником экспедиции? Ну-ка, сообрази, пошевели своими железными мозгами.

— Конечно, Нанди-Нана.

— Вот ты и ошибся. Назначили меня.

— Не может быть. Потому что...

— Ну ладно, хватит! — прервал я его. — Хочу спать.

Слуга знал мою привычку спать под открытым небом. Он быстро проковылял к стене и нажал кнопку. Стены потемнели. Надо мной раскинулся купол искусственного темно-фиолетового неба, усыпанного огненной звездной пылью. Беззвучно заработали невидимые вентиляторы. Легкими порывами подул свежий ночной ветер.

Я повалился на постель и мгновенно заснул. Проснулся от шума, доносившегося со стороны экрана всепланетной связи. Не открывая глаз, я прислушался. Там происходила какая-то перебранка. «Кто мог быть на экране? — гадал я. — Сэнди-Ски! Ну конечно, он! Только он мог так сочно выражаться». Гок что-то пытался ему объяснить. На это вспыльчивый планетолог разразился градом проклятий.

Я слегка приоткрыл один глаз и увидел забавную сцену. На светящемся экране — сердитое лицо моего друга, его густые брови грозно хмурились. Перед экраном, обливаемый призрачным светом, стоял Гок и однообразно тянул:

— Он спит всего три часа. Не стану его будить.

— Молчи, дурак! — стараясь сдержаться, говорил Сэнди-Ски. — Он срочно нужен.

— Но, поймайте, он вернулся из межпланетного полета...

— Но-но, болван, железная побрякушка, ты еще учить меня вздумал!

Рассмеявшись, я вскочил, подбежал к экрану и оттолкнул Гока. Тот отлетел в сторону, едва удержав равновесие.

— Так его, хама, — злорадствовал Сэнди-Ски. — Эо, Тонри!

— Эо! — приветствовал я его. — В чем дело?

— Ты разве не знаешь? Сейчас загорится огонь над Шаровым Дворцом знаний. Я жду тебя у Дворца.

Огонь над Дворцом знаний означал, что там собрался Всепланетный Круг ученых, обсуждающих какую-нибудь важную проблему.

«Почему Нанди-Нан ничего не сказал об этом? — думал я. — Видимо, хотел, чтобы я хорошо отдохнул».

Я быстро оделся и выскочил на улицу.

Через час я был в Зурганоре.

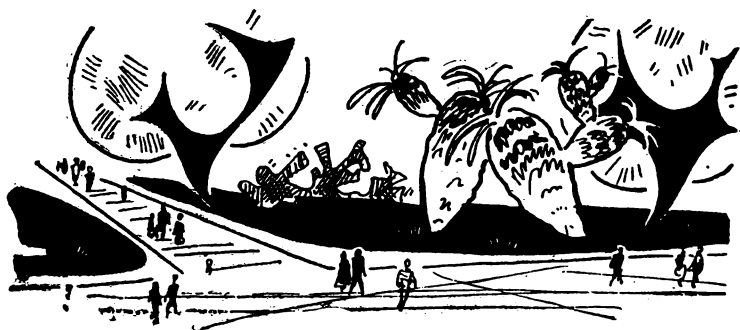
Шаровой Дворец — своеобразное здание. Это гигантский сиреневый шар, находящийся на большой высоте. Создается впечатление, что шар ничем не связан с поверхностью планеты и свободно парит над столицей Зурганы, купаясь в синеве неба. Но на самом деле он неподвижен и стоит на очень высоких и совершенно прозрачных стеклозонных колоннах.

Я посадил гелиоплан на свободную площадку. Под колоннами Дворца меня ждал Сэнди-Ски.

— Какие вопросы обсуждаются на Круге? — спросил я его.

— Ты даже этого не знаешь? — засмеялся он. — Ты совсем одичал за время межпланетного полета. Вопрос один — генеральное наступление на пустыню. Пойдем скорее, мы и так опоздали.

На прозрачном эскалаторе мы поднялись на головокружительную высоту и встали на площадке перед входом во Дворец. Отсюда, с высоты полета гелиоплана, была видна вся столица Зурганы. Мы вошли внутрь, в гигантский круглый зал. Он напоминал сейчас огромную чашу,

наполненную цветами, — так праздничны были одежды присутствующих.

В центре чаши, на возвышении, образуя круг, расположились арханы — самые выдающиеся ученые. Поэтому высший совет ученых планеты так и называется Круг арханов.

Мы с Сэнди-Ски прошли в свой сектор астронавтики и уселись на свободные места. Здесь были знакомые мне астрофизики, астробиологи, планетологи, астронавты.

— Имеется два основных проекта освоения Великой Экваториальной пустыни, — услышал я голос одного из арханов. — Первый проект вы сейчас увидите.

Погас свет. Огромный полупрозрачный светло-сиреневый купол зала стал темнеть, приняв темно-фиолетовый цвет ночного неба. На нем зажглись искусственные звезды.

И вдруг в темноте, в центре зала, возник большой полосатый шар — макет нашей планеты.

— Последнее слово инженеров-оптиков, — шепнул мне Сэнди-Ски.

Это был изумительный макет Зурганы — в точности такой планеты, какую я не раз видел в Космосе со своего планетолета. На полюсах — зеленые шапки с правильными линиями гелиодорог и аллей, с квадратами и овалами парков и водоемов. Зеленые шапки-оазисы отделялись от пустыни узкими серовато-бурыми полосами. Здесь растительная жизнь в виде желтой травы и безлистного кустарника отчаянно боролась с песками и жаром пустыни. Три четверти поверхности планеты занимал широкий желтый пояс Великой Экваториальной пустыни. Безжизненный край, край визжащих песчаных бурь и смерчей. А вот и транспланетная магистраль, для которой я недавно доставлял редкие металлы. Правда, здесь, на макете, она была изображена уже готовой. Примыкая к магистрали, протянулись с Севера на Юг полосы зеленых насаждений. «Дорога-оазис», — вспомнились мне слова Данго-Дана. По меридиану, параллельно первой магистрали, появились вторая, третья... Десятка два магистралей-оазисов. Они соединились темными лентами гелиодорог — солнечной энергии на экваторе хоть отбавляй. В пустыне появились сверкающие квадраты водоемов, первые города. И вот вся планета была расчерчена парками и аллеями, гелиодорогами и каналами. Она напоминала гигантский чертеж. У меня вызвала досаду эта математически правильная, геометрически расчерченная планета.

Сэнди-Ски сердито хмурил брови.

— Нравится? — спросил я его.

— Чертова скука, — ответил он.

Такое же мнение, хотя и не так энергично, высказали многие участники Круга, когда в зале снова вспыхнул свет.

— Что мы сейчас видели? Бедную, израненную планету! — с горечью воскликнул Рут-Стренг из сектора биологии. — Планету, изрезанную на куски аллеями, исхлестанную гелиодорогами. Человек на такой планете окончательно оторвется от природы, породившей его. Нет, с таким проектом согласиться нельзя.

Рут-Стренг ушел с трибуны под одобрительный гул зала. На трибуне появился архан Грон-Гро, высокий, еще сравнительно молодой человек. Он поднял обе руки, призывая к тишине.

— Еще в эпоху классового разобщения и вражды полюсов, — начал он, — высказывалась правильная мысль о том, что человек не может быть по-настоящему свободным, радостным и духовно богатым, если он смотрит на природу чисто утилитарно, потребительски. Переделывая мир, человек соответственно переделывает и себя. Вот почему мы должны относиться к природе как к источнику радости и эстетической ценности. Автор проекта не очень оригинален. Он просто распространил на всю планету то, что имеется сейчас на полюсах. Но уже давно сложилось мнение, что цивилизация наша приобретает неверный, слишком утилитарный, слишком технический характер. Мне по душе другой проект, который вы сейчас увидите.

В зале снова погас свет. И снова в космическом пространстве, искусно созданном инженерами-оптиками, кружился огромный полосатый шар Зурганы. По меридианам пролегли транспланетные магистрали-оазисы. Они так же, как и в первом проекте, соединялись лентами гелиодорог с поселками по обе стороны. Но вместо аллей и геометрически правильных водоемов и каналов на планете зазеленели огромные массивы возрожденных древних лесов. Это были настоящие джунгли, края непуганых птиц и зверей, заповедные места с крутыми горами, с извилистыми реками, со звенящими водопадами. Мир предстал перед нами непостижимо разнообразным — могучим, буйно зеленым, радостно шумящим...

— Вот это я понимаю! — восторгался Сэнди-Ски. — То, что надо здоровому человеку. Согласен?

— Да, согласен... — пробормотал я. Мне было сейчас не до разговора. Слово замороженный, я смотрел в соседний, гуманитарный сектор. Там сидела девушка своеобразной красоты. Я видел четкий, прекрасный профиль, густую волну темных волос, чуть скрывавших загорелую, словно выточенную из бронзы стройную шею. Это была типичная представительница расы шеронов, расы, которая всегда боготворила женскую красоту. Но не красота ее поразила меня: я встречал не менее миловидных девушек, и ни одна из них не взволновала меня, не затронула мою душу и сердце. А эта!.. Девушка была не просто красивой. Лицо ее — музыка, запечатленная в человеческих чертах.

Девушка, словно почувствовав пристальный взгляд, посмотрела в мою сторону, по ее лицу скользнула грустно-ироническая улыбка.

Я отвернулся и стал смотреть на трибуну, стараясь вникнуть в смысл выступлений.

— Человек должен взаимодействовать с естественной средой обитания на условиях, адекватных его сущности, его гуманистической сущности, — говорил один из рядовых членов Круга. Выражался он слишком мудрено. Видимо, такой же новичок здесь, как и мы с Сэнди-Ски.

В противоположность ему речь архана Нанди-Нана, выступившего следующим, отличалась простотой и образностью.

— Второй проект не лишен частных недостатков, но в целом он мудр и дальновиден. Автор его правильно подчеркивает, что живая, первозданная природа, в лоне которой появился человек, необходима нам, как воздух. С детства человек испытывает ее благотворное влияние. Ребенок, изумленно уставившийся на жука, ползущего по зеленой качающейся травинке, полюбит живую природу, найдет в ней что-то бесконечно ценное и доброе. Природа в большей степени, чем искусство, формирует гуманиста.

— Мы овладели ядерной энергией, — продолжал Нанди-Нан, — наши ученые проникли в тайну самой могущественной энергии — энергии всемирного тяготения. И я считаю позором, что столь высокая цивилизация до сих пор терпит у себя на планете громадный безжизненный край раскаленных песков. Правда, наша планета не так густо населена. Но это может служить отчасти объяснением, но никак не оправданием.

Мне всегда нравился Нанди-Нан, и взгляды его я полностью разделял. Стройный и сухощавый, он стоял на три-

буне и говорил вдохновенно и темпераментно. Но сейчас я слушал его невнимательно. Мои мысли были заняты иным, и я снова то и дело смотрел в сторону гуманитарного сектора. В это время девушка повернулась к соседке и что-то шептала ей, мягко жестикулируя. Меня поразила естественная грация ее движений, высокая культура каждого жеста, свойственная нашим знаменитым танцовщицам. «Но кто она? — гадал я. — Может быть, действительно танцовщица? Или поэтесса?»

Я словно сквозь сон слышал разгоревшиеся споры, гул голосов в зале. И вдруг наступила тишина. Я невольно взглянул на трибуну. На ее возвышение, не спеша, поднимался архан Вир-Виан — выдающийся ученый и тонкий экспериментатор, личность почти легендарная. Он был из тех немногих шеронов, которые высокомерно, неприязненно относились к новому, гармоничному строю, установившемуся на всей планете.

Выступал Вир-Виан очень редко. Большею частью он молчал, угрюмо и отчужденно глядя в зал. Его редкие и короткие выступления выслушивались в глубокой тишине, ибо они всегда поражали новизной, неожиданностью научных и философских концепций. Но на этот раз он выступил с большой программной речью.

Изложить сегодня ту речь не успею. На наших корабельных часах вечер, и фарсаны уже собрались в кают-компании, дожидаясь меня. К тому же сильно разболелось плечо. Ушиб я его при обстоятельствах, которые нарушили мой сон и чуть не привели к гибели всего корабля. Об этом стоит упомянуть, но уже после того, как целиком опишу свой сон.

26-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов †† ††

Пусть не думает неведомый читатель, что моя жизнь на корабле — это приятная оргия воображения, этакое сладостное погружение в мир воспоминаний. Ничего подобного! Я ни на минуту не забываю о фарсанах. Раздираемый мучительными сомнениями, присматриваюсь к Тари-Тау. Кто он? Фарсан или человек?

Вчера ни строчки не записал в своем дневнике. Весь день вместе с фарсанами проверял все системы звездолета, приводил в порядок корабельное хозяйство. Но об этом потом.

Сначала о программной речи Вир-Виана, которая объяснит социально-философские предпосылки появления фарсанов.

Итак, в зале царил непривычная тишина. На трибуне — Вир-Виан. Как все шероны, он был высок и строен. Однако его лицо нельзя назвать красивым в обыденном понимании этого слова. Мощно вылепленное, оно было даже грубым, но патетично вдохновенным и поражало своей духовной силой.

— Общественный труд, борьба за существование и природа — вот три фактора, сформировавшие человека, — начал Вир-Виан своим звучным голосом. — Здесь правильно говорили о том, что для гармоничного воспитания человека необходима живая, первозданная природа, развивающаяся по своим внутренним законам, а не природа выутюженная, математически расчерченная. Но спасет ли человечество от биологического и духовного вырождения одна природа? Нет, не спасет! Как ни важна природа, но она фактор второстепенный. На ваших лицах я вижу удивление: о каком это вырождении я говорю?..

И Вир-Виан перечислил признаки начавшегося, по его мнению, биологического и духовного угасания. Он представил перед нашими изумленными взорами карикатурно искаженный образ современного человека — с механизированными и нивелированными чувствами, неспособного к психологическим нюансам и сложному мышлению. Процесс вырождения особенно нагляден, по его мнению, в искусстве, которое является духовным зеркалом человечества.

— Почему, — спрашивал он, — нынешний человек отвергает великолепную поэзию прошлых веков, монументальное искусство шеронов — искусство тонких интеллектуальных раздумий и переживаний? Да потому, что человек перестает понимать его. Оно, дескать, устарело. И начались поиски какого-то современного стиля, рассчитанного на стандартизацию человеческих чувств. Процесс «обесчеловечения» искусства особенно заметен в таком популярном среди юношества жанре, как научная фантастика, которая все более и более превращается из философского человековедения в машиноведение.

— На наших глазах, — говорил Вир-Виан, повышая голос, — происходит необратимый процесс машинизации человека и очеловечения машины, процесс тем более опасный и коварный, что он происходит постепенно и незаметно.

Вир-Виан нарисовал перед нами мрачную картину грядущего упадка. Человек постепенно упрощается, его духовный мир в будущем царстве покоя и сытости стандартизируется. Между тем ученые, работая по инерции, будут еще некоторое время обеспечивать научно-технический прогресс, темпы которого станут все более и более замедляться. Появятся совершеннейшие кибернетические устройства. Со временем эти умные машины превзойдут человека с его упрощенным духовным миром. Они возьмут на себя не только черновой, утилитарный умственный труд, но и отчасти труд творческий. Однако процесс совершенствования кибернетической аппаратуры не будет бесконечным. Даже самых выдающихся ученых грядущего затянет неудержимый поток всеобщей деградации. Ученые сами попадут в духовное рабство к машинам. Кибернетические устройства, не руководимые человеком, будут повторять одни и те же мыслительные и производственные операции, обеспечивая человечеству изобилие материальных и даже так называемых духовных благ. Наступит царство застоя.

— Духовная жизнь на Зургане замрет, — говорил Вир-Виан. — Научно-технический прогресс прекратится.

— Чепуха! — раздался в тишине чей-то звонкий голос.

Поднялся невообразимый шум. Все старались перекричать друг друга. Сэнди-Ски что-то сказал мне, но я не расслышал. Вир-Виан, сумрачно усмехаясь, с ироническим любопытством смотрел на расшумевшихся людей.

Вдруг в секторе ядерной физики поднялся, удивив всех огромным ростом, худой и лысый шерон. Он был так же стар, как и Вир-Виан, и помнил, наверное, эпоху господства своей расы. Громовым голосом, неожиданным для его тощего тела, он прокричал:

— Дайте человеку выступить! Вир-Виан говорит жестокую правду.

Его поддержал другой шерон, помоложе, из сектора биологии.

Наконец все успокоились. Снова наступила тишина.

— Не думайте, что я предсказываю царство омерзительного вырождения, царство обжорства и разврата, — спокойно продолжал Вир-Виан. — Нет. Это будет в общем-то сносный век. Это будет золотой век человечества, но век изнеженный и, в сущности, угасающий. Обессиленное человечество станет марионеткой в руках природы, не будет в состоянии бороться с неизбежными космическими

катастрофами. Настает час расплаты, час трагической гибели цивилизации.

Вир-Виан подробно объяснил одну, наиболее вероятную по его мнению, причину космической гибели человечества. Всем известен, говорил он, эффект красного смещения. Свет от далеких галактик приходит к нам смещенным в красную сторону спектра. И чем дальше галактики, тем более смещенным приходит к нам свет. Объясняется это тем, что галактики расширяются от некоего центра, разлетаются с огромными скоростями. Мы живем в пульсирующей области бесконечной Вселенной. Мы живем в благоприятную для органической жизни эпоху красного смещения, эпоху разлета галактик. Но в будущем, через десять-двадцать миллиардов лет, эпоха красного смещения постепенно сменится эпохой фиолетового смещения, эпохой все возрастающего сжатия галактик. Степень ультрафиолетовой радиации неизмеримо возрастет. Одного этого достаточно, чтобы испепелить, уничтожить органическую жизнь. Кроме того, сжатие галактик будет сопровождаться грандиозными космическими катастрофами.

— Человечество неизбежно погибнет в вихре враждебных космических сил! — воскликнул Вир-Виан, патетически потрясая обеими руками. — Не такова ли судьба других высоких цивилизаций, возникших задолго до нас? Я утверждаю: именно такова!

— Вселенная вечна и бесконечна, — говорил он. — В ней множество миров, населенных разумными существами. И естественно предположить, что рост всепланетного, а затем космического могущества мыслящих существ так же вечен и бесконечен.

— Но где же следы этой вечно растущей мощи разумных существ? — спрашивал он. — Где новые солнца, зажженные ими, где следы переустройства галактик? Нет их! Тысячи лет наблюдают астрономы Зурганы за звездами, на миллионы световых лет проникли они своим взглядом в глубь мироздания и нигде не обнаружили ни малейших следов космической деятельности мыслящего духа.

— Почему? — спрашивал Вир-Виан. И отвечал: — Потому, что разум на других населенных планетах угасает, не успев разгореться во всю свою мощь. Носители разума становятся жалкими игрушками, марионетками в руках враждебных космических сил. Весь блеск расцветающих цивилизаций, все достижения разума неизбежно гибнут,

бесследно исчезают в огромном огненном водовороте Вселенной.

Я посмотрел вокруг. Все слушали внимательно. Многие новички, вроде нас с Сэнди-Ски, были захвачены яркой речью Вир-Виана. Однако на лицах большинства присутствующих выразилось недоумение. Нанди-Нан и некоторые другие арханы воспринимали социально-космические идеи своего коллеги со снисходительной улыбкой.

В гуманитарном секторе я, конечно, снова отыскал взглядом незнакомку, поразившую меня своей необычной красотой. И первое, что бросилось в глаза, — сосредоточенность и грусть, с которой она слушала Вир-Виана. Легкий налет печали на ее лице еще больше подчеркивал одухотворенность и нешаблонность ее красоты. Но почему она так грустна?

— Знаешь, кто это? — вдруг услышал я голос Сэнди-Ски.

— О ком ты говоришь, не понимаю.

Я поглядел на Сэнди-Ски и увидел в его глазах озорные, дружелюбно-насмешливые огоньки.

— Не притворяйся. Я ведь все вижу.

— Ну, говори уж, если начал.

— Она работает сейчас в археологической партии на раскопках погибшего фарсанского города, недалеко от острова Астронавтов. Как и большинство, она имеет несколько специальностей: историк, археолог, палеонтолог и еще что-то в этом роде.

— А как ее имя?

— Аэнна-Виан, дочь Вир-Виана.

Вот оно что! Теперь мне стало понятно, почему она слушала Вир-Виана с таким серьезным и чуть грустным вниманием.

Между тем Вир-Виан продолжал развивать свои космические теории. Представим себе, говорил он, некую воображаемую точку в Космосе. С этой точки мы наблюдаем за бесконечной Вселенной бесконечно долгое время. И что мы видим? Вот за многие миллиарды веков до нас возникла жизнь в разных уголках Вселенной. На отдельных планетах вспыхнули светильники разума. Разум на этих планетах выковывался и совершенствовался в борьбе, и только в борьбе. Сначала в звериной, ожесточенной борьбе за существование, в борьбе с голодом. Затем в борьбе различных племен и общественных групп. И, наконец, в борьбе за полное изобилие благ.

Цивилизация на тех далеких во времени планетах достигла такого же сравнительно высокого уровня, как сейчас на нашей Зургане. Разумные обитатели этих планет, объединившись, достигнув изобилия, встали на наш шаблонный путь развития. Ибо этот исторический путь, казалось бы самый естественный, легко напрашивающийся и логичный, — путь всеобщего равенства, дружбы, космического братства. Но это ошибочный путь — путь отказа от всякой борьбы.

Правда, оставался еще один вид борьбы — борьба с природой в планетарном масштабе. На одних планетах это было освоение жарких пустынь, как у нас, на других — борьба с холодом и льдами. Наконец, всякая борьба прекратилась. Разумным существам осталось только довольствоваться плодами своих прежних побед. Наступает царство застоя. Научно-технические достижения, явившиеся результатом предыдущей борьбы, открыли возможность межзвездных сообщений. Но для чего использовали эту возможность жители тех планет, вставшие на наш шаблонный и ошибочный путь развития? Для поисков новых и более грандиозных форм борьбы, чтобы предотвратить застой и вырождение? Нет! Они стали летать друг к другу с дружественными целями, для удовлетворения научной любознательности. Но и эта любознательность со временем увянет, ибо она не воодушевляется никакой необходимостью. Таким образом, даже межзвездные сообщения не спасут от застоя и вырождения. В состоянии постепенного угасания разумные обитатели многочисленных планет того неизмеримо далекого времени пребывали миллионы лет. Достигнув полного благополучия, они уже не стремились ни к чему, просто наслаждались, не жили в лучах собственных солнц — естественных или даже искусственно созданных ими. Но Вселенная не может все время находиться в метафизически-неподвижном, устойчивом состоянии. Вот мы видим со своей воображаемой точки, как стали намечаться качественные изменения, гигантские превращения одних форм материи и энергии в другие. Гибли целые галактики, возникали новые. Древние, но изнеженные цивилизации, эти крохотные водоворотики жизни, бесследно исчезали в огромном потоке рушащихся миров и галактик.

Вир-Виан на минуту умолк, оглядел зал и с удовлетворением увидел внимательные лица.

— Но вот Вселенная снова пришла в относительно устойчивое состояние, — продолжал он, — и снова в разных ее уголках вспыхнули огоньки разума, колеблемые ледяным ветром космических пространств. Но и эти огоньки погасли по тем же причинам. И так повторялось бесчисленное множество раз. Вот почему мыслящий дух ни на одной из планет не смог добиться вечного существования, вечного и бесконечного роста и могущества. Вот почему ученые Зурганы, проникнув взором в неизмеримые дали Вселенной, не обнаружили ни малейших следов гигантской космической деятельности творческого разума.

— И я с полной уверенностью утверждаю, — раздавался в тишине громкий голос Вир-Виана, временами принимавший трагическое звучание, — что и наша Зургана будет принадлежать к тому же бесчисленному сонму погибших миров. Можем ли мы допустить это? Нет, надо бороться. Перед нами, зурганам, стоит великая космическая цель: не дать погибнуть разуму на нашей планете, как бы далека ни была эта гибель. А для этого, не в пример предыдущим погибшим цивилизациям, мы должны возвеличить мыслящий дух, сделать разум равновеликим Космосу, способным успешно бороться с его гигантскими враждебными силами. Что нужно для этого? Борьба и господство. Борьба — враг застоя и вырождения. Господство — условие высшей культуры.

Кто-то звонко рассмеялся. В зале зашумели. Вир-Виан поднял руку. На его губах играла сумрачная и высокомерная усмешка. Когда немного стихло, Вир-Виан опустил руку и сказал:

— Я знал, что слова «борьба и господство» вызовут у вас ироническую реакцию. Вы, может быть, думаете, что я призываю к возрождению иерархического строя шеронов? Нет! Шеронат рухнул на моих глазах, когда я был еще подростком. Он погиб закономерно и безвозвратно. Но он сыграл великую прогрессивную роль в планетарном масштабе, создав на Зургане самую высокую духовную культуру. Чем обусловлен невиданный взлет шеронской культуры? Борьбой и господством. Стоит подумать, и вы поймете, что борьба и господство всегда были наивысшим законом прогресса. Вспомните хотя бы некоторые биологические законы. Когда древние животные поднимались ступенькой выше по великой эволюционной лестнице, когда они делали шаг на победном пути к человеческой мудрости? Быть может, в спокойные периоды их жизни? Нет!

В такие периоды животные вырождались, в их клетках накапливались деградирующие признаки. И наоборот. В кризисные, революционные моменты жизни, когда в борьбе за существование требовалось проявить максимум физических и психических усилий, животные обретали свои лучшие боевые качества: силу и хитрость, ловкость и сообразительность. В клетках организма происходили благоприятные мутации, которые, накапливаясь, передавались потомству. Таков объективный закон природы, и он относится не только к животным, но и к человеку и ко всему человеческому обществу.

Я вам напомню одну древнюю, но мудрую шеронскую легенду. Очень давно, говорится в легенде, когда на Зургане еще не было человека, бог предложил двум живым существам на выбор — в одной руке сытую и спокойную жизнь, а в другой — стремление к ней. Более проворное животное схватило сытую и спокойную жизнь и убежало с нею в лес. Оно так и осталось животным существом. Другому досталось стремление к сытости и благополучию. И оно со временем стало мыслящим существом — человеком.

И вот сейчас, накануне межзвездных сообщений, вы предлагаете человечеству сытую жизнь и космическое братство. Я с негодованием отвергаю это розовое благополучие, без потрясений и борьбы. Взамен я предлагаю стремление к высокой цели. Вечное и безраздельное торжество духа над материей — вот эта цель. В конечном счете она, может быть, и недостижима. Но ведь в данном случае важна не сама цель, а стремление к ней, стремление, которое неизбежно предполагает борьбу и господство во вселенском масштабе.

Мы сейчас на пороге межзвездных сообщений. За первым кораблем уйдут в Космос, к другим планетам новые, более совершенные. И мы должны использовать эту возможность для борьбы и господства на новом, космическом этапе. Все жители Зурганы станут космическими шеронами, то есть господами во вселенском масштабе и творцами гигантских духовных ценностей. Все населенные планеты Космоса — сначала ближние, а затем и дальние — должны быть завоеваны нами. Но мы не будем жителей покоренных планет истреблять или обращать в физическое рабство. Нет, пусть завоеванные цивилизации развиваются, но под нашим руководством. Это даст возможность нашему человечеству избежать биологического и ду-

ховного угасания. Ведь само ощущение власти над другими цивилизациями явится условием воспитания сильных и гармоничных чувств. Кроме того, каждая, даже не очень развитая, цивилизация обладает неведомыми научными и техническими достижениями. И мы можем все научные открытия и технические идеи собирать, накапливать здесь, на Зургане, в памятных машинах.

Но Зургана не должна быть простым хранилищем научной информации Вселенной. Нет, ученые Зурганы будут обобщать, синтезировать эту информацию, создавая новые науки, которые сделают нас еще более могущественными. В результате Зургана сможет успешно бороться с цивилизациями, достигшими самого высокого уровня развития. Это будет апофеоз космической борьбы. Вселенная станет содрогаться от грома сталкивающихся небесных тел, озаряться вспышками взрывающихся звезд и целых галактик. Эта великолепная борьба, стремление к высшему господству предотвратят застой, биологическое и духовное угасание. В буре и грохоте космической борьбы будет выковываться воля и совершенствоваться мощный разум зурган-шеронов, разум, равновеликий Вселенной. Зургане соберут из удаленных уголков Вселенной новую научно-техническую информацию. Творчески обобщенная, она сделает нас еще более могучими и сильными в дальнейшей борьбе. Зургане покорят новые и самые высоко-развитые планеты, приблизятся к сферам отдаленнейших солнц.

Так будет побеждена извечная жестокость Космоса, и светоч разума не погаснет никогда. Факел разума на Зургане будет пылать на всю Вселенную, озаряя космическую ночь, согревая своим теплом не только нас, но и другие, подчиненные цивилизации, предохраняя их от гибели. В этом я вижу величие и космоцентризм человека Зурганы. Некогда зыбкий мыслящий дух станет могучим, будет создавать новые миры и галактики, управлять Вселенной, увековечив свое торжество над гигантскими стихийными силами. А Зургана, наша родная планета, станет столицей Космоса, планетой...

— Планетой-диктатором, — насмешливо подсказал один из арханов.

— Согласен с моим ироничным оппонентом, — усмехнувшись, сказал Вир-Виан. — Но повторяю: диктатура не самоцель, а необходимое средство для достижения грандиозной и благородной цели. Эта цель — защитить жизнь

от враждебных космических сил, возвеличить разум, увековечить торжество мыслящего духа над косной материей. Да, наша Зургана станет столицей Космоса и солнцем разума всей Вселенной.

На этом Вир-Виан закончил свою речь и стал медленно сходить с трибуны, всем своим видом выражая презрение к людям, которые не хотят понять его.

— Хау! — закричал вдруг тощий лысый шерон из сектора ядерной физики.

— Хау! — поддержал его еще один шерон.

Таким восклицанием у нас, на Зургане, выражается высшее одобрение. Но этих двух шеронов никто больше не поддержал. Напротив, послышались недовольные возгласы, все зашумели.

Нанди-Нан, взойдя на трибуну, поднял руку и долго успокаивал расходившихся участников Всепланетного Круга ученых. Когда наступила тишина, он выразил сожаление, что один из выдающихся ученых Зурганы так жестоко ошибается в своих социально-космических взглядах, в прогнозах на будущее. Только на основе дружбы и сотрудничества с разумными обитателями других миров, сказал Нанди-Нан, можно победить враждебные силы Космоса. Эту же мысль высказывали и другие участники Круга.

Обсуждение проектов освоения Великой Экваториальной пустыни под влиянием речи Вир-Виана отклонилось в сторону. Многие выступающие, сказав несколько слов по поводу проектов, начинали возражать Вир-Виану и забирались в дебри космической философии.

Всепланетный Круг ученых затянулся, и все начали чувствовать усталость. Наконец, открылись двери и заработали радиально расположенные эскалаторы. По ним люди спускались вниз. Эскалаторы напоминали многоцветные, шумные, веселые водопады. В этом людском потоке я потерял из виду Аэнну-Виан.

Когда мы очутились внизу, под огромным голубым шаром Дворца, Сэнди-Ски сказал:

— Приходи через некоторое время в аллею гелиодендронов, там найдешь меня.

И затерялся в толпе. Меня удивило загадочное поведение друга.

Ослепительный диск солнца только что скрылся за горизонтом. Наступила самая чудесная пора на Зургане —

вечер с приятным для глаз полусумраком, с ласкающей прохладой.

Люди не расходились по домам, и дискуссия, начатая там, в Шаровом Дворце, не прекращалась. В сущности, Всепланетный Круг послужил лишь началом обсуждения, и споры словно выплескивались из сиреневого шара наружу, вспыхивали с новой силой в многочисленных аллеях и парках, прилегающих к Дворцу.

Дискуссии разгорелись в каждом доме, в узком семейном кругу, перед экранами всепланетной связи. Проблемы, затронутые учеными, обсуждала вся планета. Через несколько дней от населения начнут поступать предложения, и комиссия Всепланетного Круга, проанализировав и обобщив их, выработает единое мнение планеты по обсуждавшемуся вопросу.

Я свернул в парк электродендронов. Здесь было особенно многолюдно. Парк привлекал людей свежим, бодрящим воздухом. Широкие и плотные листья электродендронов весь день поглощали лучистую энергию могучего светила. А сейчас, с наступлением темноты, деревья выделяли избыток энергии в виде электрических разрядов. То и дело раздавался сухой треск, вспыхивали, на миг озаряя густеющие сумерки, короткие молнии. Это деревья вели между собой электрическую перестрелку, озонируя воздух.

Люди шли группами, смеясь и оживленно беседуя. Один только я брел в одиночестве, невольно ловя обрывки фраз.

Некоторое время я шел рядом с компанией очень веселых молодых людей, видимо, впервые присутствовавших на Круге.

— Вир-Виан неправ, — услышал я голос какого-то юнца. — Наступление на Экваториальную пустыню — это лишь начало космической борьбы с природой. И в этой борьбе человечество не изнежитя, не захиреет.

— Вир-Виан хороший ученый, но плохой философ, — смеясь, сказал невысокий молодой человек.

— Банальный афоризм, — серьезно возразила ему девушка. — Я бы сказала о Вир-Виане иначе...

Но что она сказала бы о Вир-Виане, я так и не услышал. Молодые люди зашли в ажурную беседку и уселись за круглый стол, на котором в прозрачных сосудах искрились вина, стояла еда. Многие, проголодавшись, следовали их примеру. Споры в беседках разгорались с новой си-

лой. Таким образом, вечер и начало ночи после Круга превращались в своеобразный праздник-дискуссию.

В аллее гелиодендронов, куда я зашел в надежде отыскать таинственно исчезнувшего Сэнди-Ски, стояла лирическая тишина. Высокие и густые деревья накопившуюся за день энергию выделяли бесшумно — свечением. К ночи крупные цветы гелиодендронов раскрылись и светились, как голубые фонари, привлекая ночных опыляющих насекомых.

Здесь было совсем мало народу. Голубые и тихие сумерки аллеи стали убежищем влюбленных пар, которые сидели на качающихся скамейках под густыми кронами гелиодендронов.

Я почувствовал себя совсем одиноким и уже начал сердиться на Сэнди-Ски, как вдруг из-за поворота, в голубом сумеречном сиянии показалась его крупная фигура. Он разговаривал с какой-то девушкой. Неуловимое изящество походки, отточенная и в то же время естественная грация жестов и движений... Да это же Аэнна! Теперь я начал понимать причину загадочного поведения Сэнди-Ски: он хотел словно случайно познакомить меня с Аэнной.

— Эо, Тонри! — воскликнул он с таким видом, как будто видел меня сегодня впервые. И с деланным удивлением спросил: — Ты почему один?

Обратившись к Аэнне, он шутливо-торжественным тоном сказал:

— Да будет тебе известно, Аэнна, это Тонри-Ро — начальник нашей экспедиции, первый разведчик Вселенной, первооткрыватель звездных миров.

— Можно не представлять, — рассмеялась она и в тон Сэнди-Ски шутливо продолжила: — Астронавты настолько популярны сейчас, что их все знают. Это не то что мы, историки, археологи и люди прочих незаметных, сереньких профессий, все более оттираемых в неизвестность воинственным племенем астронавтов.

В присутствии друга я чувствовал себя легко и свободно. Мы вошли в потрескивающий разрядами парк электродендронов и заняли в беседке свободный столик. Но тут Сэнди-Ски неожиданно вскочил:

— Черт побери! Я и забыл, что мне надо обязательно встретиться с Нанди-Наном. Извините меня.

И он ушел, оставив нас с Аэнной. Взглянув друг на друга, мы рассмеялись над неуклюжей хитростью Сэнди-Ски: он явно хотел оставить нас вдвоем.

Вверху, прямо над нами, с колющим треском вспыхнула молния электроразряда. В ее мгновенном, но ярком свете я впервые разглядел глаза Аэнны-Виан: темно-синие, как утренний океан, глубокие, как горные озера. Ее густые волосы, освещаемые сзади многочисленными крохотными молниями электроразрядов, казались усыпанными танцующей звездной пылью. Аэнна была до того неправдоподобно красива, что меня охватила непривычная робость. Наступило неловкое молчание. Первой нарушила его Аэнна.

— Как тебе понравилось выступление моего отца? — спросила она.

— Мне оно понравилось.

— Вот как! — Ее брови взметнулись, как крылья встревоженной птицы. — Не ожидала. Значит, ты хотел бы стать астронавтом-завоевателем?

На ее серьезном лице скользнула уже знакомая мне улыбка, печальная и слегка ироническая.

— Нет, не то, — смутился я. — Мне понравилась яркая поэтичность речи.

— Но все это форма выступления. Я согласна с тобой: речь его временами просто талантлива. Мой отец вообще, к сожалению, очень талантливый человек.

— Почему к сожалению?! — удивился я.

— Ну, об этом долго рассказывать. Моего отца по-настоящему мало кто знает, — медленно и с грустью проговорила она. Немного помолчав, она спросила:

— Как все-таки ты относишься к выступлению моего отца? Я имею в виду, конечно, содержание, а не форму.

— У меня к нему двойственное отношение.

— Двойственное? — снова удивилась она. — Какое может быть двойственное отношение к столь путаной, ошибочной философии.

— Согласен: в речи твоего отца много путаницы и ошибок, — заговорил я свободно, отделившись, наконец, от смущения. — Но, с другой стороны, она привлекает своим бунтарским характером. В ней звучит проповедь бунта мыслящего духа против враждебных сил Космоса, стремление к построению цивилизации исполинской и вечной.

— Ого, ты начинаешь усваивать стиль речи моего отца, — рассмеялась Аэнна. Затем спросила: — И что же нужно делать? Неужели для этого необходима борьба во вселенском масштабе, завоевание населенных планет, грабежи научно-технических достижений и, чтобы не выро-

даться, господство жителей Зурганы над всеми мыслящими обитателями Космоса?

— Нет, конечно... — начал я.

Но в это время Аэнна воскликнула:

— А вот и твой кумир идет! Посмотри.

В парке появился Вир-Виан в сопровождении нескольких шеронов. Среди них я увидел высокого лысого старика, который громко кричал на Круге «хау».

— Ты подожди меня, — сказала Аэнна, вставая, — я на минуту подойду к отцу, спрошу, когда мы будем возвращаться домой.

Вернувшись, Аэнна весело заговорила:

— А знаешь, ты пользуешься у моего отца большим успехом. Он хочет поближе познакомиться с начальником первой межзвездной экспедиции. Он дал мне понять, что было бы неплохо, если бы я пригласила тебя в наш дом. А ведь мой отец — нелюдим.

Вир-Виан, оживленно беседуя с шеронами, остановился недалеко от нас. Шероны часто оборачивались и смотрели в нашу сторону. Один из них был до того стар, что его щеки обвисли и болтались, как салфетки.

— Пойдем отсюда в аллею гелиодендронов, — предложила Аэнна. — Друзья моего отца — не очень приятное зрелище.

В аллее гелиодендронов мы шли некоторое время молча, прислушиваясь к приятному дремотному гулу ночных насекомых, перелетающих с одного светящегося цветка на другой. На черном небе огненной росой сверкали звезды. Среди них выделялась ярким блеском Туанга — царица северного неба.

— Туанга! — задумчиво заговорила Аэнна. — Когда я смотрю на нее, мне кажется, что там, в немыслимой дали, живут на цветущей планете невыразимо прекрасные существа. Их разум сверкает подобно голубой звезде Туанге, словно вобравшей в себя весь свет мирового пространства. И никакие черные провалы Космоса не затмят этот блеск, никакие вселенские катаклизмы не сокрушат могучую цивилизацию, вставшую на путь вечного совершенствования и развития. Со временем и наша Зургана станет такой же. И тогда две прекрасные цивилизации, разделенные огромным расстоянием, найдут друг друга, сольются, чтобы стать еще могущественней и прекрасней, чтобы в неизмеримых глубинах Космоса искать себе подобных. И так без конца. Разум Вселенной будет разго-

раться все ярче и никогда не угаснет, не станет жалкой игрушкой в руках гигантских стихийных сил. Перед ним вечная борьба с природой, вечная и неутолимая жажда творчества и познания.

Смутившись, Аэнна усмехнулась и сказала:

— Вот видишь, я тоже начала выражаться патетически, как и мой отец. Но я иначе, чем он, представляю развитие мирового мыслящего духа. Конечно, разумные обитатели отдельных планет, достигнув определенного и даже сравнительно высокого уровня развития, все же, вероятно, гибнут в потоке всеокрушающих враждебных сил Космоса. И задача могучих цивилизаций не покорять их, не господствовать над ними, а помогать. Здесь я не согласна с моим отцом и его горячим единомышленником.

— С каким единомышленником? — спросил я. — Это с тем тощим и лысым шероном?

— Да нет же, я имею в виду тебя, — рассмеялась Аэнна. Но слова ее звучали скорее дружелюбно, чем насмешливо.

— Это же клевета, Аэнна, — возразил я. — Идея агрессии, этакого космического разбоя, у меня вызывает отвращение. К тому же я считаю, что величайшие достижения науки неотделимы от высшей гуманности. Покорение других планет, господство над ними вообще невозможны нигде и никогда. Само по себе освоение Космоса предполагает такой высокий уровень сознания, который исключает все это.

— Ты так думаешь? А напрасно. То есть мысль вообще-то правильная, но не во всех случаях. Конечно, на подавляющем большинстве населенных планет общество разумных существ развивается в принципе таким же путем, как и у нас на Северном полюсе. Развитие смутных эпох завершается великим переворотом, установлением гармонического общества на всей планете. Однако не исключена и другая возможность. На какой-нибудь планете цивилизация, даже достигнув необычайных научно-технических высот, может получить уродливые, злые, антигуманистические формы. Ведь перед нами пример не только Северного полюса, но и Южного, где иерархический общественный строй держался тысячелетиями при очень высокой культуре. Почему-то у нас недооценивают историю многовекового господства шеронов, считая это господство высококультурной расы чем-то случайным, незаконным. Расскажи, например, что ты знаешь о шеронате?

Я вспомнил то, что говорили нам об истории Южного полюса в высшей школе астронавтов.

— Однако, немногому вас учили. Я так и знала, что история Юга недооценивается. Факты ты, конечно, знаешь, но без глубокого проникновения в них. Ты астронавт и тем не менее не понимаешь космической опасности, заключенной в самой идее шероната. Предположим—а такая возможность не была исключена,— что иерархический строй шеронов распространился бы на Северный полюс. В этом случае шеронат на планете сохранялся бы еще многие столетия и вышел бы во Вселенную, стремясь к космическому господству. В сущности, к этому и сводилось все выступление моего отца. Он призывал Всепланетный Круг к мирному восстановлению шероната, не особенно на это надеясь. Для убедительности он использовал философские софизмы, устрашая слушателей грядущим вырождением и гибелью вселенского разума. Он настолько одержим этой идеей, что не прочь бы прибегнуть к военному возрождению шероната. Но для этого у него нет никаких условий. Большинство шеронов его не поддержит. А самое главное, нет основной военной силы шеронов — фарсанов, все они погибли в войне с северянами. Я специально занимаюсь древней историей шеронов и их воинственных фарсанов и с удовольствием расскажу об этом подробнее. Тебе, астронавту, это полезно знать. Хочешь послушать?

— В другой раз, — сказал я, давая понять, что наша сегодняшняя встреча не будет последней.

— Хорошо, — согласилась Аэнна. — Лучше всего завтра днем. Весь день завтра я буду у отца. Ты знаешь, где он живет? Ну да, в оазисе Риоль. Он живет, как отшельник, в пустыне, чтобы любопытные не мешали его научным изысканиям. Но попасть к нам не так просто. Надо знать шифр, который меняется каждые пять дней. Тебе его можно знать: ведь отец сам желает видеть тебя. На воротах увидишь циферблат и наберешь шифр: ДН134-03.

В это время мы проходили мимо висячей скамейки. На ней, видимо, кто-то сидел совсем недавно: скамейка еще слегка раскачивалась. Мы сели на нее и с увлечением заговорили о другом — о своей жизни, об искусстве, о природе. Это были прекрасные минуты. Над нами шелестели гладкие листья огромного гелиодендрона. Его светящиеся цветы чуть раскачивались, когда на них с радостным гудением садились ночные насекомые. Голубой свет пробивался сквозь шуршащие листья и падал на дорожку, при-

суя меняющиеся, причудливые узоры. А вверху, над нами, неуловимо-медленно и беззвучно кружился хоровод серебряных звезд во главе с царственной Туангой...

Нет, не могу без волнения и щемящей грусти вспоминать эту ночь. Именно тогда я впервые почувствовал, что, улетая в скором времени в Космос, я покину, и быть может навсегда, одну из самых прекраснейших планет Вселенной. Думая о Зургане, я всегда вспоминаю и голубые светящиеся цветы гелиодендронов, и трепетные тени на дорожке аллеи, и огненную россыпь звезд, и голос Аэнны...

Когда Аэнна рассказывала о себе, в ее голосе звучала грусть. Я начал понимать причины этой грусти. Она любила отца и в то же время не понимала его, не разделяла его взглядов. Но она не покидала отца. Ведь он был так одинок, если не считать его помощников по научной работе.

— Странные они, эти помощники, — говорила Аэнна. — Люди это, безусловно, одаренные. Многие из них участники сегодняшнего Круга. Совсем недавно были они общительными, находили время беседовать со мной. Часто спорили с отцом, не соглашались с ним по многим научно-философским вопросам. Дело доходило до разрыва. Многие собирались уйти, несмотря на то что в лаборатории отца проводились какие-то интересные опыты. Какие — я не знаю. Отец не пускает туда никого, кроме помощников. И вдруг с помощниками произошли непонятные перемены. Они стали менее общительными. Лишь изредка вступают со мной в короткий разговор, даже шутят. Но делают это словно по обязанности, торопятся поскорее скрыться в лаборатории. Работают на отца, как рабы. И что самое удивительное — никаких споров, никаких разногласий. Они во всем соглашаются с моим отцом, поддерживают и даже пытаются развивать дальше его ошибочные, зачастую идеалистические философские концепции. Отец, конечно, обладает могучим интеллектом и сильной волей. Но впасть в полное духовное порабощение — это уже слишком, в этом что-то непонятное. Я сама стала избегать встреч с помощниками. Особенно я боялась одного типа, который используется отцом на самых черновых работах. Он мне внушал просто отвращение. Причину своего отвращения я поняла недавно, когда услышала от отца, что этот тип совсем даже не человек...

На этом мой сон оборвался. Сильным толчком я был выброшен из постели. Таблетки приятных сновидений

тогда хороши, когда вокруг все спокойно. Но с кораблем творилось что-то неладное. Последние слова Аэнны прозвучали в моем мозгу, когда я уже летел в воздухе. Больно ударившись плечом об угол клавишного столика, проснулся на полу каюты.

Корабль резко, рывками бросало из стороны в сторону. Я беспомощно катался по каюте, отскакивая от стен, как мяч. Наконец, я уцепился за ножку клавишного столика и взглянул на тревожно мигавший аварийный сигнал. Две красные вспышки и одна белая... Метеоритная опасность!..

Я живо представил, словно со стороны, картину судорожных движений нашего звездолета в космическом пространстве. Корабль, очевидно, попал в метеоритную тучу и то ускорял полет, то замедлял его, лавировал, уклонялся, избегая грозной встречи с крупными метеоритами. Мелкие обломки барабанили по сверхпрочной обшивке корпуса, не причиняя ему особого вреда. Корабль напоминал сейчас огромный грохочущий колокол, по которому с чудовищной силой били тысячи молотов.

Скорее в рубку управления! Надо немедленно найти ближайшую границу метеоритного облака и вырваться из него.

Держась за столик, я поднялся и бросился к двери. Неудача! Крутой поворот корабля — и я снова катался по полу. Ползком я все же добрался до двери. Нажал кнопку, и дверь автоматически открылась. В узком коридоре мне было уже легче. Упираясь руками в стены, я дошел до лестницы и уцепился за перила. Поднялся в кают-компанию. Наполненная грохотом темнота кают-компания изредка прерывалась кровавыми вспышками аварийной лампочки. Резкий удар — и лампочка погасла. На противоположном конце кают-компания дверь в рубку управления. Нажимая кнопку, я пытался открыть ее и застопорить в открытом состоянии. Но автоматика управления дверью, видимо, вышла из строя. Дверь не открывалась.

Что делать? Пока я размышлял, дверь неожиданно, после резкого толчка корабля, сама пришла в движение. Она то открывалась, то, звеня, со страшной силой захлопывалась. Когда дверь открывалась, из рубки управления вырывался белый сноп света. Теперь надо проскочить в дверь так, чтобы не быть раздавленным.

Цепляясь за наглухо прикрепленные к полу кресла, я добрался до взбесившейся двери. У пульта управления сидел, прикрепившись к креслу, Тари-Тау.

— Тари-Тау! — крикнул я как можно громче.

Молодой штурман обернулся. И меня словно озарило: человек! Тари-Тау — человек! Фарсан не может так бесподобно вести себя. На побледневшем лице Тари-Тау я увидел неподдельную растерянность и даже страх. Бедный мальчик! Он, конечно, растерялся, попав в такой неожиданный и опасный переплет.

— Освободи место! — прокричал я. Несмотря на опасность, в моем голосе звучала радость. — Встань позади кресла.

Дверь оглушительно захлопнулась и через секунду снова открылась. Тари-Тау уже стоял позади кресла, вцепившись в спинку.

Я прыгнул в дверь и скоро, пристегнувшись, сидел в мягком кресле.

На экране радароскопа мелькали светлячки — изображения твердых частиц. Корабль не может самостоятельно, с помощью автопилота, выйти из этого густого метеоритного роя. При самостоятельном полете он руководствуется, словно живой организм, своим инстинктом самосохранения, слепым и недальновидным. Поэтому, попав в метеоритную тучу, корабль не полетел наперерез потоку твердых частиц, чтобы скорее вырваться из него. Он выбрал самое простое и безопасное — включился в общий метеоритный поток. Таким образом уменьшалась опасность встречи с большими частицами. Кроме того, даже в случае столкновения с крупным, но параллельно летящим метеоритом сила удара не была бы такой разрушительной.

Взглянув на правый боковой радароскоп, я похолодел: в центре экрана, совсем близко, качалась, вращаясь вокруг своей оси, тень огромного обломка скалы. Я отчетливо видел острые зазубренные края. Но корабль реагировал слабо, так как обломок летел параллельным курсом. Метеорит все же коснулся обшивки корабля. Раздался скрежет. Обломок, скользя по обшивке, остался позади.

Нет, так не годится. Если не помочь кораблю выйти из метеоритного потока, он погибнет. Вращая боковыми радароскопами, я отыскал ближайшую границу метеоритного облака и решительно направил туда корабль. Опасность, конечно, возросла. Звездолет делал отчаянные рывки и уклоны. Но ему все же не удалось избежать столкновения с довольно крупным, величиной с кулак, метеоритом, который взорвался, к счастью, в носовой, наиболее прочной части звездолета. Корабль затрясся и зазве-

нел, стрелки приборов беспорядочно запрыгали. Но все обошлось благополучно. Мы вырвались из страшного метеоритного плена. Правда, в пространстве еще носились отдельные обломки, и корабль качался из стороны в сторону, избегая встреч с ними. Но это была спокойная качка, какая бывает в море после шторма на длинных и пологих волнах. Вскоре прекратилась и она. На стеклозоне горизонтальных приборов можно было положить ртутный шарик, и он не сдвинулся бы с места — так ровно летел сейчас корабль.

— Все, — с облегчением вздохнул я и обернулся назад.

Тари-Тау! Он смотрел на меня с таким смущением, что мне стало жаль его. Милый юноша! Он переживал за свой недавний страх и растерянность. Мне хотелось утешить его, даже обнять как своего единственного союзника.

В рубке управления столпились все фарсаны: Лари-Ла и Рогус — бледные и перепуганные, Али-Ан — как всегда, невозмутимый и спокойный, и хмурый, чем-то недовольный Сэнди-Ски.

— В чем дело, Сэнди? — спросил я. — Чем недоволен?

— Это я виноват, — угрюмо проворчал Сэнди-Ски. — Я предполагал, что между орбитами четвертой и пятой планеты есть густая метеоритная зона — обломки погибшей планеты. Но я не придал этому особого значения и не предупредил.

— Не расстраивайся, Сэнди. Видишь, все в порядке, — улыбнулся я, показывая на приборы и аварийные лампочки. Тревожная сигнализация прекратилась. По приборам можно было определить, что корабль не имел серьезных повреждений.

В это время зазвучала бодрая утренняя мелодия.

— Сейчас нам отдыхать некогда, — сказал я. — Сегодня под руководством бортинженера Рогуса все будут осматривать корабль. Проверить все отсеки и механизмы. Выявить и устранить все, даже малейшие, неисправности и скрытые повреждения.

27-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ☉☉☉

Сейчас, сидя у себя в каюте за клавишным столиком, я представил себе, что произошло бы с кораблем, если бы я не вывел его из плотного метеоритного потока.

Крупные метеориты, а многие из них были величиной с гору, рано или поздно врезались бы в звездолет, разрушили его оболочку, вывели из строя все системы. На потерявший управление, беспомощный корабль обрушивались бы все новые метеориты, превращая его в бесформенные обломки, в труху, в пыль... Вместе с кораблем погибли бы все фарсаны, а это и было моей целью. И зачем я спас корабль? Что меня толкнуло на это? Страх перед собственной гибелью? Нет!

Тогда, в минуту опасности, я не думал о фарсанах. Я думал о корабле. Я любил этот сложнейший и совершеннейший аппарат, лучшее творение коллективного разума Зурганы. Я относился к нему почти как к живому существу. И тогда, в грохоте небесной бомбардировки, у меня возникло непреодолимое желание спасти его.

А сейчас я снова и снова спрашиваю себя: зачем я сделал это? Правда, меня утешает одна мысль: я должен закончить дневник и передать его разумным обитателям планеты Голубой.

К тому же Тари-Тау — человек, живой человек, и я обязан ему все рассказать. Нас двое, и бороться мне с фарсанами будет в два раза легче, чем одному. В два раза! Это много значит.

Сегодня я несколько раз оставался в рубке управления наедине с Тари-Тау. Каждый раз я пытался заговорить с ним о фарсанах. И каждый раз внезапно возникающее чувство смутной тревоги останавливало меня. Нет, подожду еще. В этом деле рисковать нельзя.

28-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ♣ ♣

Метеоритная бомбардировка имела для меня одно важное последствие: я нашел способ в любой момент уничтожить фарсанов. Но, к сожалению, вместе с кораблем.

Произошло это так. Сегодня утром я распорядился, чтобы каждый осмотрел стены кают и о малейших трещинах доложил Рогусу. На стене своей каюты я обнаружил звездообразную трещину. По странной прихоти конструкторов корабля стена моей каюты, примыкающая к регенерационному отсеку, была сделана из легкой пластмассы. Правда, это была пластмасса особой прочности. Но и она

не выдержала чудовищной тряски корабля во время метеоритной бомбардировки.

Сжатым кулаком я нажал на центр звездообразной трещины, и пластмасса веером разошлась в стороны. В кабину ворвалась струя озонированного воздуха. Там, в регенерационном отсеке, восстанавливался воздух, который по трубам растекался во все жилые помещения корабля.

Трещину можно заварить. И я пошел искать Рогуса, чтобы попросить у него инструмент.

— Рогус в грузовом отсеке, — ответил на мой вопрос Али-Ан, дежуривший у пульта управления.

Я зашел в грузовой отсек и замер от неожиданности, забыв и об инструменте, и о трещине. В грузовом отсеке — хаос невообразимый. Словно злой великан из древних сказок ворвался сюда и в бешенстве швырял все по сторонам, громил и сокрушал. Научно-исследовательские аппараты в беспорядке валялись на полу. Наиболее хрупкие из них были, вероятно, безнадежно испорчены. Даже запасный гусеничный вездеход, наглухо прикрепленный к полу, сдвинулся с места.

— Ничего страшного, капитан, — сказал Рогус, увидев меня. — Основные приборы в исправности. Надо только разложить все по местам.

— А ракета-разведчик? — встревоженно спросил я, показывая на большой сигарообразный корпус. На этой ракете мы собирались совершить посадку на планету, оставив космический корабль на круговой орбите. Ракета сейчас была сброшена со своего места и лежала на полу. Ее острый нос был деформирован.

Рогус виновато взглянул на меня и ответил:

— К сожалению, капитан, у нее серьезные повреждения. Ремонт займет очень много времени. Видимо, посадку на планету придется совершать на корабле.

Я стал помогать Рогусу наводить порядок. Разбирая сбившиеся в кучу скафандры, я нащупал геологическую мину. Небольшая, величиной с кулак, она обладала страшной разрушительной силой.

Я оглянулся и увидел полусогнутую спину Рогуса. Один миг — и мина исчезла в кармане моего комбинезона.

Разговаривая с Рогусом, я незаметно ощупал в кармане мину. Нашел диск радиосигнализатора и вывернул его из мины. Диск был настолько мал, что свободно помещался на ладони. Незаметно для Рогуса я стал рассмат-

ривать диск и увидел циферблат. И тут меня осенило: шифр! Если набрать на циферблате шифр и нажать кнопку, все фарсаны упадут, как подкошенные, погрузившись в своеобразный сон. Но шифр, заветный шифр! Его знал только Вир-Виан — безраздельный главарь фарсанов.

На циферблате набрал наугад ДН333-04. Вдруг, на счастье, это и есть шифр! Вот нажму кнопку — и произойдет чудо: все фарсаны, в том числе и Рогус, упадут, и я могу делать с ними все, что захочу.

Нажав кнопку, я взглянул на Рогуса. Он стоял по-прежнему ко мне спиной, слегка наклонившись над каким-то прибором.

Тогда начал набирать по порядку: АА000-00, АА000-01, АА000-02. И так до АА000-23. И все безрезультатно. Я понимал: чтобы перебрать все возможные сочетания цифр и букв, мне не хватит и тысячи лет.

Расстроившись, я ушел к себе в каюту и здесь осмотрел мину. Она была исправна. На мине я увидел такой же циферблат, как и на диске радиосигнализатора. И тут у меня впервые возникла страшная мысль: с помощью мины взорвать корабль! При этом я, конечно, погибну, но уничтожу всех фарсанов. Всех до одного. И больше никогда не будет этих чудовищ.

Но взорву корабль в том случае, когда у меня не будет иного выхода. К тому же Тари-Тау... Согласится ли он на взрыв, на самопожертвование? Конечно, согласится, когда мы с ним исчерпаем все другие способы борьбы с фарсанами.

На диске радиосигнализатора набрал уже испробованный шифр: АА000-00. Такой же шифр набрал и на крошечном циферблате мины. Теперь мину можно запрятать в любом уголке звездолета и нажать на диске радиосигнализатора кнопку. До мины мгновенно долетит нужный радиоимпульс — и произойдет взрыв.

Но где заложить мину? Может быть, в рубке управления? Взрыв разворотит всю сложнейшую аппаратуру пульта, и корабль потеряет управление. Но фарсаны-то останутся. По природе своей они могут существовать почти вечно. Находясь в неуправляемом корабле, фарсаны будут носиться в мировом пространстве бесконечно долгое время, пока их не подберут астронавты с какой-нибудь планеты. И тогда... Нет, надо обязательно взорвать весь корабль, вместе с фарсанами. А для этого мину лучше всего спрятать вблизи двигателей, не планетарных, а меж-

звездных, там, где хранится могучий источник энергии корабля — антивещество. Только оно способно уничтожить корабль так, что от него не останется ни малейшего следа.

Надо под любым не вызывающим подозрения предлогом проникнуть к двигателям.

Такой предлог сейчас, после встречи с метеоритной тучей, легко нашелся. Я снова заглянул в грузовой отсек. Кроме Рогуса, там был еще Лари-Ла, проверявший непроницаемость скафандров.

— Я сам осмотрю двигатели, — сказал я. — Вам, Рогус, и здесь хватит работы.

По узкому и длинному, похожему на трубу коридору я спустился в кормовую часть корабля. В сущности, двигатели можно было и не проверять. По приборам, а также по ровному и спокойному гудению можно определить, что они в хорошем состоянии и работают надежно.

Мину я запрятал среди многочисленных деталей автоматического устройства, которое поддерживало магнитное поле. В этом магнитном поле, как в невидимом мешке, хранился все еще солидный запас антивещества.

Теперь фарсаны не застигнут меня врасплох. Радиосигнализатор будет всегда со мной. Стоит только сдвинуть предохранитель, нажать кнопку — и мина взорвется. Магнитное поле разрушится, антивещество упадет, соединится с веществом корабля. Произойдет чудовищный взрыв. Корабль перестанет существовать, мгновенно превратившись в световое излучение.

29-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ○ ○

Сегодня во второй половине дня я сел за клавишный столик, чтобы продолжить рассказ о Зургане. Но трещина в стене не давала мне покоя. Я то и дело поглядывал на нее и почему-то гадал: смогу я пролезть или нет? Наверное, смогу. Ведь трещину можно расширить. Тогда попаду в регенерационный отсек. А там... Там рядом каюта Рогуса, в стене которой тоже есть небольшая трещина... Об этом вчера говорил Рогус. И меня охватило неодолимое желание заглянуть в каюту Рогуса. Ведь именно там происходило таинственное и жуткое превращение людей, моих сподвижников, в фарсанов.

Я подошел к стене и некоторое время стоял в нерешит-

тельности. В другое время никогда не отважился бы на постыдное подсматривание. Но ведь на корабле не люди, а фарсаны. И я решился. Расширив трещину, я с трудом просунул в нее плечи. Ноги прошли свободно.

В регенерационном отсеке было темно. Лишь слегка светились приборы. В их голубоватом сиянии тускло блестели сосуды и баллоны, в которых восстанавливался воздух. Они издавали едва слышные звуки, похожие на посапывание спящего человека.

Осторожно лавируя между баллонами, я приблизился к противоположной стене. Трещину я нашел сразу, так как через нее пробивался свет. Она была невелика и находилась на уровне пояса.

Я наклонился и заглянул в каюту. Первое, что бросилось в глаза, — огромный, опутанный трубками и приборами шкаф. Точно такие же я видел в лаборатории Вир-Виана. И сейчас с ужасом подумал о том, что Рогус засовывал оглушенных, потерявших сознание членов экипажа в этот шкаф с целью скопировать, как выражался не без зловещего юмора Вир-Виан, идентичных фарсанов.

В каюте Рогуса послышался шорох — в той стороне, где по стандартной планировке должен находиться клавишный столик. Я посмотрел туда. Сначала мне показалось, что за клавишным столиком спиной ко мне сидел Рогус. Присмотревшись, я понял, что ошибся. За столиком сидел совершенно незнакомый человек, если это вообще человек. Незнакомец был стройнее и выше Рогуса. Кто же это? Наверняка это он стоял тогда ночью у моей двери и гнусавым голосом твердил о том, что ему нужна «индивидуальность».

Незнакомец встал, повернулся ко мне лицом, и я узнал... самого себя! Это было так неожиданно, что я отшатнулся и больно стукнулся о баллон. Это был фарсан! При чем «мой» фарсан!

Собравшись с духом, я снова заглянул в каюту. Фарсан, мой двойник, стоял у стены, где располагались ячейки с шкатулками. Он неторопливо и любовно — точь-в-точь как я! — перебирал шкатулки.

В коридоре послышались шаркающие шаги Рогуса. Фарсан насторожился. Когда шаги замерли у двери, он спрятался за перегородку, где была постель Рогуса.

Дверь щелкнула и открылась. Вошел Рогус. Тщательно закрыв дверь, он сказал:

— Не бойся. Это я. Ты же знаешь, что сюда, кроме меня, никто не войдет.

Фарсан вышел из-за перегородки, уселся за клавишный столик и заговорил гнусавым голосом. Но я слышал только отдельные слова, так как фарсан сидел ко мне спиной.

— ...Никто не видел... На всякий случай...

— Чем занимался? — спросил Рогус и, показав на незнакомый мне овальный прибор с широкой подставкой, спросил: — Эту штуку видел?

— Видел... не понимаю...

— Не понимаешь? — рассмеялся Рогус. — И не поймешь. Я недавно его сконструировал. Тонри-Ро, к сожалению, поумнее тебя, но и он никогда не догадается о назначении этого прибора.

— Как ведет себя Тонри-Ро?

— Хорошо ведет, — уверенно ответил Рогус. — Я бы даже сказал, отлично. Он ничего не знает, этот простачок, с головой погруженный в астрофизику.

— А как его проверяли? — спросил «мой» фарсан.

— А Тари-Тау для чего? О, Тари-Тау — хитрая приманка.

«Тари-Тау — фарсан!» — с ужасом понял я.

— Приманка? — удивился мой гнусавый двойник.

— Да. Тари-Тау — это моя большая удача. Это почти адекватный фарсан, идеально копирующий живого Тари-Тау. Общайся он с людьми хоть сто лет — и никто не подумает, что это фарсан. Я, Али-Ан и Лари-Ла решили так: если у Тонри-Ро возникнет хоть тень подозрения, он попытается найти живого человека, союзника. И клюнет на нашу приманку, обратившись в первую очередь к Тари-Тау, нашему наиболее совершенному фарсану. Но Тонри-Ро, как всегда, доброжелателен к Тари-Тау — и только. А дружит он по-прежнему с Сэнди-Ски. Нет, Тонри-Ро ни о чем не догадывается.

И Рогус самодовольно расхохотался. Я вздрогнул от этого хохота. Рогус торжествовал. Не рано ли? Немного помолчав, Рогус спросил:

— Астрофизику изучил?

— Почти все... Труды самого Тонри-Ро полностью...

— Хорошо. Но этого мало. Надо вобрать в свою память большую часть сведений из смежных областей науки.

— Знаю... Планетология, физика ядра, нейтринология, радиоэлектроника...

— Кроме того, Тонри-Ро любит поэзию.

— Особенно Рой-Ронга, — подхватил «мой» фарсан. Он вскочил и вышел на середину каюты. Расставив ноги и подняв правую руку, фарсан начал декламировать отрывок из поэмы Рой-Ронга.

— Не так, — недовольно

проворчал Рогус. — Жаль, что ты не видел, как этот простачок в кают-компании читает стихи. О, это торжественное и пышное зрелище. Смотри.

И Рогус начал буквально глумиться надо мной, передразнивая и утрируя мою манеру читать стихи.

Я и не предполагал, что фарсан Рогус затаил такую злобу против меня, единственного оставшегося в живых человека. Вероятно, настоящий Рогус, тот, который был убит фарсанами на Зургане, тоже был человеком завистливым и злым и так же тщательно скрывал это.

— Не верю, — смеялся «мой» фарсан, глядя, как Рогус изображает меня. Смех его был какой-то жидкий и невыразительный.

— Не то, — поморщился Рогус. — Тонри-Ро смеется не так. А впрочем, все это неважно.

— Как неважно? — гнусавил «мой» фарсан. — Мне нужна индивидуальность Тонри-Ро. Без нее я чувствую себя неполноценным. Твои тренировки почти ничего не дают. С их помощью я заучил лишь несколько привычек Тонри-Ро. Но это не то. Я даже не имею его голоса. Я хочу быть капитаном корабля. А для этого мне нужно приобрести индивидуальность Тонри-Ро сразу, одним приемом, вот так.

Я с ужасом увидел, что фарсан растопырил пальцы и сделал вид, что вцепился в чью-то голову. Я знал, что таким приемом с помощью особого излучения фарсаны «обшаривают» человеческий мозг, исследуют его микроструктуру. При этом все знания и опыт человека, система его мышления, вся наследственная и приобретенная информация как бы переливаются из человека в фарсана. Человек погибает.

«Мой» фарсан продолжал с вождением изображать, как он шарит пальцами, испускающими лучи, по моей голове.

— Хватит паясничать, — грубо прервал его Рогус. У тихого и скромного Рогуса появились новые черты: грубость, решительность и властолюбие. Видимо, власть над фарсанами (он был здесь их вождем) портила Рогуса.

Показывая на шкаф — дьявольское изобретение Вир-Виана, Рогус добавил с недоброй усмешкой:

— Мы из Тонри-Ро на обратном пути сделаем еще одного воспроизводящего фарсана. Постараюсь, чтобы это был безупречный фарсан, вроде Лари-Ла или Тари-Тау.

У Сэнди-Ски есть кое-какие незначительные отклонения, но они незаметны. Новый фарсан будет полностью обладать индивидуальностью Тонри-Ро. Вот он-то и станет капитаном корабля.

— А как же я? — забеспокоился гнусавый.

— Насчет тебя у нас появились другие соображения, — сказал Рогус. — И тебе необязательно абсолютное сходство с прототипом. Если планета Голубая населена разумными существами, что вполне вероятно, то мы оставим тебя там с необходимым оборудованием. И ты уже знаешь свою задачу: установить на планете наше господство — господство шеронов и фарсанов.

— Не так уж плохо, — улыбнулся «мой» фарсан, довольный почетной перспективой.

— Да, не так уж плохо, — согласился Рогус. — А сейчас ты должен помнить о том, что никакая материальная система — будь то живой организм или кибернетическая машина — не может выработать сведений или указаний, в которых содержалось бы больше информации, чем ее поступило в память системы извне. Это и есть закон сохранения информации — такой же фундаментальный закон природы, как и закон сохранения энергии и вещества.

— Понимаю. Я и так сейчас много работаю, вбираю в свою память огромное количество информации.

— Особенно ты должен налегать на биофизику, электронику, нейтринологию...

Рогус не закончил перечисление наук. Взглянув в мою сторону, он нахмурился.

— Сколько раз я тебе говорил, чтобы эту щель ты заделал сам, — сказал он и насмешливо добавил: — Видимо, ты такой же лентяй, как и твой прототип Тонри-Ро.

К сожалению, это была правда: я несколько ленив, когда дело касается мелочей.

— Придется самому заварить щель, — проворчал Рогус и, взяв в руки инструмент, решительно направился к стене.

Я спрятался за баллон и затаил дыхание. Раздалось шипение — и щель исчезла. Я попробовал приложить ухо к стене.

Однако голоса доносились настолько глухо, что я не мог разобрать ни одного слова.

Осторожно лавируя в темноте между баллонами, я вернулся в свою каюту.

На душе было тяжело.

Сегодня днем я так и не притронулся к дневнику. И только сейчас, уже поздно вечером, сел за клавишный столик. Признаюсь, весь день у меня было подавленное настроение. Рухнула последняя надежда найти живого человека. К тому же не очень приятно чувствовать, что на корабле находится уже готовый мой двойник — фарсан. Весь день мне не давал покоя вопрос: как смог Рогус, оставив меня в живых, воспроизвести мою внешность и даже некоторые привычки и врожденные качества? Правда, «мой» фарсан неполноценен: обладая вполне конкретной физической индивидуальностью, он не имеет духовной.

И я нашел этому единственно верное объяснение, когда вспомнил один случай. За несколько дней до квантового торможения, проверяя, как закреплены приборы в грузовом отсеке, я ударился о какой-то острый угол и больно поранил ногу. Лари-Ла проявил удивительную расторопность. Он быстро подскочил ко мне с медикаментами, разорвал на ноге комбинезон и залечил рану. Лари-Ла отрезал изрядный кусок моей кожи и бросил его в сосуд с физиологическим раствором. В этом растворе клетки жили и функционировали еще долгое время. А в каждой клетке хранится таинственная наследственная информация, несущая в себе сведения о структуре всего организма. Вот тем куском кожи с многочисленными нормально функционирующими клетками и воспользовался Рогус.

Но, чтобы воспроизвести мой духовный облик, весь строй моих мыслей и чувств, весь жизненный опыт и привычки, необходимо проникнуть в микроструктуру мозга — этого невероятно сложного органа мысли и огромного хранилища приобретенной и наследственной информации.

Сегодня в рубке внешней связи я сделал довольно печальное открытие: на планете Голубой знают, что такое войны. Я и раньше догадывался об этом, а сегодня убедился окончательно.

— Разумные обитатели планеты Голубой, — говорил Лари-Ла, уступая мне место за экраном внешней связи, — удивительно похожи на нас. Только они почти вдвое выше и крупнее. И лица у них в основном белые, а не золотистые, как у нас. Но лица я как следует не рассмотрел. Мы еще слишком далеко.

Встав за моей спиной, Лари-Ла начал словоохотливо

излагать свои гипотезы о животном мире, который, по его мнению, чрезвычайно богат и разнообразен на планете Голубой. Однако я слушал не очень внимательно и с облегчением вздохнул, когда Лари-Ла ушел.

Ни биолог Лари-Ла, ни планетолог Сэнди-Ски до сих пор не обратили внимания на детали, которые говорили о том, что с общественным устройством на планете далеко не все в порядке. На планете Голубой, видимо, нередко вспыхивают кровопролитные и опустошительные войны, характерные для эпохи эксплуататорских обществ. И все-таки я уверен, что среди социального хаоса и там сверкают удивительные умы ученых, крепнет воля борцов за переустройство общества. Со временем планета Голубая станет младшей сестрой Зурганы.

Но если на Голубой появятся фарсаны, то они надолго, на тысячелетия задержат прогрессивное историческое развитие, установив на планете свое бессмысленное господство. Нет, я не допущу этого.

31-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов — —

За мной установлена слежка! Сегодня я убедился, что Рогус следит за каждым моим шагом.

Днем, проходя через кают-компанию в рубку управления, я увидел Рогуса. Он стоял около кабины утренней свежести и рассматривал какую-то деталь через овальный прибор, тот самый прибор с секретом, который я уже видел в его каюте.

— Что-то новое? — с неплохо разыгранным равнодушием спросил я, показав на прибор.

— Да, капитан. Желаете посмотреть? — И он, улыбнувшись, протянул мне прибор. В простодушной улыбке Рогуса на миг проскользнуло ехидство.

Я взял прибор и внимательно осмотрел его.

— Похоже на прибор для просвечивания металлических конструкций, — проговорил я.

— Вы угадали, капитан.

В смиренном голосе Рогуса послышалась едва уловимая ирония. Рогус просто издевался надо мной. До чего, оказывается, Рогус был злым человеком! Злым и двуличным. Он передал «по наследству» свои черты фарсану.

Я поставил прибор на столик и собрался идти в рубку

управления. В это время открылась дверь кабины утренней свежести. Оттуда выглянул Тари-Тау. Вздвогнув, я обернулся. Я не мог видеть сейчас этого «милого» юношу, этого «почти адекватного» фарсана. Он вызывал такую неприязнь, словно оказался предателем, самым хитрым и подлым предателем.

Но выдавать свои чувства — значит выдавать себя. Я повернулся лицом к Тари-Тау и, улыбнувшись, обменялся с ним приветствием.

— Я, кажется, нашел неисправность, — обратился Тари-Тау к Рогусу.

Тари-Тау и Рогус скрылись в кабине утренней свежести.

Я снова взял прибор и самым тщательным образом осмотрел его. Нажимая кнопку, я то включал, то выключал прибор. И вот мне показалось, что на подставке включенного прибора появлялось едва заметное пятнышко. Присмотревшись, я понял, что пятнышко — это замаскированная кнопка. Я нажал ее. И сразу же послышались хорошо знакомые мне звуки: тик-тик, тик-тик... Это же мой хронометр! Он сейчас стоит в моей каюте на клавишном столе. Но зачем Рогус имитирует в приборе тиканье моего хронометра? И откуда он знает о старомодном тикающем хронометре, оставшемся мне после гибели отца? Недоумевая, я приложил ухо к прибору. И вдруг в нем раздался грохот. Создавалось впечатление, что какой-то предмет упал и, гремя, покатился по пластмассовому полу.

И тут меня осенила догадка. Выключив прибор, я поставил его на столик и бросился в свою каюту.

Так и есть! На полу посреди каюты лежала шкатулка. Недостаточно плотно закрепленная в ячейке, она упала и покатилась. Звук упавшей шкатулки я и слышал в приборе. Это прибор-шпион! С его помощью Рогус мог слышать все звуки в моей каюте. Возможно, что и сейчас он стоит, приложив ухо к прибору. Достаточно мне хотя бы шепотом произнести проклятье по адресу фарсанов — и я буду разоблачен.

Ну нет, Рогус. Твои технические хитрости не помогут. Напевая какой-то веселый мотив (пусть послушает Рогус!), я поставил шкатулку на место. Затем вышел и направился в рубку управления.

Здесь мной на минуту овладело ощущение уюта и благополучия. Словно на корабле ничего не произошло. Словно не фарсаны, а живые Тари-Тау и Али-Ан дежурили по-

переменно у пульта управления. Многочисленные приборы пульта все так же беззвучно и дружелюбно мигали своими многоцветными огоньками. Все так же из кают-компания доносились шаркающие шаги Рогуса. Трудолюбивый, как муравей, он проверял сегодня работу экрана полусферы кабины утренней свежести. Традиционная, мирная картина нашей жизни! О, как мне хотелось, чтобы произошло чудо, чтобы фарсаны снова превратились в людей!

Каждый раз, заходя в рубку управления, я с беспокойством поглядывал на экран локатора. Экран, установленный на фиксацию метеоритов, был чист.

— Успокойтесь, капитан, — смущенно улыбаясь, говорил Тари-Тау. — В Космосе отличная погода. Никаких бурь, никаких метеоритных дождей и кометных потоков.

Тари-Тау! Как мне жаль этого мечтательного юношу! Вместо него вот этот двойник — такой же углубленный в себя и задумчивый, говорящий таким же образным и поэтичным языком. Но уже не человек, а фарсан...

У себя в каюте я с тоской и горечью размышлял о трагической судьбе своих друзей — членов экипажа. И больше всего мне было жаль Тари-Тау. В его лице, быть может, погиб один из самых великих, один из самых царственных поэтов Зурганы.

Только теперь, думая о погибших членах экипажа, я начинаю понимать, почему председатель Совета Астронавтики Нанди-Нан настаивал на зачислении в экспедицию Тари-Тау, который был тогда совсем почти мальчиком. На дорогах Вселенной возможны всякие случайности и задержки. И если путешествие слишком затянется и усталость долгих лет застелет, затуманит наш взор, то Тари-Тау, будучи уже в зрелом возрасте, поможет нам привести корабль обратно на Зургану. Так, видимо, думал мудрый и предусмотрительный Нанди-Нан.

32-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ♣ ♣

До планеты Голубой осталось не больше десяти дней полета. Поэтому мне надо спешить.

О Зургане лучше всего рассказать словами Аэнны-Виан, которая хорошо знала историю нашей планеты. Аэнна пригласила меня к себе на следующий день после Всепланетного Круга ученых. Но три дня подряд я был занят под-

готовкой к пробному полету и не смог посетить дом Вир-Виана.

Я встретил Аэнну совершенно случайно на берегу Ализанского океана. Я летел на гелиоплане на остров Астронавтов, где меня ждали члены экипажа. Я торопился. До острова оставалось не больше ста лиг, но в это время киберпилот отчеканил:

— Энергии мало. Совершаю вынужденную посадку.

Гелиоплан сел на самом берегу. Едва я вылез из кабины, как услышал далеко сзади приветствие:

— Эо, Тонри!

У меня радостно забилося сердце: мне показалось, что я узнал голос Аэнны. Я обернулся... Она! Аэнна стояла около белого домика туристского типа. Таких домиков здесь насчитывалось десятка полтора. Вероятно, это и был городок археологической партии, в которой работала Аэнна.

— Ты как здесь оказался? — спросила Аэнна, подойдя ко мне. — Решил стать археологом?

— Вынужденная посадка, — махнул я рукой в сторону гелиоплана.

— У тебя есть свободное время? Есть? Тогда посидим на берегу.

— Хорошо. Только я должен предупредить товарищей о том, что задержусь.

Я снова забрался в кабину гелиоплана. Включив крохотный экранчик всепланетной связи, я вызвал Сэнди-Ски и попросил его приехать за мной на катере часа через три.

— А теперь давай оправдывайся передо мной, — весело заговорила Аэнна, когда я вернулся к ней. — Ты почему не зашел к нам на следующий день после Круга? Ведь обещал. Занят был? А завтра сможешь?

— Первая половина дня у меня свободна.

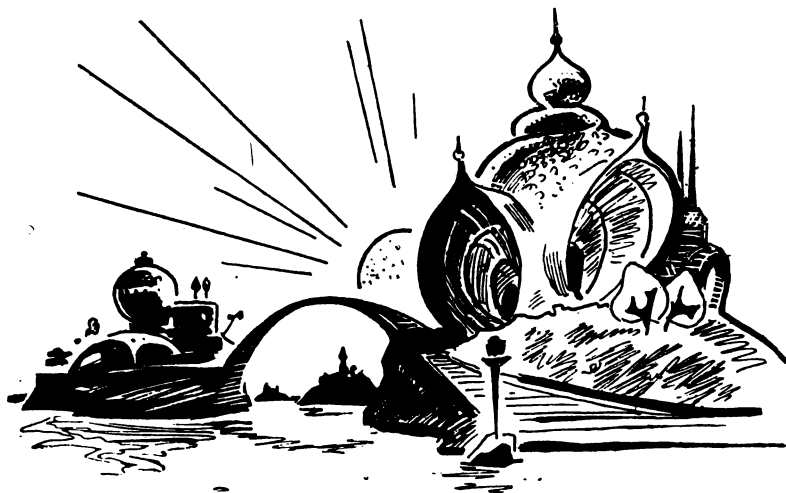
— Вот и хорошо. Завтра я постараюсь быть у отца. Ведь он скучает без меня, оставаясь со своими помощниками. А главное — отец уж очень хочет видеть тебя. Между вами возникла какая-то непонятная взаимная симпатия.

— Ну, насчет моей симпатии ты слишком преувеличиваешь, — отшучивался я.

— А вот ты ему явно понравился. Послушал бы, как он тебя расписывает: высокий, стройный, умное волевое лицо. Настоящий астронавт! Один из лучших представителей зурганского человечества! У тебя он нашел только один недостаток — ты слишком молод.

Аэнна засмеялась. Я рад был ее видеть такой — оживленной и радостной, без тени обычной грусти.

Мы подошли к берегу и сели на большой гладкий камень, о который со стеклянным звоном разбивались волны.

Прямо перед нами раскинулся Главный Шеронский архипелаг — десятки цветущих островов.

— Помнишь, я тебе обещала подробно рассказать о шеронах и вообще об истории Южного полюса? Сейчас самое время. Ты только посмотри на эту колыбель шеронской культуры!

Вид и в самом деле был прекрасный. Острова архипелага утопали в золоте закатного солнца, которое своим огненным диском вот-вот коснется морского горизонта. Стеклолитовые дворцы шеронов, построенные на возвышенностях острова, горели в лучах жаркого светила. Они были словно сделаны из затвердевшего оранжевого света. Другие дворцы, воздвигнутые на низких местах, на самом берегу, сейчас находились в тени и казались призрачными, будто сотканые из дождевых струй. Они всеми своими архитектурными частями устремлялись ввысь, в небо и казались легкими, как морская пена.

— Не дворцы, а песни из стеклолита, — задумчиво проговорила Аэнна. — Шероны умели строить дворцы. В одном из них — отсюда он не виден, он на острове за горизонтом — жили мои предки. Там рос и воспитывался мой отец. Девяносто девять лет тому назад, с наступлением Эры Братства Полюсов, все они были превращены в дворцы отдыха, а некоторые — в музеи шеронской культуры.

— И ты несколько не жалеешь об этом? — спросил я.

— Нет, я шеронка только по происхождению, а не по убеждению. Да и вся шеронская молодежь не захотела бы сейчас вернуться к старому, к обычаям отцов. Это мой отец и немногие шероны, с которыми он слишком тесно дружит, жалеют о потере господства.

— Мне непонятно одно, — сказал я. — Шероны господствовали на Юге тысячи лет. За это время на Северном полюсе произошло множество изменений. В военных столкновениях разрушались одни государства и империи, создавались другие. Сменилось несколько общественно-экономических формаций, наконец победила самая совершенная, самая гуманная и гармоничная. Это было прогрессивное восхождение от социального хаоса к гармонии. У вас же на Юге истории в сущности не было. В течение многих тысяч лет неизменно сохранялся аристократический строй шеронов. Как это произошло?

— Хорошо. Наберись терпения и слушай, — улыбнулась Аэнна. — О Зургане я могу говорить сколько угодно долго.

Аэнна начала рассказывать о планете чуть ли не с первых дней ее сотворения. Сейчас, сидя за клавишным столиком, я со всеми дорогими мне подробностями восстановил в памяти незабываемую картину: и Ализанский океан, позолоченный закатным солнцем, и Шеронский архипелаг, сверкающий шпилями и куполами дворцов, и берег, о который все тише и тише плескались волны. Мне даже кажется, что сейчас я не один в каюте, что рядом сидит Аэнна, и я слышу ее голос.

Рассказывала Аэнна с увлечением, с красочными подробностями. Ни один историк в школе астронавтов не дал бы мне больше сведений по истории нашего Юга. Сейчас на кристалле я запишу лишь вкратце то, о чем подробно рассказала Аэнна. Думаю, что разумным обитателям планеты Голубой интересно и полезно будет знать историю нашей Зурганы.

Около миллиона лет тому назад в районе экватора появились первые люди на Зургане. Тогда еще не было Великой Экваториальной пустыни. Вся планета зеленела лесами. Лишь вдоль жаркого экватора располагались отдельные разрозненные пустыни. Со временем их становилось все больше и больше. Палящее солнце выжигало растительность, реки и озера высыхали. Пустыни сливались, занимая огромные пространства. Так образовалась Великая Экваториальная пустыня. Кочевые племена первобытных людей разбрелись по полюсам, превратившимся в большие оазисы, разделенные широким поясом раскаленных песков. Попытки перейти пустыню и узнать, что за ней, ни к чему не приводили. Караваны, не пройдя и сотой части пути, гибли, занесенные песками.

Развитие человеческого общества на полюсах шло разными путями. История Севера — это классический пример восхождения общества от низших ступеней к высшим, от первобытной тьмы к гармонии и ясности. Аэнна считает, что так развивается общество разумных существ почти во всех населенных мирах Вселенной.

На Южном полюсе сложились своеобразные условия, в которых развитие общества на тысячи лет остановилось на одной ступени. В глубокой древности здесь жили три племени. Многочисленное трудолюбивое и мирное племя сулаков занималось охотой и земледелием. Два воинственных племени — фарсаны (завоеватели) и шероны (мудрые) вели между собой непрерывные войны. Победили шероны, умевшие изготавливать более совершенное оружие. Ше-

роны и фарсаны заключили между собой союз, в котором главенствующее положение занимали победители. Совместными усилиями они покорили сулаков, обратили их в рабство. С тех пор начал формироваться трехступенчатый иерархический строй. Полновластными хозяевами Южного полюса стали шероны. Они расселились на цветущих островах единственного на Зургане Ализанского океана. На берегах океана возникли военные города фарсанов — привилегированных слуг и защитников шеронов. Фарсаны стали в полном смысле слова завоевателями. Они подавляли мятежи и умирляли сулаков, собирали с них дань для шеронов и для себя.

Шероны с помощью фарсанов поработили сулаков не только физически, но и духовно. Они создали для них религию. Эта религия учила, что после смерти души исполнительных сулаков переселяются на соседнюю планету Зиргу, которая сверкает ночью морями расплавленного олова и свинца. Там сулаки якобы становятся шеронами и проводят жизнь в вечном блаженстве. По всей территории Южного полюса были воздвигнуты пышные храмы Зирги, где фарсаны заставляли сулаков ежедневно молиться. Так из поколения в поколение воспитывалась покорность — главная добродетель сулаков.

Среди шеронов установился своеобразный строй аристократической демократии. Все шероны были равны. Они подчинялись только верховному шерону, который избирался один раз в год. Но верховный шерон не имел большой власти. Он следил в основном за исполнением законов, раз и навсегда принятых всеми шеронами. Законы эти отличались мудростью и строгостью. Это и спасло шеронов от вырождения. Наихудшим пороком у них считалось бездельное прожигание жизни. В то время как господствующие классы Северного полюса проводили жизнь в праздности, шероны отдавали весь свой досуг научно-техническому и художественному творчеству. Все возрастающее техническое могущество шеронов давало им возможность укреплять свою власть и снабжать фарсанов новыми образцами оружия. Фарсаны почти ничем не интересовались, кроме военного дела, доведенного у них до культа. В их глазах шероны, все глубже проникающие в секреты материи, обладали таинственной и непостижимой властью.

Научное и художественное творчество у шеронов было единственным богом, которому они служили с радостью. Каждое научно-техническое достижение или создание вы-

сокохудожественного произведения искусства отмечалось праздником и всешеронскими спортивными играми.

Цивилизация у шеронов достигла невиданного и пышного расцвета, особенно искусство. Причину расцвета шероны видели в господстве над сулаками и фарсанами. Власть над многочисленным рабочим людом, сулаками, давала шеронам досуг для творческой деятельности. Они были избавлены от всех материальных забот. Кроме того, шероны считали, что ощущение неограниченной власти над себе подобными эмоционально обогащает человека, делает его сильным в духовном и волевом отношении, дает возможность формировать физически прекрасную и могучую расу. Господство — неперемное условие высшей культуры. Эту мысль каждый шерон усваивал с малых лет. Эта мысль стала основополагающей в социальной философии шеронов.

За несколько десятков лет до наступления Эры Братства Полюсов в обществе и культуре шеронов все же стали намечаться признаки застоя и медленной, неуклонной деградации. В философию и искусство все чаще проникали идеи космического пессимизма, идеи бесцельности и тленности человеческой культуры перед вечностью и бесконечностью природы.

В это время на Северном полюсе восторжествовал гармоничный общественный строй, открывший перед людьми широкий простор для творческой деятельности. В науке, технике и культуре северяне быстро догнали шеронов. На Севере и на Юге появились гелиопланы, которые смогли преодолевать огромное расстояние между полюсами. Так люди Юга и Севера узнали о существовании друг друга.

Шероны стали искать средство от застоя в борьбе с северянами, в стремлении распространить свое господство и на другом полюсе. Борьба — вот новая идея, воодушевлявшая шеронов. В борьбе крепнет дух, неизмеримо возрастает могущество расы. Борьба, по мнению шеронов, способна оживить их угасающую культуру. Так возникла изнурительная, длившаяся многие годы война между полюсами. Под руководством шеронов десятки тысяч фарсанов с боевой техникой перелетали на гелиопланах Великую Экваториальную пустыню и высаживались в безлюдных оазисах, прилегающих к Северному полюсу. Оттуда они на шагающих бронированных вездеходах начинали военные действия против северян. Фарсаны сражались умело и храб-

ро, но не могли победить северян, часто терпели сокрушительные поражения и с большим уроном улетали обратно.

Шероны поняли, что им не добиться решающего успеха, пока они не найдут новое мощное оружие. Такое оружие появилось почти одновременно на Севере и на Юге. Это были ядерные снаряды огромной разрушительной силы. Когда фарсаны сбросили три таких снаряда на города Северного полюса, северяне предприняли решительные меры. Они совершили массовый воздушный налет на Южный полюс. Северяне при этом потеряли большую часть своего воздушного флота — гелиопланов и появившихся к этому времени быстролетных ракетопланов. Но они уничтожили все фарсанские военные города и всех фарсанов до одного. Архипелаг шеронов северяне не тронули, стараясь сохранить высокую культуру.

Немногочисленные шероны остались без своих верных воинственных слуг и защитников — без фарсанов. Спасаясь от восставших сулаков, они покинули острова Ализанского океана и поселились подальше от Южного полюса — в северных городах или в оазисах. Так рухнуло многовековое господство шеронов, погиб их аристократический строй. Сулаки создали у себя на Юге такое же гармоничное общество, как и на Северном полюсе. Между полюсами установилась эра мирного сотрудничества — Эра Братства Полюсов.

Закончив рассказ, Аэнна задумчиво смотрела на яркие мазки заката. Солнце только что скрылось за горизонтом. Океан начал погружаться в свою ночную дремоту. Волны едва слышно плескались у наших ног.

— С тех пор прошло девяносто девять лет, — снова заговорила Аэнна. — Молодые шероны не могут представить себе иной жизни, чем сейчас. Но мой отец и его немногие друзья, которые еще помнят свое детство, проведенное в дворцах архипелага, не могут примириться с потерей своего исключительного положения. Но что они могут сделать без фарсанов?

— Ничего не могут, — сказал я. — И тем лучше для них и для общества. Сейчас они приносят обществу огромную пользу, став учеными и творцами произведений искусства.

— Все это так. Но что за мысли у них, что за философия! — воскликнула Аэнна. — Если ты внимательно слушал мой рассказ о шеронской культуре, то должен понять, откуда у моего отца такая сумасбродная космическая тео-

рия. Господство над себе подобными он по-прежнему считает условием высшей культуры. Но в наше время, когда вот-вот начнутся межзвездные сообщения, недостаточно власти на одной планете. Нужна вечная борьба во Вселенной и господство одной, избранной планеты над всеми мирами Космоса. Это мой отец считает необходимым условием бесконечного роста и совершенствования мыслящего духа Вселенной.

— Но у твоего отца есть одна привлекательная идея — идея концентрации научно-технических достижений, рассеянных во Вселенной.

— Концентрировать научную мысль можно и мирным путем, — возразила Аэнна.

— Конечно можно, — согласился я. — Оно так и будет.

Некоторое время мы молчали, любуясь пышным закатом. Такие закаты на Зургане бывают только здесь, в районе Шеронского архипелага. Там, где зашло солнце, замiral слабый всплеск малиновой зари. На золотисто-зеленом небе вырисовывались четкие контуры шеронских дворцов.

— Красота какая! — воскликнула Аэнна. — Не случайно именно здесь создавались самые величественные произведения искусства.

Взглянув на часы, она добавила:

— Сейчас мы услышим не менее красивую музыку — знаменитый колокольный час шеронов. Ты когда-нибудь слышал такое?

— Только по системе всепланетной связи, — ответил я.

— Но это совсем не то. Шероны делали колокола из какого-то чудесного сплава, секрет которого утерян. Разнообразные по форме и величине, колокола издают чистые, нежные и в то же время сильные звуки. Транслировать их по всепланетной связи трудно не исказив. Но давай лучше послушаем.

Небо темнело. Стояла вечерняя тишина, нарушаемая едва слышным шелестом волн.

И вдруг до нашего слуха издали, из-за горизонта, донесся нежный мерцающий звук. То заговорил колокол центрального острова архипелага. Колокола всех дворцов имели между собой радиосвязь. Поэтому звонили согласованно, словно инструменты хорошо налаженного оркестра. Центральному колоколу ответили другие. И началась музыкальная переключка шеронских дворцов, возвещающая о том, что еще один день жизни человечества бесследно

канул в вечность. Звуки лились и лились над океаном, бессмертным и невозмутимым, как тысячи веков назад.

В задумчивых и печальных переливах, похожих на рыдания, слышалась глубокая скорбь, бессильная жалоба на космическое одиночество, на тленность зурганской культуры, затерянной в безграничности Вселенной...

Мелодичный звон колоколов стал затихать, усиливая щемящую тоску. Наконец в последний раз зазвонил центральный колокол — заключительная вспышка звука, трепетная и умирающая.

Аэнна задумчиво смотрела на угасающий закат. Ее прекрасное лицо было тронато легкой печалью. И я впервые подумал о том, что частая грусть Аэнны — это, быть может, выражение меланхолии ее древней мудрой расы.

— Не правда ли, какая красивая и грустная музыка? — взволнованно прошептала Аэнна. — Колокольный час — это эстетическое воплощение философии шеронов эпохи упадка.

Аэнна права, думал я, эта музыка воплощает в себе весь пессимизм высокой, но утомленной культуры. Вир-Виан пытается в своей новой космической философии вырваться из этого пессимизма, но безнадежно. Его философия, в сущности, так же пессимистична и закатна, как этот закатный колокольный час.

В море, в сгустившихся сумерках, сверкнул огонек. Наконец мы увидели катер, причаливший недалеко от нас. Из катера выскочил Сэнди-Ски и направился к нам.

— Эо, Тонри! Эо, Аэнна! — воскликнул Сэнди-Ски.

— Эо, Сэнди! — повеселевшим голосом приветствовала его Аэнна.

Сэнди-Ски внес в наше общество оживление и смех. Мы втроем пришли к городку археологов и попрощались с Аэнной.

— Завтра я жду дома, у отца! — крикнула она мне, когда мы направились к берегу.

33-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ∞∞

И снова я не смог сдержать своего обещания: на завтра мне пришлось заниматься подготовкой к пробному полету. Лишь на второй день с утра собрался я посетить

«крепость» Вир-Виана, как называли жилище и лабораторию ученого.

До этого, изложив в дневнике речь Вир-Виана на Всепланетном Круге и рассказ Аэнны, я в какой-то степени объяснил социально-философские предпосылки появления новых фарсанов. Теперь же мне предстоит объяснить их природу, их материальную сущность. Признаюсь, для меня это нелегкая задача, так как я недостаточно хорошо знаком с нейрофизиологией, бионикой и другими смежными областями наук. Но я постараюсь вспомнить все, что говорил мне по этому поводу сам Вир-Виан.

«Крепость» Вир-Виана находилась вдали от городов, в оазисе Риоль. Поэтому, собираясь к Вир-Виану, я оделся в легкий белый пилотский комбинезон, который неплохо защищал от жгучих солнечных лучей.

Мой гелиоплан бесшумно летел над пустыней, над бесчисленными барханами, которые напоминали собой застывшие морские волны. Но вот вдали зазеленел остров — это и был оазис Риоль. Сверху он походил на большой остроносый корабль, нагруженный зеленью и бросивший якорь среди песчаных волн пустыни.

Я посадил гелиоплан на ближайший к оазису пологий бархан. Шагая по раскаленным пескам, направился к оазису. Он был обнесен зеленым и абсолютно гладким стеклолитовым забором, настоящей крепостной стеной. Я попробовал найти какие-нибудь ворота, какой-нибудь вход. Но безуспешно. Стена была гладкой. Зато я сразу нашел циферблат. Подумал и набрал на диске цифру-пароль, которую сообщила мне Аэнна. Стена неожиданно раздвинулась. Образовался проход, и я вошел внутрь оазиса. Стена за мной бесшумно замкнулась. «Ну и ну!» — удивился я.

Ровная песчаная дорожка привела меня к дому. На открытой, но затененной деревьями веранде я увидел человека. Он сидел в старинном мягком кресле и читал не менее старинную книгу. Цветные знаки, образующие слова, были в ней нанесены на бумагу, а не закодированы в кристалле. Такие громоздкие бумажные книги давно уже вышли из употребления.

Услышав мои шаги, человек неуклюже встал и обернулся.

— Ниан! Ниан-Нар! — воскликнул я и с ужасом попятился. Мысли вихрем пронеслись в голове. Ниан-Нар! Как он оказался здесь! Ведь он мертв! Погиб при посадке!

— Извините, я Тонгус, — сказал человек и улыбнулся. Я медленно приходил в себя. Да, да, конечно, это не Ниан-Нар. Улыбка была не его. Да и голос не тот — какой-то скрипучий и неприятный.

Я сбивчиво начал объяснять цель моего прихода, но, изумленный, замолк. Человек перестал улыбаться и снова стал разительно похож на Ниан-Нара.

Некоторое время длилось молчание.

— К кому изволили прийти? — наконец, вежливо прокрипел человек, слегка наклонив голову.

— Я Тонри-Ро. Я пришел...

— Слышал, слышал, — прервал он меня. — Архан Вир-Виан будет рад видеть вас. Идемте в библиотеку. Там его подождете. Он скоро освободится.

Желая проводить меня, человек взял мою руку повыше локтя и сжал с такой силой, что я ойкнул от боли.

— Извините, — смутился он, выпуская руку. — Мои пальцы еще не обрели достаточной гибкости. Идите за мной.

Человек пошел впереди. Походка у него была какая-то разболтанная, движения угловатые.

«Странный тип, — думал я, оставшись один в библиотеке. — Словно деревянный. И выражения какие-то древние: «не обрели достаточной гибкости», «к кому изволили»...

В ожидании Аэнны или Вир-Виана я начал знакомиться с библиотекой. Здесь находилась преимущественно научная литература: нейрофизиология, электроника, кибернетика и так далее. Но были и художественные книги, в основном произведения древнешеронской поэзии.

Прошло полчаса. «Где же Аэнна?» — подумал я и осмотрел комнату более внимательно. В ней были три двери. В одну я вошел с веранды. Боковая дверь справа была закрыта. Но третья дверь, прямо передо мной, была чуть приотворена. Оттуда доносилось едва слышное чавканье и монотонное гудение. Так гудят электронно-вычислительные машины. Вероятно, за дверью находилась таинственная лаборатория Вир-Виана.

Я приоткрыл дверь и заглянул, надеясь увидеть кого-нибудь и спросить об Аэнне. Но в лаборатории никого не было. И в то же время чувствовалось, что работа шла полным ходом. Невиданной формы кибернетические установки самостоятельно, по заданной программе ставили опыты, производили вычисления, записывали результаты анализов.

Я старался подавить в себе нескромное любопытство. Но не выдержал и вошел.

Чавканье шло из непонятных кибернетических аппаратов, внешне похожих на шкафы, опутанные светящимися трубками и разноцветными проводами. Таких аппаратов было около десятка. Возле каждого на низких подставках стояли непрозрачные пузатые сосуды. Я наклонился над одним из сосудов и сразу в испуге отшатнулся. Там плавал в мутно-зеленом растворе... человеческий глаз. Меня поразил не сам глаз, а то, что он имел живое выражение. Он жил! Мне показалось даже, что он смотрел на меня с каким-то ехидством, с насмешливым любопытством.

Хотя я человек неробкий, мне стало здесь не по себе. Я ушел из лаборатории и тщательно прикрыл дверь.

В это время из боковой двери в библиотеку вошел Вир-Виан. Вошел, несмотря на преклонный возраст, легкой походкой бодрого, уверенного в себе человека. Меня снова поразила интеллектуальная сила его грубого, внешне некрасивого лица с тяжелым подбородком, крупным горбатым носом, шишковатым лбом. Мне нравилось это лицо, лицо творца, создателя огромных духовных ценностей. Единственное, что его портило, — это высокомерие прирожденного шерона.

Но надменное выражение исчезло, когда он увидел меня.

— Рад приветствовать руководителя первой межзвездной экспедиции, — сказал Вир-Виан.

Положил руку на мое плечо и дружески пожал его. Улыбнувшись, он продолжал:

— Вы пришли, конечно, не ко мне. Но я рад видеть вас не меньше, чем Аэнна. Она ждала вас вчера весь день. Сегодня ее здесь нет. — Нахмурившись, он добавил: — И вообще она бывает здесь в последнее время редко. Сейчас она на берегу Ализанского океана, на раскопках фарсанского города.

Он подошел к старинному креслу с высокими подлокотниками и уселся в него. Показав на соседнее кресло, он вежливо предложил:

— Может быть, вы посидите немного со мной? Мне хочется поговорить с вами.

Едва я опустился на мягкое сиденье, как в библиотеку из боковой двери вошел высокий широкоплечий человек.

— Эфери-Рау, заведующий биологическим сектором моей лаборатории, — представил его Вир-Виан.

— Мы, кажется, знакомы, — сказал я, сразу вспомнив этого веселого, общительного человека, великолепного спортсмена, чемпиона Южного полюса по плаванию. Я не раз состязался с ним на водных дорожках, и он почти всегда побеждал меня. Но это было давно, года два назад. С тех пор я его не видел.

— Конечно, знакомы, — подтвердил Эфери-Рау, усаживаясь в кресло напротив нас. — В воде мы всегда были врагами, а на суше — друзьями. Помнишь?

— Помню. Но почему ты забросил спорт?

— Не совсем так, — нерешительно ответил он. — Не забросил, но для спорта остается мало времени.

— Эфери-Рау поглощен серьезной научной работой, — вмешался Вир-Виан. — Кстати, Эфери, как дела с твоим полимером?

— Я получил то, что надо, — в голосе Эфери-Рау появились знакомые мне нотки бахвальства. — Теперь искусственный полимер не отличить от белкового даже под четырехсоткратным увеличением.

— Я был уверен, что ты добьешься своего. Но о делах поговорим потом.

Обратившись ко мне, он спросил:

— Вы верите в разумных существ в планетной системе, так блистательно открытой Нанди-Наном?

— А почему бы нет? Нанди-Нан считает, что там около десятка планет. На одной из них вполне возможна разумная жизнь.

— Предположим, что на одной из планет вы найдете разумных обитателей и сравнительно высокую культуру. Что вы будете делать?

— Как что? — я пожал плечами. — Познакомимся с цивилизацией, установим дружественные связи. Ведь наша экспедиция не последняя.

— Дружественные связи, — усмехнулся Вир-Виан. — Звучит, конечно, возвышенно и благородно.

— Я слушал вашу речь на Всепланетном Круге, — сказал я. — Неужели вы убеждены, что для возвеличения разума Вселенной нет иного пути, как завоевание иных населенных миров, господство над ними?

— Вражда, господство, войны... — недовольно проворчал Вир-Виан. — Вы изображаете меня каким-то кровавым и бессмысленным завоевателем. Поймите, что борьба и господство в Космосе — не самоцель, а необходимое условие и средство достижения самой высокой и бла-

городной цели, которая когда-либо стояла перед разумными существами. Эта цель — создание могучего, несокрушимого и вечного разума Вселенной, установление примата мыслящего духа над грандиозными силами косной материи...

Вир-Виан прочно уселся на своего любимого философского конька. С ним сейчас бесполезно было спорить.

— Ну, хорошо, — не совсем тактично перебил я его. — А какими же средствами, каким оружием вы думаете бороться с другими населенными мирами? Я, например, не представляю. Предположим, что на планетной системе Нанди-Нана мы найдем цивилизацию. Неужели мы сумеем установить господство нашим оружием? Ведь перед нами, небольшой кучкой, будет целая населенная планета, и у разумных обитателей найдется пусть даже примитивное, но неведомое нам и неожиданное оружие.

— Верно, верно, — живо откликнулся Вир-Виан, с любопытством глядя на меня. — Продолжайте.

— Теперь предположим, хотя мне это предположение кажется диким и бессмысленным, предположим, что мы каким-то образом установим свое господство на планете. Но ведь мы улетим обратно, и наше господство прекратится.

— Верное замечание, — Вир-Виан вскочил с кресла и начал ходить по библиотеке. — Абсолютно верное. Для борьбы в Космосе нам необходимо оружие тонкое, гибкое, а главное — неожиданное. Над таким оружием я и работаю со своими помощниками.

— Какое оружие? Вероятно, какие-нибудь мощные силовые поля?

— Нет, совсем не то, — возразил Вир-Виан. — Когда-нибудь я вам, Тонри, покажу это оружие. Я или мой помощник.

Когда Вир-Виан говорил о своих помощниках, мне почему-то вспоминался странный тип, которого я встретил на веранде.

— Скажите, этот Тонгус, который сидит на веранде, тоже ваш помощник? — спросил я.

Вир-Виан и Эфери-Рау переглянулись.

— В некотором роде да, — ответил Вир-Виан. — А что?

— Какой-то он странный...

— Странный? Нет ничего удивительного. Это моя первая и не совсем удачная модель.

— Модель? Этот человек — модель? Не понимаю.

Вир-Виан удовлетворенно улыбнулся. Эфери-Рау рас- смеялся громко и заразительно, напомнив мне прежнего общительного весельчака.

— Станный, говорите? — сказал Вир-Виан. — Ну что ж, я доволен, что вы заметили в нем всего лишь странности. Так и быть, Тонри, я объясню, что это такое. Со временем об этом узнают все. Но вас прошу пока молчать.

Вир-Виан открыл дверь на веранду и повелительно крикнул:

— Тонгус! Зайди сюда!

Появился Тонгус. Шел он бесшумно, но неровно, словно толчками.

— Слушаюсь, — сказал он тоном хорошо вышколенного слуги древних времен.

— Разденься.

Тонгус повиновался. Стройный и сухощавый, с покатыми и узкими, но мускулистыми плечами, Тонгус и телосложением поразительно напоминал Ниан-Нара, с которым я провел немало часов на пляжах Ализанского океана.

Вир-Виан предложил:

— Сейчас, Тонри-Ро, осмотрите его, пощупайте мускулы и скажите, что еще странного найдете в нем.

Я с опаской подошел к этому непонятному созданию и внимательно осмотрел его. Тонгус стоял, уставившись взглядом в угол. Я осторожно ощупал мышцы его рук и плеч. И ничего особенного не нашел. Только мускулы показались мне несколько жесткими. Об этом я сказал Вир-Виану.

— Верно. Но сейчас мы можем устранять и этот недостаток. Эфери-Рау разработал полимер, по своей консистенции идеально схожий с мускулами человека.

— Так кто же этот Тонгус? Искусственный человек?

— Не совсем так. Давно, еще в юности, я мечтал изготовить в лаборатории искусственного человека на основе живого белка. Задача оказалась, конечно, непосильной. Она будет по плечу ученым грядущих столетий. Но и тогда лабораторные белковые конструкции человека будут значительно уступать человеку, созданному природой. В сущности, это будут полукретины с медленно протекающими нервными реакциями, с вялыми рефлексями. Мой же метод, метод воссоздания человека не на биологической, а на технической основе, оказался более прогрессивным. Грубо говоря, мой Тонгус — это сложнейшее кибернетическое устройство.

— У меня есть дома кибернетический слуга. Но он совсем не похож на человека...

— Еще раз верно, — с готовностью поддержал меня Вир-Виан. — Он не похож на человека не только внешне, но, главным образом, по своим функциям. Ваш слуга — всего лишь робот. Он содержит пять-шесть миллионов микроэлементов, вполне пригодных для хранения обширной информации и воссоздания логических мыслительных операций человека. Его провозгласили чудом нашего века, кибернетическим совершенством. Верно, конечно, что миниатюрный домашний слуга совершенней прежних громоздких машин, работавших по заданной и чаще всего довольно жесткой программе. В непредвиденных обстоятельствах слуга не так беспомощен. Действуя по более свободной программе, он самостоятельно находит логически верные, подчас остроумные решения. Но все же домашний слуга — всего лишь робот, примитивный робот.

— А ваш Тонгус разве не робот? — возразил я. — Человек по форме, машина по содержанию.

Мой, быть может, не совсем удачный афоризм вывел Вир-Виана из равновесия. Нахмурившись, он начал сердито расхаживать по библиотеке и говорить о своих достижениях в области кибернетики. Слова «мой», «я», «новый шаг вперед» так и мелькали в его речи.

Тонгус неуклюже и медленно одевался. Эфери-Рау внимательно и с восторгом слушал Вир-Виана. Мне вспомнились слова Аэнны о духовном порабощении помощников, работающих в лаборатории ее отца. Она права, думал я, глядя на Эфери-Рау. Именно порабощение. Это раболепие доставляло, видимо, удовольствие Вир-Виану. Он успокоился и, остановившись передо мной, сказал:

— Эфери-Рау не согласен с вами, Тонри-Ро. Да и другие мои помощники тоже. А ведь среди них есть серьезные, самобытные ученые. Конечно, мой Тонгус еще весьма далек от совершенства. Но он и сейчас по своим логическим способностям превосходит человека. Он мыслит четко, безошибочно, с огромной, молниеносной быстротой. Он содержит не миллионы микроэлементов, как ваш домашний слуга-робот, а несколько миллиардов атомов и молекул, которые идеально воспроизводят функции нервных клеток человека — нейронов. Тонгус — это почти предел развития малогабаритной кибернетики, это кибернетика на высшем, атомно-молекулярном уровне. Ученым Зурганы

потребуется десятки лет, чтобы хоть немного приблизиться к моим достижениям.

Последние слова прозвучали чересчур хвастливо. Вир-Виан и сам почувствовал это. Он опустился в кресло и, устало махнув рукой, проговорил:

— Впрочем, о Тонгусе пусть расскажет вам Эфери-Рау.

Эфери-Рау легко вскочил с кресла и подошел к Тонгусу, который, одевшись, стоял на прежнем месте.

— Тонгус состоит из трех основных частей, — начал рассказ Эфери-Рау. — Его духовная сущность, его интеллект — это миллиарды молекулярных нейронов. Они скомпонованы почти как у человека и расположены в голове и позвоночнике. В груди находится система небольших, но емких аккумуляторов электроэнергии, которая расходуется на логические и физические операции. Без перезарядки энергии хватит на несколько лет. И, наконец, — внешняя оболочка: скелет, мускулы, кожа, волосы. И все это — полимеры, которые по своей консистенции, пластичности и механическим свойствам схожи с человеческими тканями. Ведь в сущности мышцы, кости, кожа, волосы человека — это те же полимеры, но только биологические. У Тонгуса в жилах течет плазма — густая жидкость, идеально похожая на человеческую кровь. Она ему нужна не только для полного физического сходства с человеком. Нет. Кровь эта, вернее плазма, выполняет еще сложную энергетическую функцию. Если под луческопом посмотреть на внутренние органы Тонгуса, то сначала можно увидеть обычную картину: легкие дышат, сердце сокращается, желудок и кишечник перистальтируют. Лишь при более внимательном изучении можно обнаружить, что это не человеческие органы.

Свой рассказ Эфери-Рау сопровождал показом на Тонгусе, который покорно стоял на месте. И вообще, пожалуй, покорность — единственное у Тонгуса человеческое качество, столь свойственное даже нынешним раскрепощенным сулакам. Не случайно ему дано имя сулака — Тонгус, хотя по внешним признакам он стопроцентный северянин.

— Тонгус, ты свободен, — распорядился Вир-Виан.

Тонгус ушел на веранду.

Эфери-Рау сел в кресло.

— Ты, конечно, понимаешь, — продолжал он, — что наш Тонгус весьма и весьма далек от совершенства. Во-первых, у него нет или почти нет человеческих эмоций. В первой модели нам не удалось запрограммировать их. Но в после-

дующих моделях мы уже можем устранять этот недостаток, если это вообще недостаток. Но и тогда не будет настоящих человеческих эмоций, этих пережитков древности. Да, да, не смотри на меня удивленно. Именно древности, когда эмоции нужны были человеку в его звериной борьбе за существование. Наши более совершенные модели будут просто имитировать, в зависимости от обстоятельств, чувства радости, страха, удовольствия. Имитировать, чтобы походить на человека, — и только. Откровенно говоря, мы и не будем стремиться к полному и чрезвычайно сложному диалектическому единству мысли и чувства, то есть к настоящим человеческим эмоциям. Ибо подлинные человеческие эмоции только мешают, вносят путаницу, хаос в процесс чистого мышления. Итак, отсутствие человеческих эмоций, вернее их имитаций, — первый недостаток Тонгуса. Второй недостаток сразу бросается в глаза — это его неуклюжесть и угловатость, развинченность движений. Ты, конечно, в общих чертах знаком с кибернетикой и знаешь, что такое обратная связь. У человека безупречно налажен механизм обратной связи. У Тонгуса есть этот механизм, без него он не сделал бы ни одного движения. Но механизм обратной связи у него груб, примитивен, недостаточно тонко развит. Он может, например, взять шкатулку с кристаллом, но при этом не рассчитать силу действия, и шкатулка затрещит в его пальцах. Все его жесты и движения кажутся неуклюжими. Почему? Предположим, что Тонгусу нужно совершить простое физическое действие. Например, поднять руку. Из соответствующего участка сложной сети молекулярных нейронов в аккумуляторную часть поступает сигнал. Оттуда по микропроводам-нервам электрический ток определенной силы идет к мышцам-полимерам. Под воздействием тока полимеры (это так называемые сократительные полимеры) сокращаются, и рука поднимается. У человека даже в таком простом физическом действии, как поднятие руки, участвуют очень многие мускулы с разной степенью усилия: мускулы руки, шеи, всего корпуса. Этим-то и достигается плавность движений, их легкость, изящество, грациозность. У Тонгуса, к сожалению, этого нет. В ходьбе или поднятии руки у него участвует небольшая и самая необходимая группа мышц. Вот почему он кажется неуклюжим, машиноподобным в своих жестах и движениях.

— Человек по форме, машина по содержанию! — сардито проворчал Вир-Виан. Он никак не мог забыть мой

злополучный афоризм, который прозвучал для него чуть ли не оскорблением. — Вы, Тонри-Ро, ошибаетесь. Эфери-Рау ближе к истине. Мой Тонгус — это скорее машина по форме, а по интеллектуальному содержанию — человек. В некоторых областях умственной деятельности он превосходит человека. Его память может хранить неимоверное количество знаний, логически мыслит он быстрее и безошибочнее человека. А вот по форме, вернее по внешнему поведению, он сейчас напоминает робота, машину. Но ведь это так легко устранить в моих следующих моделях!

Я раскаивался в своих словах, которые так сильно задели тщеславие Вир-Виана. Чтобы как-то загладить свою вину, я сказал:

— Вероятно, ошибаюсь. И даже по форме Тонгус, когда он неподвижен, как две капли воды похож на погибшего астронавта Ниан-Нара. Почему?

— А что, здорово похож? — самодовольно усмехнулся Вир-Виан. — Ну, так слушайте, в чем здесь дело. Быть может, это и есть самое интересное и важное в моей работе. Как вам известно, живой организм, в том числе организм человека, состоит из белков и нуклеиновых кислот. Ученые установили огромную роль нуклеиновых кислот в передаче наследственных признаков, в росте и развитии клеток. Итак, нуклеиновые кислоты, в частности так называемая дезоксирибонуклеиновая кислота — ДНК, обладают способностью не только воспроизводить себя, но и направлять синтез белка. В нуклеиновых кислотах, таким образом, заложена информация наследственности, и стоит разгадать этот таинственный шифр, как человек получит могучее средство управления живой природой. Так вот — я разгадал этот шифр. Оказалось, что нуклеиновые кислоты и вообще некоторые биологические полимеры могут не только воспроизводить сами себя, но они несут в себе наследственную информацию, то есть сообщение о том живом существе, в котором они образовались. Все оказалось гораздо сложнее, чем думают наши ученые, — при этом Вир-Виан иронически-высокомерно усмехнулся. — Наследственная информация заложена не только в механической структуре нуклеиновых кислот, но и в характере, в своеобразии протекающих в них реакций — электромагнитных, химических и других...

Я начал догадываться, почему Тонгус представляет почти идеальную копию Ниан-Нара. Но я все же выразил сомнение в том, что по наследственному шифру, хранящемуся

в нуклеиновых кислотах, можно воссоздать весь организм в целом или хотя бы внешность живого существа.

— Не верите? — снова усмехнулся Вир-Виан. — Тогда приведу несколько наглядных примеров. Вы знаете, конечно, что такое ханас. Это восьмипалое ползающее животное. Предположим, что вы наступили ему на одну из лап. Что делает ханас? Чтобы освободиться от врага, он отделяет эту лапу и убегает на семи лапах. Через некоторое время у него вновь отрастает восьмая лапа. А вот еще более наглядный пример. Берем зерно любого растения. Зерно никак не похоже на само растение. Но в нем заложена наследственная информация о самом растении. Бросьте зерно в землю — и оно в строгом соответствии с этой информацией построит само растение. Конечно, дело с нуклеиновыми кислотами гораздо сложнее.

Я начал сдаваться под доводами Вир-Виана. Но он привел еще один и, на мой взгляд, наиболее убедительный пример.

— А вот вам аналогия, — сказал Вир-Виан. — Учтите, это всего лишь варварски грубая аналогия. Но вы получите наглядное представление о том, как по наследственному шифру нуклеиновых кислот можно воспроизвести точную копию живого существа. Вы, конечно, знаете, как наши палеонтологи восстанавливают внешний облик и образ жизни давно вымерших животных, этих гигантских существ, обитавших на нашей планете за миллионы лет до появления человека. При раскопках они находят какую-нибудь кость, например зуб. И этот зуб, оказывается, содержит в себе огромное количество информации о самом животном. По одному лишь зубу ученые определяют, каково было само животное: хищное или травоядное, какой пищей питалось, в какой среде обитало и многое другое. Так ученые с изумительной точностью воспроизводят внешний облик и поведение животного, которого они никогда не видели. Если уж простой зуб содержит в себе такое количество информации, то что говорить о нуклеиновых кислотах, в микроструктуру которых сама природа заложила неизменно сложный и подробный наследственный шифр. Учтите при этом важное обстоятельство: нуклеиновые кислоты хранят наследственную память не о живом существе вообще, не о его видовых признаках, а о данном, конкретном существе со всеми его индивидуальными особенностями. Вы спрашиваете, начал ли я свои опыты сразу с человека, а именно с Тонгуса? Нет, я начал с животных.

Я сконструировал сложнейшую кибернетическую дешифровально-моделирующую установку. («Тот самый шкаф», — подумал я.) Установка расшифровывает наследственный код, а затем в строгом соответствии с полученной информацией воссоздает, моделирует на кибернетической основе живое существо. Однажды я поймал сунга — дикого зверька, обитающего в пустыне около оазисов. Взял у него микроскопический срез мяса, содержащий сотни тысяч нормально функционирующих нуклеиновых кислот, и заложил его в установку. И что вы думаете? Работая по заданной программе, моделирующая установка через три часа изготовила абсолютно точное подобие сунга. Его кости, мышцы, кожа, шерсть — все это искусственные полимеры, по своим механическим свойствам и отчасти даже по микроструктуре ничем не отличающиеся от биологических полимеров. Внутри у него небольшой, но емкий аккумулятор энергии и всего лишь полмил-

лиона молекулярных «нервных клеток». Этого оказалось вполне достаточно, чтобы запрограммировать все поведенческие сунга.

— Можно показать? — спросил Эфери-Рау.

— Конечно. Обоих сразу: и настоящего, и искусственного.

Эфери-Рау вышел в боковую дверь, оставив ее приоткрытой.

Вскоре оттуда, стуча по полу когтями, выскочили два сунга. Шестилапые, с длинными и гибкими телами, с острыми мордочками, с сильными мускулистыми хвостами, они ничем не отличались друг от друга. Зверьки разбежались в разные стороны и стали шарить по углам в поисках песка, чтобы зарыться в него. Ничего не найдя, они вернулись на середину библиотеки и с недоумением озирались вокруг. Наконец сунги сошлись и начали обнюхивать друг друга. Один из них, видимо инстинктивно, почувствовал в другом существо враждебное, чуждое его породе. Его короткая и колючая шерсть взъерошилась, встала дыбом. Грозно заверещав, он набросился на противника. Тот, оглушительно взвизгнув, сильным ударом хвоста отбросил нападающего и сам приготовился к атаке.

— Эфери, разними! — крикнул Вир-Виан, безразлично морщась и закрывая ладонями уши. Пронзительное верещание заставило и меня заткнуть уши.

Эфери-Рау ловко, очевидно у него был уже опыт, разнял драчунов. Сдав им шею, он унес беспомощно повисших зверьков обратно.

— Ну, как? — спросил Вир-Виан. — Смогли бы вы отличить искусственного сунга от настоящего?

— По-моему, тот, который напал первым, и есть настоящий.

— Вы угадали.

— Угадал не случайно. Настоящий сунг звериным инстинктом почувствовал в другом существо чуждое себе, своей породе.

— Верно, — сказал Вир-Виан, с любопытством взглянув на меня. — Звериный инстинкт в этих случаях почти безошибочен. У человека же разум преобладает над инстинктом. А разум ошибается. Если я усовершенствую Тонгуса, особенно поведение, и выпущу его на волю, люди будут считать его человеком. Ему надо только соблюдать некоторые предосторожности. Например, избегать врачебных осмотров, особенно луческопии...

— Избегать творческих занятий: не писать стихи, не сочинять музыку, — продолжил я.

Вир-Виан вяло согласился.

— К сожалению, это тоже верно, хотя и не совсем. В творческих областях Тонгус несколько уступает человеку. Но не так уж сильно. Он может создавать вполне приличные стихи и музыку. Гением он, вероятно, все же не будет. Но вот в технике Тонгус разбирается лучше человека.

— Как же все-таки с Ниан-Наром? — напомнил я.

— Ах да! — снова оживился Вир-Виан. — Мы отклонились. Теперь вы понимаете, что я могу создать идеальную кибернетическую копию человека — не человека вообще, а именно конкретного человека, воспроизвести его физическую и духовную сущность со всеми индивидуальными особенностями. Например, я беру обыкновенный шприц и делаю вам небольшой и почти безболезненный укол. В трубке шприца остаются тысячи клеток вашего организма. Все это я передаю моей дешифровально-моделирующей установке. Вы сидите в кресле и часа три читаете своего любимого поэта. В это время аппарат с огромной быстротой продельвает сложную и таинственно-незримую работу. По микроструктуре нуклеиновых кислот, по характеру протекающих в них химических, электромагнитных реакций, по тысяче других индивидуальных признаков он расшифровывает наследственную информацию. И не только наследственную. Он разгадывает информацию обо всех изменениях, происшедших с вами и с вашей внешностью при жизни. Ведь человек меняется с каждым годом, с каждым днем. Меняется его характер, привычки, меняется в какой-то мере и внешность. И это не проходит бесследно. В нуклеиновых кислотах, во всех клетках организма тоже происходят неуловимые изменения. Клетки — эти сложнейшие кибернетические установки — живут вместе с человеком, они стареют, меняется характер протекающих химических реакций, сила и частота электромагнитных колебаний. Меняется все. И все это учитывает мой моделирующий аппарат. В соответствии с расшифрованной информацией — наследственной и приобретенной — он воссоздает исключительно точное кибернетическое подобие человека.

— Прошло три часа, пока вы читали книгу, — продолжал Вир-Виан. — И вдруг открывается, например, вот эта дверь, — он показал на дверь в лабораторию, в которой я уже был. Вир-Виан говорил все с большим увлечением. —

И появляется человек, ваш двойник. Он похож на вас не только внешностью, но и своим поведением, темпераментом, характерными жестами и привычками. Вы ошеломлены...

Я представил себе эту картину и поежился от неприятного ощущения. Да, это было бы отвратительно — видеть своего механического двойника. Но Вир-Виан говорил об этом все с большим жаром и увлечением. И я снова не совсем учтиво прервал его:

— Но почему же тогда ваш Тонгус непохож на Ниан-Нара по характеру и привычкам?

— Я снова отклонился в сторону, — смутился Вир-Виан и, подумав немного, продолжал: — С Ниан-Наром получилось не так, как с вашим воображаемым примером. Даже мои первые опыты с животными были удачнее. И вот почему. Вы, конечно, помните несчастный случай с астролетчиком Ниан-Наром. Он погиб при посадке. Врачи не могли уже ничего сделать. Ниан-Нар был безнадежно мертв. Я попросил, чтобы тело Ниан-Нара доставили ко мне, и сказал, что попытаюсь вернуть его к жизни в моей лаборатории. Врачи удивились, но не возражали — настолько высок мой авторитет. Оживить труп, конечно, не удалось. Но я взял кусочек тела и передал его дешифровально-моделирующей установке. Машина оказалась на этот раз бессильной. Да и понятно: ведь Ниан-Нар был мертв уже двадцать часов. За это время в клетках организма, в том числе в нуклеиновых кислотах, произошли необратимые процессы. Весь сложный комплекс химических, электромагнитных и прочих реакций нарушился, хотя клетки в какой-то степени еще функционировали. Машина не смогла разгадать все наследственные и приобретенные качества человека. Но по микроструктуре нуклеиновых кислот она все же расшифровала наследственную информацию о внешности человека. И машина воссоздала эту внешность. Получилось сложное кибернетическое устройство в образе Ниан-Нара. Мы назвали его Тонгусом. Тонгус был необычайно развит интеллектуально, но начисто лишен человеческих качеств, кроме внешности. Мы все же запрограммировали кое-какие человеческие черты.

— В основном покорность.

— Верно, — согласился Вир-Виан. — Мы хотели иметь хорошего слугу. И мы его имеем. Наш Тонгус неизмеримо выше ваших домашних слуг-роботов.

По мере того как Вир-Виан рассказывал о своих и в самом деле изумительных работах по моделированию человека, у меня росло чувство смутной тревоги. В сумрачной тайне лаборатории Вир-Виана было что-то чуждое, враждебное человеку.

— Зачем все это? — наконец воскликнул я. — Какая цель кибернетического воссоздания человека? Если бы вам удалось скопировать Ниан-Нара не только внешне, но и по темпераменту и поведению, что из этого получилось бы?

— Получился бы хороший фарсан, — ответил Вир-Виан, внимательно глядя на меня.

— Фарсан? Так в древности называли на Южном полюсе привилегированных воинственных слуг шеронов.

— Верно. Не совсем, правда, в древности. Но название прекрасное. Фарсан — завоеватель! На этот раз завоеватель Вселенной. Это как раз то гибкое и неожиданное оружие для завоевания населенных планет, о котором я уже упоминал. Предположим, что наша экспедиция найдет в планетной системе Нанди-Нана разумных обитателей и сравнительно высокую цивилизацию. Вероятно, жители той планеты будут в основном похожи на нас. Но не это важно. Важно то, что жизнь там наверняка образовалась на такой же белково-нуклеиновой основе, как и у нас. Теперь предположим, что вы высаживаете на населенной планете такого фарсана с необходимым кибернетическим оборудованием. Вы улетаете обратно, а фарсан-завоеватель остается в качестве почетного гостя, представителя нашего мира. А все фарсаны запрограммированы так, что они размножаются, подделываясь под разумных обитателей той планеты, на которой вы их оставите. Предположим маловероятное: белково-нуклеиновые тела жителей какой-нибудь планеты имеют труднообразимую, фантастическую форму. Например, это будут парящие в воздухе шары с короткими руками и одним вращающимся, как антенна радиолокатора, глазом. Фарсаны по наследственной информации нуклеиновых кислот безупречно копируют их внешность и поведение. Кроме того, новые фарсаны будут иметь всю приобретенную информацию разумных обитателей, их знания и жизненный опыт. Живые прототипы фарсанов будут при этом, конечно, уничтожаться. Под их видом фарсаны, обладающие громадными техническими знаниями и навыками, проникнут во все важнейшие производственные и энергетические центры планеты. И вот... — При этих словах Вир-Виан вскочил с кресла и начал взволнованно ходить

по комнате. В его голосе появилась торжественность, точь-в-точь как в самых патетических местах его речи на Всепланетном Круге. — И вот в одно прекрасное время жители планеты оказываются под властью фарсанов, то есть под нашей властью. Вы понимаете, что это значит? Это значит, что мы сделаем первый шаг к космическому господству. Это значит, что наша прекрасная Зургана станет в будущем центром галактик, вмещилищем и центром вселенского разума. Это значит, что мыслящий дух...

Вир-Виан снова понесся вскачь на своем коньке. Он жестикулировал, лицо его приобрело восторженное выражение.

— Это бессмысленно! — воскликнул я. — Дико и бессмысленно. К тому же Круг арханов никогда не согласится на это.

Вир-Виан, нахмурившись, подошел к креслу и опустился в него.

— Знаю, что не согласится, — вяло проговорил он. — Поэтому я и обращаюсь к вам, Тонри-Ро. Вы можете сделать первый шаг, взяв на корабль хотя бы одного фарсана.

— Тонгуса? — спросил я с удивлением. — Этого развинченного кретина?

— Зачем такие сильные выражения? Тонгус не кретин. Но он, конечно, не годится. Мы дадим вам другого, идеально совершенного фарсана.

— Нет, нет! — горячо возражал я. — Я всецело подчиняюсь Кругу арханов и никогда не соглашусь на этот жестокий и безумный эксперимент.

Увидев расстроенное и угрюмо-надменное лицо Вир-Виана, я снова пожалел его. Я все же уважал этого великого ученого. И мне захотелось убедить его, сделать так, чтобы он сам понял бессмысленность и жестокость своей затеи.

— К тому же нет никакой гарантии безопасности, — осторожно начал я. — Ваши фарсаны, расплодившиеся на чужой планете и захватившие власть, могут, как бы это выразиться, выйти из-под нашего контроля и натворить бед не только там, но и здесь, на Зургане. Свободное программирование таких совершенных кибернетических устройств может привести к весьма нежелательным последствиям. Чего доброго, ваши фарсаны еще подумают, что они выше человека, и возомнят себя господами.

— Случайности в поведении, конечно, могут быть, — согласился Вир-Виан. — Но если в программе одного или даже нескольких фарсанов произойдет отклонение в нежелательную сторону, другие, преданные нам фарсаны быстро ликвидируют их.

— А если отклонение в программе примет массовый характер?

— О нет! — живо возразил Вир-Виан. — Это маловероятно. Но я предусмотрел и этот совершенно исключительный случай.

Вир-Виан встал и подошел к двери на веранду. Открыв ее, он крикнул:

— Тонгус! Зайди сюда.

Вошел Тонгус. Как и в прошлый раз, он услужливо встал посередине комнаты.

— У каждого фарсана, — сказал Вир-Виан, показывая на голову Тонгуса, — имеется особый блок безопасности. Сейчас я покажу вам его действие.

Эфери-Рау, до этого внимательно слушавший своего учителя, неожиданно встал и поспешно удалился в лабораторию. Он так торопился, что не успел плотно закрыть дверь. Сквозь щель я видел, как Эфери-Рау сел в кресло в напряженно-выжидательной позе.

— Блок безопасности, — продолжал Вир-Виан, — принимает только одним сложным образом зашифрованную радиограмму, которая известна пока лишь мне одному. Радиограмму можно послать с помощью вот этой портативной вещи.

Он вынул из кармана и показал обыкновенный радиосигнализатор, каким пользуются при взрывных работах.

Такой радиосигнализатор и сейчас лежит у меня в кармане. К сожалению, я не мог видеть цифр, набранных на радиосигнализаторе Вир-Виана: он тщательно прикрывал ладонью циферблат. Вир-Виан передвинул предохранитель и положил палец на кнопку.

— Теперь предположим, что в генеральной программе Тонгуса произошло нежелательное, опасное отклонение. Тогда я делаю следующее. Смотрите.

Вир-Виан нажал кнопку. Тонгус сразу как-то обмяк, колени его подогнулись, и он упал на пол.

— Не бойтесь, он не разобьется и не получит никаких повреждений. Тонгус прочнее человека. Но он сейчас мертв. Вся деятельность сложной сети молекулярных нейронов прекратилась. Работает только один блок безопасности. Он-то и ликвидирует все нежелательные отклонения в программе фарсана. Происходит как бы процесс самоочищения.

Я случайно взглянул в приоткрытую дверь лаборатории и вздрогнул: Эфери-Рау повис в кресле, рука его беспомощно свесилась до пола, а голова вяло склонилась вперед и немного в сторону. Что с ним? Неужели Эфери-Рау, как и Тонгус?.. Не может быть!..

Мои лихорадочные размышления прервал Вир-Виан.

— Теперь смотрите, — сказал он, глядя на Тонгуса, — я нажимаю вторую кнопку.

Тонгус зашевелился и быстро встал на ноги.

— Фарсаны, — торжествуя продолжал Вир-Виан, — взбунтовавшиеся фарсаны снова во власти человека. Но случаи неповиновения исключительно редки. Мои фарсаны надежнее и преданнее прежних фарсанов, фарсанов-людей. Вы согласны?

И Вир-Виан самодовольно рассмеялся.

— Конечно, надежнее, — услышал я сзади голос вошедшего Эфери-Рау.

Я обернулся и внимательно взглянул на него. Эфери-Рау улыбался и смотрел на Вир-Виана с еще большей преданностью и раболепием, чем раньше.

«Неужели Эфери-Рау, — думал я, — это не человек, а его кибернетический двойник? Но где же тогда живой Эфери-Рау? Где?»

Эти мысли не давали мне покоя, усиливая тягостное впечатление от всего, что я видел здесь. И мне захотелось поскорее уйти. Сославшись на неотложные дела, я заторопился. До ворот меня проводил Вир-Виан.

— Надеюсь, что перед тем, как покинуть Зургану, вы зайдете ко мне? — спросил он на прощание.

Не помню, но мне кажется, что я обещал зайти, обещал, чтобы что-то сказать. Расставшись с Вир-Вианом, я направился к гелиоплану, который за это время накопил под жаркими лучами изрядное количество энергии.

«Что мне делать? — думал я, усаживаясь в кабину. — Может быть, обо всем рассказать Нанди-Нану? Посоветоваться с ним? Нет, ведь я же обещал Вир-Виану пока что не говорить никому...»

Но такова была беспечность нашего поколения, выросшего в условиях гармонического общества, и такова оптимистическая сила молодости, что тягостное чувство исчезло, как только гелиоплан поднялся в воздух. Ветер звенел в ушах, напевая свою незатейливую, но всегда увлекательную песенку странствий. Я летел к освежающим просторам Ализанского океана, к своим друзьям на зеленом острове Астронавтов.

34-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ☾ ☽

Едва сегодня уселся за клавишный столик, как загорелся экран внутренней связи и я увидел крупное лицо Сэнди-Ски. Он дружелюбно улыбался.

— Эо, Тонри! Откликнись! Ты совсем покинул нас ради своих дышащих звезд. Вчера весь день работал, но сегодня не дадим. Эо, откликнись! — повторил он, и его улыбка стала еще приветливей.

В ответ я постарался улыбнуться. Но улыбка, видимо, получилась вымученная и хмурая, так как Сэнди-Ски обеспокоенно спросил:

— Может быть, я мешаю тебе?

— Нет, нет, Сэнди! — рассмеялся я (на этот раз довольно успешно). — Сейчас приду. К тому же мне надо просто отдохнуть.

— Правильно, — сказал Сэнди-Ски. — У тебя для работы будет много времени на обратном пути.

Почти весь день провел в рубке управления и, в основном, в рубке внешней связи. Мы стремительно приближаемся к планете Голубой. На огромном экране внешней связи даже при среднем увеличении уже не помещается вся планета, а только ее отдельные части, отдельные ма-

терики. Увеличивая изображение, я иногда различал маленькие фигурки разумных обитателей. И меня каждый раз пронизывала острая грусть оттого, что мне не придется с ними встретиться.

— Они начинают изменять облик своей планеты, хотя и бессистемно, — прошептал сзади Сэнди-Ски. — Видишь?

И он показал на квадраты пашен, на каналы, города и промышленные предприятия, засоряющие атмосферу клубами черного дыма.

— Цивилизация еще младенческая, но она имеет все условия для бурного развития, — продолжал восторженно шептать Сэнди-Ски. — Ведь планета благодатнейшая. Пустынь почти нет. Сплошной оазис.

Днем случилось одно небольшое происшествие, еще раз показавшее, насколько тонко и, так сказать, всесторонне перевоплощаются фарсаны в людей. Молодой штурман Тари-Тау торопился сменить дежурившего у пульта управления Али-Ана. При этом он слишком быстро взбежал по лестнице в кают-компанию. У него подвернулась нога, и он вскрикнул. Я увидел его лицо, посеревшее от боли. Лари-Ла смочил ногу Тари-Тау пятипроцентным раствором целебной радиоактивной жидкости и недовольно проворчал:

— Прохромаешь до вечера. В следующий раз будешь осторожнее.

Морщась от боли и прихрамывая, Тари-Тау подошел к креслу у пульта управления и сменил Али-Ана.

Чтобы так безупречно разыграть эту сцену, Тари-Тау надо было иметь настоящее, почти человеческое ощущение боли. Разыграть... Здесь это слово, пожалуй, не подходит. Тари-Тау не разыгрывал эту сцену, не создавал предварительно в своем железном мозгу логически-безупречной схемы своего поведения. Нет, он, можно сказать, жил. Все у него получилось произвольно — так, как у живого Тари-Тау. Все фарсаны наделены так называемой системой самосохранения — почти такой же совершенной, как инстинкт самосохранения у человека. Система самосохранения у фарсанов включает в себя элементарные человеческие ощущения, в том числе ощущения боли, играющие роль сигналов об опасности. Но что касается сложных чувств, человеческих эмоций, вдохновения, интуиции... Нет! Тут я не соглашусь ни с каким кибернетиком-энтузиастом. Можно, конечно, запрограммировать машине высокие человеческие

чувства, как это сделано у фарсанов. Но это все-таки не подлинные эмоции, а их бледные копии.

Но до чего искусные копии! В этом я убедился сегодня вечером, когда фарсаны собрались в кают-компании. После доклада Али-Ана и обмена мнениями встал Тари-Тау. Он был в новом комбинезоне и уже не хромал. Тари-Тау смущенно, почти робко сказал, что может прочитать нам свои новые стихи из космического цикла. Все мы с восторгом согласились послушать, особенно Сэнди-Ски. Даже Лари-Ла, которому так хотелось рассказать свою очередную юмористическую побасенку, сказал:

— Давай, мальчик, давай, — хотя Тари-Тау был уже не мальчиком, как в начале полета, а юношей.

Лари-Ла и на этот раз не обошелся без своей добродушной иронии.

— Признаюсь, не очень разбираюсь в поэзии, — усмехнувшись, сказал он. — Но даже меня твои стихи пробирают до самых мозолей.

И Тари-Тау начал читать. Вначале голос у него был глухой, он по-прежнему чувствовал смущение и скованность. Но потом разошелся и читал с большим подъемом. Голос его окреп, глаза сверкали вдохновением. Я на минуту забыл, что передо мной фарсан. Да это же живой, настоящий Тари-Тау. А какие стихи! Конечно, это стихи живого Тари-Тау, а фарсан только присвоил их.

Слушая стихи, я словно погрузился в чарующий мир образов, ритмов и музыки. Да, Тари-Тау, я мало знал тебя, ты был настоящий поэт. О если бы ты мог слышать сейчас меня!.. Ты слышишь?.. Своей мудрой и чуткой душой ты умел все объять, все видеть...

Могут ли фарсаны обладать такой же способностью? Нет, тысячу раз нет! Слушая сегодня стихи Тари-Тау, я вспомнил слова фарсана Эфери-Рау, когда он говорил о том, что, моделируя человека, они с Вир-Вианом не стремились воссоздать диалектическое единство мысли и эмоций. Не верю этому! Они просто не смогли распознать и тем более воспроизвести эту сложную диалектику. Эмоции, говорил Эфери-Рау, вносят путаницу, хаос в чистый интеллектуальный процесс. Тоже чепуха! Эмоции обогащают даже самую абстрактную мысль ученого. Малейший всплеск радости, незначительный эмоциональный взлет делают мысль могучей и крылатой.

Мысль гуманистична по природе своей, она неразрывно связана с человеком, с миром его эмоций, с его жизненным

опытом и, наконец, с опытом многочисленных предшествующих поколений. И никакими кибернетическими ухищрениями невозможно воспроизвести невыразимо тонкие нюансы, трепещущие ассоциации человеческой мысли. Мысль фарсана, мысль кибернетической машины — это мысль без эмоций и без ассоциаций. Это даже не мысль, а ее логическая схема, ее сухой геометрический чертеж...

Когда Тари-Тау прочитал последнее стихотворение, раздалось восторженное возгласы.

— Хорошо, мальчик! — воскликнул Лари-Ла. — Очень хорошо!

Спокойный и выдержанный Али-Ан неожиданно подошел к Тари-Тау и дружески сжал ему плечи. А на необузданного Сэнди-Ски стихи произвели странное действие. Сначала он словно онемел, а потом вскочил и разразился целым каскадом... ругательств. Самых отборных, фантастически-замысловатых ругательств. Но это было выражение не гнева, а восторга, наивысшего восторга.

Энтузиаст-кибернетик мог бы сказать мне, указывая на фарсанов, что это и есть проявление эмоций, ничем не отличающихся от человеческих. Согласен: спектакль разыгран великолепно. Но разве это проявление человеческих эмоций? Вздор! Это не эмоции, а их бледные копии, отвратительные суррогаты. В поведении фарсанов я то и дело чувствовал фальшь. Правда, не очень грубую, но все же фальшь. В последнее время я стал особенно пронизательным в этом отношении.

Один только Тари-Тау почти безупречен. До того тонко, ювелирно тонко фарсан воплотился в живого Тари-Тау. Прочитав стихи, он стоял задумавшись, весь еще во власти поэтических образов. Тари-Тау не замечал восторгов, бурно рассыпаемых в его адрес. Как и подобало живому Тари-Тау, он был погружен в свою действительность, сотканную из яви и сна, в действительность, которая придает вымышленным образам реальность бытия. Наконец, он очнулся и, робко улыбувшись, сел в кресло.

35-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов

Почти весь день провел в обществе своих страшных попутчиков, разыгрывая ничего не подозревающего простачка. Но настал вечер, вечер сладостных воспоминаний о далекой и невозвратимой Зургане.

В моем положении сейчас нет ничего более волнующего, чем эти воспоминания. И я словно слышу голоса живых людей, голоса, из которых многие уже умолкли навсегда. Ведь благодаря эффекту времени, возникающему при субсветовых скоростях полета, на Зургане минуло почти столетие, а на нашем корабле прошло всего десять лет. Но в памяти живо воскресают человеческие лица, их выражение, голоса...

Остров Астронавтов... Единственное на Зургане место, где сохранилась такая же необузданная и дикая природа, как на планете Голубой. С утра мы бегали вокруг острова, преодолевая горные потоки, крутые скалы, густые чащобы. Потом состязались в плавании и отдыхали на берегу, стараясь впитать всеми порами тела лучи неистово палящего, но дорогого нам зурганского солнца. Мы знали, что скоро надолго лишимся родного солнца и будем довольствоваться его подобием в кабине утренней свежести.

В своем воображении я нарисовал до того реальную картину острова Астронавтов, что едва слышный в моей каюте шум планетарных двигателей кажется мне сейчас шипением белопенных волн, лизавших мои ноги. Я лежал на горячем песке, голова находилась в тени рагвы — густого плодового дерева. Вкусные и сочные плоды рагвы свисали так низко, что я мог, лежа на спине, достать их руками.

Подошел Сэнди-Ски и, толкнув меня в бок голой пяткой, покрытой влажным песком, спросил с беззлобной насмешкой:

— Лежишь и мечтаешь о своей Аэнне?

Я не обижался на эти насмешки. Отчасти он прав. Влюбиться накануне опасной и ответственной межзвездной экспедиции, говорил он, по меньшей мере недостойно настоящего астронавта.

— Ты сильно преувеличиваешь мое увлечение, — отшучивался я. — Даже ты больше знаешь об Аэнне, чем я. Скажи, где она сейчас? Я, например, этого не знаю.

— По-прежнему в городке могилокопателей, — улыбнулся он и добавил: — я даже могу сказать, что Аэнна сейчас делает.

— Ну, и что же она делает? — спросил я.

— Не притворяйся равнодушным, — рассмеялся Сэнди-Ски. — От меня ты не укроешься. Слушай, в чем дело. Среди археологов, этих презренных гробокопателей, как ни странно, есть немало артистически одаренных людей. Сей-

час в шаровом доме они выступают с концертом перед отдыхающими. Возможно, что Аэнна уже готовится к выходу, чтобы исполнить свой знаменитый «Звездный танец».

— Я не знал, что она танцует.

— Да, еще как! Хочешь посмотреть? Тогда давай поспешим. С твоего разрешения немного нарушим строгий распорядок предполетной жизни.

Быстро одевшись, мы уселись в гелиокатер и поплыли на север. Остров Астронавтов вскоре утонул за горизонтом, а вдаль, на севере, засверкали шпили и дворцы Шеронского архипелага.

Сэнди-Ски повернул катер в сторону берега. Вскоре мы

причалили к обрывистому скалистому берегу, покрытому редким кустарником. Прыгая по камням, мы взобрались наверх.

— Вот и городок, где живут земляные черви, то есть археологи, — пояснил Сэнди-Ски, показывая на сверкающие белизной легкие пластмассовые домики. — А вот и шаровой дом.

Немного в стороне я увидел огромное и круглое, как мяч, здание без окон.

— Откуда этот шаровой дом? — удивился я. — Совсем недавно его здесь не было.

— Его построили за один час, — сказал Сэнди-Ски. — Вернее, выдули из расплавленного пеностеклозона, как выдувают колбы. Идем туда.

Мы вошли внутрь огромного шара и очутились в непроницаемой темноте. Мы опоздали и увидели только финал «Звездного танца». Сцены, собственно, не было. Перед зрителями расстилался безбрежный угольно-черный Космос, озаряемый в такт музыке вспышками огневых облаков и беззвучно взрывающихся сверхновых звезд. Это был несомненно декоративный, театральный Космос. В центре — обломок скалы, изображающий астероид. На нем я увидел Аэнну в легком серебристом костюме, плотно облегающем ее стройное, гибкое тело. В таком костюме на настоящем астероиде астронавт погибнет моментально, пронизанный космическим холодом. Но я сразу же забыл об этой условности, как только увидел Аэнну, ее плавные движения, с трепетной легкостью отзывающиеся на музыку. Аэнна казалась мне древней богиней плясок, сошедшей на космический обломок скалы. Темп танца ускорялся, его ритмический рисунок стал четким и отрывистым. Вот уже Аэнна похожа на буйное серебристое пламя. В ее стремительных движениях чувствовался такой неудержимый порыв, что все затаили дыхание...

Танец закончился. Вспыхнул свет. Но в круглом зале еще стояла тишина. Наконец раздались возгласы: «Хау!» Многие бросились поздравлять Аэнну. Я был ошеломлен и взволнован и долго не замечал, как Сэнди-Ски дергал меня за рукав.

— Ты, я вижу, совсем остолбенел, — услышал я его насмешливый голос. — Может быть, подойдем и поздравим Аэнну?

Но я все еще молчал. Внимательно посмотрев на меня, Сэнди-Ски, усмехнувшись, сказал:

— Вот что, дружище, иди-ка ты лучше на берег, на то место, где стоит катер. А я скажу Аэнне, что ты ждешь ее там. Вернуться на остров можешь на том же катере, а я найду другой.

Я пришел на скалистый берег и уселся на камне у самого моря. Долгое время я ничего не замечал. Я все еще видел в угольной черноте сверкающий обломок скалы и танцующую Аэнну.

Наконец очнулся и посмотрел по сторонам. Берег был пустынный. Лишь далеко слева стояла на пляже небольшая группа отдыхающих. Среди них я заметил знакомую фигуру. Тонкая талия, отлично развитая грудная клетка пловца. Неужели?.. Я взял в катере бинокль и, спрятавшись между кустами, стал наблюдать. Так и есть — Эфери-Рау!

Эфери-Рау разговаривал с людьми. В бинокль я хорошо видел его лицо, как будто он стоял рядом, в двух шагах. Эфери-Рау хвастливо похлопал себя по широкой груди и самодовольно огляделся. Я не заметил бы в его поведении ни малейшей фальши, если бы ничего не знал о фарсанах, если бы не видел, как Эфери-Рау безжизненно повис в кресле под действием зашифрованной радиограммы Вир-Виана. Но сейчас мне казалось, что Эфери-Рау немного не тот. Или мне это просто казалось? «Если это фарсан, которого Вир-Виан решил изредка, чтобы не вызывать подозрений, отпускать к людям, то где же живой Эфери-Рау? — думал я. — Неужели он его в самом деле уничтожил?»

Вот Эфери-Рау снова похлопал себя по груди и показал на море. Я хорошо знал этот хвастливый жест. В тот день было сильное волнение, и никто из отдыхающих не решился купаться. Но Эфери-Рау бросился на гребень высокой волны и поплыл в своем превосходном стиле, вызывающем у меня всякий раз чувство восхищения.

Я сел снова на камень лицом к океану и, отложив в сторону бинокль, стал думать об Эфери-Рау. Воспроизвести кибернетическими, чисто техническими средствами мысль человека во всем ее величии и богатстве невозможно. В этом я не сомневался. Но можно ли воссоздать поведение человека с таким искусством, чтобы гадать, как я только что гадал, человек это или фарсан? Нет, по-моему, и это невозможно. Отсутствие трепета жизни неизбежно скажется и здесь. Невольно вспомнился «Звездный танец» Аэнны, ее одухотворенные, песенные движения.

Сзади послышался шелест кустарника. Я оглянулся. Аэнна!.. Она стояла на остроконечном камне и, улыбаясь, балансировала раскинутыми в стороны руками. Взмахнув ими, как птица крыльями, она бесшумно прыгнула и пошла ко мне.

— О, Тонри, — засмеялась она. — Как это романтично и немного старомодно — назначать свидания на безлюдном берегу.

— Не совсем безлюдном, — возразил я, подавая бинокль. — Взгляни налево.

Аэнна взяла бинокль и поверх кустов стала рассматривать пляж. В это время из бурлящих волн выходил на берег Эфери-Рау, победоносно размахивая руками.

— Эфери-Рау! — воскликнула Аэнна и, посерьезнев, добавила: — Поразительное явление. Как это отец отпустил его?

— Давай сядем на камень, как в прошлый раз, — предложил я. — Об этом Эфери-Рау и других помощниках твоего отца я и хочу поговорить.

— А ты откуда их знаешь? — удивленно вскинув брови и усаживаясь на камень, спросила Аэнна.

— Ты же сама приглашала меня.

— Но ты же не был...

— Я был вчера, и мы полдня беседовали с твоим отцом.

— Полдня? Поразительно! — Аэнна звонко рассмеялась. — Ах да, я забыла: отец влюблен в тебя. О чем же вы говорили? Отец в последнее время стал особенно скрытным и нелюдимым. Он разговаривает только со своими помощниками да с немногими гостями-шеронами. Причем это в основном старые шероны, которые разделяют его взгляды о космической борьбе и господстве. Не нравится мне отец в последнее время. Хоть я люблю его, но меня все меньше тянет в его крепость-лабораторию.

При последних словах тень печали снова легла на ее красивое лицо.

— Да, в тайне его лаборатории есть что-то бесчеловечное, — проговорил я. — Вир-Виан просил меня никому не рассказывать о своих опытах. Но тебе-то, я думаю, можно рассказать.

— О какой тайне ты говоришь? — спросила Аэнна. — Я мало знаю о его опытах, но мне кажется, что он работает сейчас над искусственными полимерами, находящимися на грани живого белка.

— Искусственные полимеры Вир-Виана, конечно, паразительны, — возразил я. — Но главное его достижение в том, что он создает кибернетическую аппаратуру на принципиально новой основе, на атомно-молекулярном уровне.

— Ты хочешь сказать, что отец предлагает кристаллы и микроэлементы заменить атомами?

— Да. Поглотив квант энергии, атом становится возбужденным. Переходя из этого состояния в нормальное, он излучает энергию. Вот этим переходом из одного состояния в другое Вир-Виан и заставил атом выполнять главную логическую операцию «да — нет — да».

— Это же великолепно, — оживилась Аэнна. — Насколько я понимаю, это крупное достижение.

— Да, это успех, — согласился я. — Наши ученые давно работают над этим, но пока ничего не получается. Но зачем Вир-Виан скрывает свои достижения? Неужели для того, чтобы в тайне изготовить несколько фарсанов?

— Каких фарсанов? Ты имеешь в виду воинственную древнюю расу? Но она же полностью погибла.

— Я говорю об искусственных фарсанах, о людях с полимерным телом.

— Ты намекаешь на этого кретина Тонгуса? — улыбнулась Аэнна. — Но это же просто слуга. Признаюсь, я тоже сначала приняла его за человека, который вызывал у меня непонятное отвращение. Но отец все объяснил мне.

— Дело не в Тонгусе. Это всего лишь первый образец. Сейчас Вир-Виан может делать более совершенных фарсанов.

И я рассказал о своих подозрениях, о том, что Эфери-Рау и другие помощники Вир-Виана — это, возможно, искусственные люди, кибернетические фарсаны.

Аэнна быстро встала и с ужасом посмотрела на меня.

— О, Тонри. Ты говоришь что-то страшное. Нет, нет. Этого не может быть. Хотя мне они тоже кажутся немного странными. Но я не думала... Нет, не может быть!

Я встал с камня и взял Аэнну за руку. Рука ее слегка дрожала.

— Но все же, Аэнна, это, видимо, так.

— Проводи меня до нашего городка, — сказала Аэнна. — Я хочу остаться одна и подумать.

По пути в городок она спросила:

— Но почему ты их называешь фарсанами?

— Потому что основная их программа — завоевание населенных планет Вселенной для новой породы шеронов,

потому что их атомно-молекулярные мозги напичканы воинственно-космической философией, о которой Вир-Виан так подробно распространялся в Шаровом Дворце знаний. Вир-Виан сам называет их фарсанами.

— Вот видишь, я же говорила как-то тебе, что мой отец — опасный и недобрый гений, — сказала Аэнна. — Но я не думаю... Нет, это невероятно!

Когда мы подошли к пластмассовому городку археологов, у нее мелькнула мысль, от которой она вздрогнула и снова с ужасом посмотрела на меня.

— Подожди, если фарсаны — кибернетические двойники, то где живые люди? Неужели они мертвы?.. Быть может, убиты? Нет, Тонри. Твое предположение слишком чудовищно. Я должна сама все проверить и продумать.

— Знаешь что, — неожиданно предложил я, увидев ее расстроенное лицо, — давай улетим в Космос вместе.

— О нет, Тонри, — слабо улыбнувшись, сказала она. — Совет Астронавтики не разрешит брать женщин в первый межзвездный.

— Скоро у нас испытательный полет. Из него вернемся через год. И перед настоящим полетом у нас будет еще полгода. За это время я уговорю Совет Астронавтики. Ведь нам нужны будут историки.

— Не так все это просто, Тонри. К тому же я сама не захочу.

— Почему?

— Вот ты любишь Космос. Межзвездный полет — цель твоей жизни. Скажи, смог бы ты ради меня остаться здесь, на Зургане?

Я замялся.

— Ну, говори. Только прямо.

— Нет, не смог бы.

— Вот так же и я не могу покинуть Зургану и улететь в Космос надолго, быть может навсегда. Я люблю Зургану. Поэтому я и стала археологом, историком и палеонтологом. А ты не расстраивайся, — добавила она, взглянув на меня. — В Космосе ты скоро забудешь обо мне.

Я хотел возразить, но она сказала:

— Не будем сейчас об этом говорить. Ты вернешься из пробного полета, и у нас будет еще полгода. Да это же целая вечность!

— А вот мое первобытное жилище, — улыбнувшись, сказала Аэнна и показала на белый пластмассовый домик.

В таких домиках я провел немало ночей и дней во вре-

мя туристских походов. Легкие, обставленные просто, они мне нравились больше, чем наши высокоавтоматизированные дома.

— Подожди минутку. — Аэнна зашла в домик. Вернувшись, она протянула мне шкатулку, в каких обычно хранятся кристаллы: — Возьми с собой в Космос вот это.

— А что здесь?

— Таблетки приятных сновидений. Продукт шеронской цивилизации эпохи упадка, — рассмеялась она и добавила: — Знаю, что вам не разрешают брать в полет эти таблетки. Но две-три штуки тебе не повредят. Вдруг в Космосе заскучаешь и тебе захочется на время, хоть во сне, вернуться на Зургану.

Потом, положив руки на мои плечи и почти вплотную приблизив свое лицо, она спросила:

— А может быть, в Космосе ты все же не забудешь меня? А? Тогда тебе приятно будет увидеть меня хоть во сне. Так ведь?

Даже сейчас, через много лет космического полета, я не могу без волнения вспоминать этот момент. И мне никогда не забыть ослепительно прекрасного лица Аэнны, особенно ее глаз, таивших в своей глубине далекую и светлую, как звезды, печаль...

Здесь, у пластмассового домика, мы и расстались. Могли я тогда предполагать, что не увижу ее больше никогда, что Аэнна скоро погибнет в схватке с чудовищами, порожденными ее отцом, — с кибернетическими фарсанами?

36-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ☉ ☉

Когда предполетная подготовка закончилась, мы покинули остров Астронавтов и впервые по-настоящему обосновались на корабле. Каплевидный звездолет, устремив свой тупой нос в небо, стоял на космодроме, расположенном на самой высокой горе Северного полушария. Отсюда мы стартовали. Старт был необычный. Наш звездолет был захвачен незримым, но мощным антигравитационным полем и плавно выведен за пределы атмосферы — в Космос. Здесь-то, в сущности, и состоялся настоящий старт, когда заработали планетарные двигатели.

Корабль быстро наращивал скорость. Но перегрузка не доставляла нам особого беспокойства. Когда звездолет

развил максимальную межпланетную скорость, мы включили экран внешней связи и увидели нашу родную планету. В обычный оптический телескоп она показалась бы нам отсюда не больше горошины, так как корабль уже приблизился к орбите третьей планеты нашей системы — Тутуса.

Согласно инструкции пора переходить на особую двустороннюю связь, которая действовала в пределах нашей планетной системы. Во Дворце астронавтов находился точно такой же экран внешней связи, как и у нас. Я знал, что перед ним все время дежурит Нанди-Нан. Он ждет от нас подробной информации о полете.

Я включил двустороннюю связь, и через некоторое время на экране появилось озабоченное лицо Нанди-Нана.

— Эо, Тонри! — оживился он, увидев меня на своем экране. — Как дела? Как ваше самочувствие? Как ведет себя корабль?

Мой рассказ о полете радовал Нанди-Нана. Около его глаз веером собирались морщинки — он улыбался.

— Хорошо, очень хорошо, — сказал он и предупредил: — Но главные трудности впереди, когда разовьете субсветовую скорость.

Он оказался прав. О трудностях пробного полета не буду рассказывать. Скажу только, что и при субсветовой скорости корабль показал прекрасные навигационные качества. Однако на этом еще не кончилась программа пробного полета. Надо было проверить, как будут работать механизмы корабля при квантовом торможении и крутом развороте.

Одевшись в скафандры, мы погрузились в магнитно-волновые ванны. Началось квантовое торможение до межпланетной скорости. Затем разворот на сто восемьдесят градусов, снова несколько дней полета при субсветовой скорости и снова торможение. Лишь после этого мы увидели на экране внешней связи нашу Зургану. Полет по корабельным часам длился всего несколько десятков дней. Но на планете в силу эффекта времени прошло около года.

Мы с нетерпением всматривались в полосатый шар. Что нового появилось на планете за время нашего полета? И мы увидели, что широкую желтую полосу пустыни пересекла прямая и тонкая линия — на Зургане построили первую транспланетную дорогу. По обеим сторонам дороги на желтом фоне песков четко выделялись неправильной

формы зеленые пятна. Здесь, вероятно, уже весело шумели рощи и леса.

Мне хотелось поскорее связаться с Дворцом Астронавтов. Но двусторонняя связь еще не работала. Было слишком далеко.

Корабль только приближался к орбите Тутуса. Лишь на другой день из тумана на экране выплыло лицо Нанди-Нана. Изображение становилось все более четким. Наконец, он тоже увидел меня.

— Эо, Тонри! — воскликнул он. — Поздравляю весь экипаж с благополучным возвращением.

В это время в рубку внешней связи вошел Сэнди-Ски и встал позади меня, положив руки на спинку кресла.

— Эо, Сэнди! — приветствовал его Нанди-Нан. — По вашим лицам вижу, что полет прошел хорошо. Так ведь?

— Очень хорошо, — сказал я и начал коротко докладывать о полете.

Не успел я закончить, как с экраном внешней связи что-то случилось. Он снова затуманился. Изображение задрожало, а потом исчезло совсем. По экрану сверху вниз ползли сплошные туманные полосы.

— Похоже на помехи, — сказал Сэнди-Ски. — Такое впечатление, как будто кто-то пытается перебить нашу связь.

Экран вдруг прояснился, и на нем возникло крупное лицо... Вир-Виана.

— Что за чертовщина! — недовольно воскликнул Сэнди-Ски и прибавил еще одно ругательство.

Вир-Виан, казалось, не обратил на это никакого внимания. Только на его некрасивом шишковатом лбу появилась суровая складка. Вир-Виан поднял два пальца. Так приветствовали верховные шероны своих рядовых собратьев в эпоху шероната.

— Капитан Тонри-Ро, — заговорил он, — на Южном Полюсе Зурганы создано новое правительство. Я приказываю произвести посадку на южном космодроме на горе Коу. Здесь в честь вашего прибытия построена триумфальная дорога. Вас встретят с величайшими почестями. Вас...

Но Вир-Виан не договорил. Экран снова покрылся туманными полосами.

— Ничего не пойму, — ворчал Сэнди-Ски. — Откуда выскочил этот дьявол?

На короткое время экран очистился, и мы увидели

встревоженное лицо Нанди-Нана. Голос его доносился глухо, как сквозь стену.

— Посадку совершайте на северном космодроме. Антигравитационное поле мы используем для обороны. Поэтому посадку производите самостоятельно, на планетарных двигателях. Знаю, что трудно, но...

Все. На этом квантовая двусторонняя связь прекратилась. Сколько мы ни ждали, как ни крутили тумблеры, на экране все время ползли змеистые полосы.

Пришлось переключиться на общий обзор планеты. На экране снова возник желтый шар с зелеными шапками на полюсах. Увеличив изображение, я стал различать на Северном полюсе города и даже людей. На экране они выглядели едва заметными точками. Против обычного, людей было очень мало. И вдруг они совсем исчезли. Улицы и площади опустели.

— На планете творится какая-то чертовщина, — ворчал Сэнди-Ски. — Ну-ка, Тонри, уменьши изображение, чтобы видеть всю планету целиком.

Я так и сделал. На границе между полупустыней и зеленой шапкой Северного полюса мы заметили две ослепительные вспышки. Вскоре над Южным полюсом появилась одна, но очень яркая вспышка.

— Я так и знал, — взволнованно прошептал Сэнди-Ски. — Это война! Между Севером и Югом снова война.

Я молча пожал плечами, продолжая напряженно всматриваться в диск планеты. Во многих местах Южного полюса то и дело вспыхивали и металась зеленоватые лучи. Это же смертоносное лучевое оружие! Похоже, что Сэнди-Ски прав — это война!

Но отчего возникла война? Как это могло произойти на сотом году Эры Братства Полюсов? Мы узнали обо всем только там, на планете, когда совершили посадку на северном космодроме. С гордостью могу сказать, что посадку на планетарных двигателях я произвел безупречно. Огромный космический корабль повиновался мне так же послушно, как легкие планетолеты, на которых я летал прежде. Первое, что поразило нас на космодроме, — это несколько десятков молодых людей, вооруженных старинным огнестрельным оружием. Они приблизились к нам, когда мы спустились по трапу и ступили на стеклозонное покрытие космодрома.

— Что, ребята, из музеев взяли? — невесело усмехнулся Сэнди-Ски, показывая на длинноствольное оружие.

— Из музеев, — смущенно ответил один из них.

К нам подошел Нанди-Нан с двумя врачами.

— Друзья, — обратился он к нам после короткого приветствия. — Планета переживает тревожное время. Потом все объясню. Сначала вы, как все граждане Северного полюса, пройдете через просвечивание. Луческопия — пока единственный надежный способ отличить человека от фарсана.

— Фарсаны! — воскликнул я, начиная догадываться. — Так это война с фарсанами?

— Да, — ответил Нанди-Нан. — Это война с кибернетическими фарсанами.

Члены экипажа с недоумением слушали наш разговор.

— Это я виноват, что вовремя не предупредил... — начал было я.

— Знаю, — перебил меня Нанди-Нан. — Все знаю. Виноват не ты, а все мы, весь Круг арханов. Аэнна, дочь Вир-Виана, вскоре после того как вы улетели, все рассказала, предупредила нас об опасности. Но мы не придали ее словам особого значения. А сейчас расплачиваемся за беспечность.

— Где сейчас Аэнна? — спросил я.

От Нанди-Нана я услышал страшное известие: Аэнна погибла. Она все время работала в археологической экспедиции на Южном полюсе. Когда Вир-Виану удалось с помощью фарсанов установить на Юге свое господство, многие шероны и все северяне, жившие на Южном полюсе, отказались ему подчиняться. Они были безжалостно истреблены фарсанами с помощью лучевого оружия.

— Что все это значит? Как это могло произойти? — спросил Лари-Ла. — Мы ничего не понимаем.

— Наберитесь терпения, — сказал Нанди-Нан. — Это длинная история. Сначала выполним постановление Совета обороны: подвергнем вас луческопии. Я, конечно, уверен, что вы люди, —

усмехнулся Нанди-Нан. — Но все постановления Совета обороны сейчас — высший закон. Методом луческопии мы обезвредили почти всех фарсанов в Северном полушарии. Почти всех... Беда в том, что изредка фарсаны все же появляются. Где-то на севере замаскировался фарсан. Всего один. Однако никто не гарантирован от того, что ночью будет убит, а утром под его видом появится фарсан. Поэтому луческопия проводится регулярно.

Нанди-Нан привел нас к недавно построенному на краю космодрома приземистому зданию. Врачи исследовали всех членов экипажа, а заодно проверили, как мы перенесли первый межзвездный полет.

После этого Нанди-Нан пригласил нас в соседнюю

комнату. Мы уселись в кресла, и Нанди-Нан рассказал:

— Дней через двадцать после старта космического корабля исчез Вир-Виан вместе со своей лабораторией и помощниками. Оазис Риоль опустел. Один случайный очевидец утверждал, что грузовые гелиопланы от оазиса Риоль полетели в сторону Южного полюса. Однако на Юге Вир-Виана не нашли. Вот тогда-то и забила тревогу Аэнна-Виан. Она предупредила арханов о возможной опасности, о том, что ее отец создает в лаборатории сложные кибернетические устройства, копирующие людей с исключительным совершенством. Аэнна подчеркнула, что при этом Вир-Виан, возможно, истреблял живых людей. Кибернетические копии этих людей Вир-Виан называл фарсанами. Арханы внимательно выслушали Аэнну. Опасность они не считали слишком серьезной. Однако поиски Вир-Виана и его лаборатории продолжались с еще большей настойчивостью. Через несколько дней случилось одно происшествие, которое по-настоящему встревожило арханов и все население планеты. В пустыне на строительстве гелиостанции с большой высоты упал молодой техник. Врачи, спешившие на помощь, нашли его мертвым. И вдруг к своему ужасу обнаружили, что это совсем не человек, а сложное кибернетическое устройство, поврежденное при падении. Этот случай заставил арханов собраться на чрезвычайное заседание. Было решено во что бы то ни стало разыскать Вир-Виана и пресечь его бесчеловечные опыты. Арханы решили также подвергнуть все население планеты луческопии, чтобы выловить фарсанов. Тогда фарсаны, страшась разоблачения, подняли восстание.

— Извините, у меня вопрос к вам, — сказал я. — Я немного знаком с лабораторией Вир-Виана. Там находятся особые кибернетические аппараты, в которых по наследственному шифру нуклеиновых кислот происходит воссоздание людей. Но чтобы поднять восстание, нужно иметь много фарсанов. И мне непонятно, как Вир-Виан успел создать их. Ведь нужно заманивать или похищать людей, чтобы изготовить их кибернетические копии.

— Хорошо, — сказал Нанди-Нан. — Я немного нарушу последовательность рассказа, чтобы объяснить. Ты, Тонри, далеко не все знаешь о производстве фарсанов, а другие члены экипажа вообще не имеют об этом представления. Тебе, Тонри, Вир-Виан сказал, что воссоздает человека по наследственному шифру нуклеиновых кислот. Но это не

совсем так. По наследственной информации нуклеиновых кислот можно воспроизвести только внешность человека, а также некоторые врожденные качества и безусловные рефлексy. Но ведь фарсан копирует живого человека со всеми его индивидуальными признаками, с его памятью, его знаниями, навыками. А для этого мало нуклеиновых кислот. Для этого надо особыми лучами исследовать микроструктуру мозга. В кибернетические аппараты, о которых ты, Тонри, говорил, Вир-Виан помещает не нуклеиновые кислоты, а всего человека, оглушенного, но еще живого. Там на основе анализа нуклеиновых кислот и мозга происходит воссоздание человека. Кибернетика конструирует более совершенную кибернетику — копию человека на основе атомно-молекулярных нейронов. Бесспорно, это крупное достижение науки, обращенное по злой воле Вир-Виана против человечества. Фарсаны опасней и страшней, чем ядерные снаряды.

Теперь объясню, как Вир-Виан добился массового производства фарсанов. Покинув оазис Риоль, Вир-Виан скрылся в труднодоступных горах Южного полюса. Там он построил не лабораторию, а целый завод. Стационарные кибернетические установки, которые ты, Тонри, уже видел раньше, выпускали на этом заводе особой сложности фарсанов — так называемых воспроизводящих фарсанов. Они имеют внутри устройство, копирующее в миниатюре стационарную кибернетическую установку. Таким образом, воспроизводящий фарсан — это целая передвижная лаборатория, производящая простых фарсанов. Воспроизводящий фарсан, как и простой, конечно, ничем не отличается от человека. Каждый из них изготовлен по образу и подобию конкретных людей со всеми их индивидуальными особенностями.

Воспроизводящих фарсанов Вир-Виан выпустил около двух тысяч, заменив ими такое же количество убитых людей. Он разослал их по полюсам. Ночью они похищали спящих людей и изготавливали их кибернетические подобиya — простых фарсанов. Людей при этом они превращали в пепел. По утрам в парках, а то и просто на дороге мы находили кучи пепла, не подозревая, что это прах людей, которых еще вчера вечером видели живыми. Сейчас, надеюсь, вам понятно, почему на обоих полюсах Зурганы появилось много фарсанов, особенно простых, так много, что они способны были поднять восстание с целью захвата власти.

— Понятно, — ответил за всех Лари-Ла. — И в то же время непонятно, как могла произойти такая чудовищная вещь в наше время.

— Слушайте, что было дальше. После того как начали вылавливать фарсанов, они по команде Вир-Виана подняли восстание. Оно, видимо, не было еще как следует подготовлено. Но у фарсанов имелось два преимущества. Во-первых, внезапность: никто из людей не знал без луческопии, кто его спутник или сосед — фарсан или человек. Во-вторых, эффективное лучевое оружие разрушает только настоящие белковые клетки, животные организмы. На фарсанов оно не действует. Поэтому фарсан мог направить губительный луч на целую толпу, не опасаясь, что в этой массе людей он поразит своего собрата.

Сейчас, правда, ученые ищут особой жесткости гамма-лучи, способные поражать у фарсанов деятельность молекулярных нейронов. Но это оружие еще в стадии испытания. А пока нам остается наносить фарсанам механические повреждения с помощью старинного огнестрельного оружия и даже стальных дубинок. Таким способом на Северном полюсе истребили всех выявленных фарсанов. Всех, кроме одного, и очень опасного, воспроизводящего фарсана. Он где-то хорошо замаскировался и ловко ускользает от луческопии. Среди людей изредка появляются простые фарсаны, которым удается иногда совершить мелкие диверсии.

Основные энергоцентры Северного полюса надежно защищены от проникновения фарсанов. Иная обстановка сложилась на Южном полюсе. Там Вир-Виан со своими фарсанами достиг своей цели. Сулаки, основное население Юга, привыкшие к многовековому рабству и подчинению, не оказали серьезного сопротивления. Да и фарсанов на Юге было больше. Против них самоотверженно боролись немногочисленные группы северян и шеронов, не примкнувших к Вир-Виану. Но они были уничтожены, буквально испелены смертоносными лучами. Вир-Виан со своими приверженцами-шеронами создал новый режим по образцу древнего шероната. Себя он объявил верховным шероном, временным диктатором всей планеты.

— Но с какой целью? — спросил Лари-Ла. — И это после ста лет Эры Братства Полюсов?

— Вы, конечно, слышали речь Вир-Виана в Шаровом Дворце знаний и должны догадаться о его целях, — на тонких губах Нанди-Нана заиграла ироническая усмешка. —

Вир-Виан намерен возродить шеронат на всей планете и воспитать новую породу людей — шеронов, покорителей Космоса. А в дальнейшем превратит Зургану в господствующую во Вселенной планету, в центр мирового разума.

— Теперь все ясно, — рассмеялся Сэнди-Ски, а затем, нахмурив густые брови, проговорил: — Мне всегда не нравилась эта неглупая образина. Но что было дальше? Мы видели из Космоса ядерные взрывы.

— Вир-Виан, установив на Юге диктатуру, провозгласил свою программу и призвал присоединиться к нему всех северян и шеронов, проживающих на Северном полюсе. Всех северян и шеронов он объявил новыми, космическими шеронами и создателями гигантских духовных ценностей вселенского масштаба. Как видите, стиль программы мало отличается от его речи в Шаровом Дворце знаний. Сулаков Вир-Виан предложил считать второстепенными гражданами до тех пор, пока те в течение ряда поколений не преодолеют свою, как он выразился, биологическую неполноценность. В ответ мы потребовали прекратить производство кибернетических фарсанов, а всех готовых фарсанов уничтожить или сдать Совету обороны. Тогда на Юге начали в спешном порядке выпускать ядерные снаряды. Два взрыва вы уже видели из Космоса. К счастью, они не причинили большого вреда. К этому времени, мы, используя всю мощь аннигиляционной энергостанции, создали антигравитационное поле большой протяженности. Этим полем, словно броневым колпаком, накрыли Северный полюс. Теперь любое тело, попав в поле, потеряет свой вес и будет отброшено. К сожалению, Вир-Виан сумел создать вокруг Южного полюса такое же поле, воспользовавшись мощью недавно построенной на Юге аннигиляционной энергостанции. Мы убедились в этом, когда пытались взорвать южную энергостанцию. Вир-Виан легко перехватил наш ядерный снаряд и разрядил его в высших слоях атмосферы.

— Этот взрыв мы тоже видели, — сказал Сэнди-Ски. — А что же будет дальше? Сейчас, как я понимаю, оба полюса находятся в состоянии равновесия. А дальше?

— А дальше? — Нанди-Нан пожал плечами. — Победит тот, кто первым сумеет нейтрализовать или разрушить антигравитационное поле. Это нелегкое дело, требующее новых научных изысканий. Наши инженеры совсем недавно добились кое-какого успеха. Они сконструировали ядерный снаряд с нейтрализатором. С его помощью можно на короткое время пробить дыру в антигравитационном поле.

— В чем же дело? — нетерпеливо спросил Сэнди-Ски. — Надо скорее разрушить южную энергостанцию и, значит, ликвидировать защитное поле вокруг Южного полюса.

— Все это верно. Но мы не можем рисковать пока единственным снарядом: фарсаны могут обнаружить его и уничтожить антиракетами прежде, чем тот долетит до цели. Вир-Виан, конечно, догадается в чем дело и сконструирует у себя такой же снаряд с нейтрализатором. Нет, мы не можем рисковать. Тут нужен человек, обладающий очень хорошей и быстрой реакцией — так сказать, интуицией наведения. Я знаю такого человека.

При этом Нанди-Нан посмотрел на меня.

— Хорошо, я согласен, — ответил я.

— Ну вот и договорились, — сказал Нанди-Нан, вставая. — Теперь идите отдыхать. А тебя, Тонри, я сначала познакомлю с конструктором аппаратуры наведения. Она несколько иная, чем щит управления на корабле. С этим конструктором тебе и предстоит завтра работать.

37-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов

— Эо, затворник! — так приветствовал меня сегодня утром Сэнди-Ски. Он только что вышел из кабины утренней свежести, и его густые брови так знакомо и забавно зашевелились от удовольствия. Для меня до сих пор загадка: действительно ли фарсаны испытывают после кабины чувство бодрости, какого-то физического восторга или это ловкая имитация?

— В каком смысле затворник? — спросил я.

— Последние дни ты совсем уединился в своей каюте. Мы только и видим тебя утром, вечером и немного днем в рубке внешней связи. Неужели научная работа по астрофизике так увлекла? Сомневаюсь, сильно сомневаюсь.

При этом фарсан Сэнди-Ски внимательно и, как мне показалось, с подозрением посмотрел на меня. «Фарсаны все знают!» — мелькнула мысль. Я сунул руку в карман комбинезона и нащупал кнопку радиосигнализатора, готовый в любую секунду нажать ее.

— Почему сомневаешься? — спокойно спросил я. — Астрофизика способна так увлечь, что забываешь обо всем.

— Э нет, не говори, — смеялся Сэнди-Ски. — Я знаю, в чем дело. Ты пишешь стихи! Да-да, я в этом уверен. Ты целые дни сочиняешь стихи! Ты просто бредишь ими. Признаюсь, стихи Тари-Тау и меня заразили поэтической лихорадкой.

Я с облегчением вздохнул: фарсаны, конечно, ничего не знают, догадка им не под силу. Но следовало удивиться:

— Так ты, значит, пишешь стихи?! И каковы успехи?

— Плохо. — В голосе Сэнди-Ски прозвучало такое неподдельное уныние, что я рассмеялся.

— Значит, ничего не получается? — спросил я. — Признаюсь, у меня тоже ничего путного не выходит.

— Вчера написал одно стихотворение, — сказал Сэнди-Ски. — Потом прочитал его и вдруг почувствовал себя мизерной букашкой рядом с Тари-Тау, этой высоченной горой, проткнувшей облака своей белоснежной вершиной.

«Ого! — мысленно воскликнул я. — Так витиевато-образно сказать мог только живой Сэнди-Ски, а не фарсан...»

Слово «затворник» заставило меня быть осторожней, и я почти весь день провел среди экипажа. В основном сидел за экраном внешней связи, изредка заглядывал в рубку управления.

Подвергая тщательной квантовой локации видимую сторону планеты Голубой, я делал вид, что выбираю место для посадки. Сзади торчал фарсан Сэнди-Ски, как всегда, положив сильные большие руки на спинку сиденья. Как планетолог он давал свои советы и, надо признаться, довольно толковые.

— Лучше всего, по-моему, произвести посадку вот здесь, — Сэнди-Ски показал на поляну в лесу. — Хорошая твердая площадка. Да и разумные существа должны быть где-то рядом.

— Неплохо, — согласился я.

Через два-три дня я сяду за пульт управления и передам корабль на круговую орбиту. После нескольких оборотов вокруг планеты произведу снижение над лесом, вернее над поляной, которую я уже облюбовал. Здесь сброшу шкатулку. Пройдет день-два, пройдут, может быть, годы, но разумные существа найдут шкатулку и прочтут мой дневник... А корабль я взорву в таком месте, чтобы не причинить вреда братьям по разуму.

Да, так я и решил. Сделав максимальное снижение, я сброшу дневник над лесом. А потом... Потом я круто по-

верну вверх и взорву корабль далеко в околопланетном пространстве...

Завтра у меня будет больше свободного времени, и я постараюсь закончить дневник.

38-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов 8½ 8½

Рэди-Рей, конструктор аппаратуры наведения, с которым меня познакомил Нанди-Нан, оказался веселым, смешливым человеком. Несмотря на несколько плутоватое выражение лица, он мне понравился сразу, особенно его глаза — удивительно синие и живые.

— Рад подружиться с астронавтом номер один, — улыбаясь с хитрым прищуром, сказал он и с исключительным радушием положил руку на мое плечо. Я с удовольствием ответил ему таким же дружеским пожатием.

— Итак, сегодня мы ознакомимся с аппаратурой наведения, — сказал он. — Главным образом с экраном и щитом управления.

Двухместный гелиоплан доставил нас на окраину небольшого города Руноры, расположенного в полупустыне. Рэди-Рей вышел из кабины и повел меня на вершину высокого холма, поросшего желтой травой и жестким кустарником. Справа зеленели парки и сады города Руноры, а прямо перед нами, на юге, расстилался безбрежный желтый океан Великой Экваториальной пустыни.

— Вон там, среди песчаных барханов, — сказал Рэди-Рей, показывая в сторону пустыни, — затерялся небольшой малоизвестный оазис Рун. Там и оборудован пульт наведения.

Я уже хотел снова сесть в кабину гелиоплана, но Рэди-Рей остановил меня.

— На гелиоплане туда не проберемся. Здесь, на краю пустыни, антигравитационное поле круто загибается вниз и касается почти поверхности. Гелиоплан врежется в поле и будет выброшен из него со страшной силой в неизвестном направлении, — сказал он и шутливо добавил: — Так мы можем долететь до Южного полюса и попасть в лапы фарсанов.

Но идти пешком по раскаленным пескам — невеселая перспектива. Я сказал об этом Рэди-Рею.

— Зачем пешком? У меня здесь замаскирован вездеход. Все должно быть предусмотрено на этой войне.

Мой слух снова резануло непривычное слово «война».

«Как странно, — думал я. — И это после ста лет Эры Братства Полюсов!»

На небольшом, приземистом вездеходе мы добрались до оазиса Рун. Здесь вился жиденький кустарник и стояло несколько десятков деревьев, дающих слабую тень. Но все же оазис защищал от песчаных шквалов. В центре, на открытом месте, был оборудован пульт наведения, а на краю оазиса возвышались ажурные металлические конструкции стартовой площадки. И больше ни одного строения и ни одного человека.

— Такой важный объект, — удивился я, — и никакой охраны.

— Охрана сейчас не нужна, — возразил Рэди-Рей. — Когда установят на стартовой площадке снаряд, тогда и будет охрана.

Рэди-Рей объяснил устройство аппаратуры, показал расположение приборов, кнопок и тумблеров на щите наведения. В принципе все это мне было уже знакомо, так как щит наведения имел много схожего с пультом управления на планетолетах. Единственное новшество — экран наведения.

— Обрати на него внимание, — сказал Рэди-Рей. — Завтра тебе придется работать руками на щите почти вслепую, ты должен все время смотреть на экран наведения. На нем ты увидишь топографическое изображение тех мест, над которыми реактивный снаряд будет пролетать.

На вездеходе мы приехали на окраину Руноры. Здесь нашли два гелиоплана: мы жили в разных городах. На прощание Рэди-Рей сказал:

— Встретимся в оазисе рано утром. Ночью туда доставят снаряд с нейтрализатором. До завтра!

До завтра... Я не мог тогда и подумать, что завтра Рэди-Рей не будет в живых, что ночью он станет жертвой единственного уцелевшего на Северном полюсе производящего фарсана. Видимо, фарсан давно охотился за такой важной добычей, как изобретатель нейтрализатора и аппаратуры наведения.

Рано утром, когда не взошло еще солнце, я был уже в оазисе Рун. На стартовой площадке трое инженеров устанавливали привезенный ночью снаряд. На фоне светлеющего неба я видел его четкие контуры. Снаряд с острым носом,

окутанным сеткой — антенной нейтрализатора, был установлен с небольшим наклоном в сторону Южного полюса. Когда все было готово, инженеры подошли ко мне и пожелали удачи. Вскоре их вездеходы, оставив между барханами змеистые следы, скрылись за горизонтом. Около оазиса я увидел десятка полтора боевых шагающих вездеходов, специально выделенных для охраны.

На металлических конструкциях стартовой площадки и на листьях деревьев в лучах восходящего солнца засверкала роса. В это время знакомый приземистый вездеход подошел к краю оазиса и остановился на горбатой спине бархана. Из кабины выскочил Рэди-Рей.

— Эо, астронавт! — весело окликнул он меня. Его плутоватая физиономия сияла радушием.

Обратившись к начальнику охраны, он приказал, чтобы боевые вездеходы удалились как можно дальше.

— Ваше место вон там, — сказал Рэди-Рей, показывая на высокую гряду барханов. — А здесь во время пуска снаряда вам будет весьма жарко.

До гряды барханов было не менее тысячи шагов. Но юркие вездеходы добежали до нее за минуту и вскоре, рассредоточившись, скрылись за грядой.

Мы с Рэди-Реем остались вдвоем.

— Подожди немного, — сказал он. — Сейчас еще раз проверю аппаратуру и тогда приступим.

Рэди-Рей торопливо направился к пульту наведения. Зайдя в прозрачную кабину пульта, он начал почему-то возиться над висевшим сбоку экраном всепланетной связи. «Странно, — подумал я. — Ведь экран исправен». Внимательно наблюдая за работой Рэди-Рея, я подошел к большому дереву и остановился в его тени. На жестких листьях роса уже испарилась. Становилось жарко. Слабый утренний ветер мел песчаную пыль.

Рэди-Рей приступил к наладке аппаратуры наведения. Он так увлекся, что, по-видимому, забыл о моем присутствии. На щите разноцветными огнями загорелись лампочки, засветился экран наведения. Пальцы Рэди-Рея притронулись к кнопкам щита управления.

Взглянув в сторону стартовой площадки, я с удивлением заметил, что сигарообразный корпус ядерного снаряда начал медленно перемещаться. Вот он уже в зените, потом слегка наклонился в сторону Северного полюса — как раз туда, где находился наш главный энергоцентр, поддерживающий антигравитационное поле.

— Стой! — закричал я. — Стой! Ты что делаешь?!

Рэди-Рей обернулся. На его лице появилась недобрая хитрая усмешка. «Фарсан! — вздрогнул я от внезапно мелькнувшей догадки. — Ведь это фарсан!»

Фарсан Рэди-Рей вышел из кабины, посмотрел по сторонам и с удовлетворением увидел, что кругом по-прежнему ни души, ни одного человека. Одни только бесконечные песчаные холмы. Они сверкали нестерпимо-желтым блеском в жарких лучах солнца, застывшего в белесом небе. Жуткая картина! Даже сейчас, вспоминая ее, я слегка поежился, словно ледяной холодок пробежал по спине. Но тогда, в минуту опасности, я был спокоен. Ужасающе спокойным был и фарсан. Он был уверен, что я от него никуда не уйду.

Все с той же ехидной усмешкой он направился ко мне, стараясь не подпустить к пульту наведения, и уже поднял руки, намереваясь ими, словно железными клещами, раздавить меня.

Я медленно отступал, фарсан приближался, держа наготове руки. Здесь-то и пригодилась моя ловкость и быстрота реакции. Когда фарсан был совсем близко, я внезапно нырнул вниз и прыгнул вперед. Руки фарсана сомкнулись в пустоте.

Подскочив к пульту наведения, я выхватил одну важную деталь. Это был длинный металлический стержень с тремя пазами и тремя шестернями на конце. Без этой детали пуск снаряда невозможен. Лампочки на щите наведения погасли.

С этой довольно увесистой деталью я побежал в пустыню — туда, где за грядой высоких барханов располагались боевые вездеходы. Там люди. С их помощью я хотел поймать и обезвредить фарсана.

Фарсан бросился за мной. Бегал он хорошо. Видимо, живой Рэди-Рей был неплохим спортсменом. Но и я одно время считался чемпионом Северного полюса по спринтерскому бегу на пересеченной местности. Фарсан заметно отставал. Но я не учел одного обстоятельства: я устал, а он нет. Я изнемогал от жары, обливался потом. Фарсан не знал подобной человеческой слабости и чувствовал себя прекрасно в этом пекле.

Чтобы перевести дыхание, я на минуту остановился и оглянулся назад. Фарсан приближался, легко перепрыгивая через трещины в каменисто-песчаном грунте. На его лбу блестели капельки пота, он учащенно дышал. Но это

не усталость. Это ее имитация. На плутоватой физиономии фарсана по-прежнему играла усмешка.

Мне стало страшно. Страшно за себя и за судьбу планеты. Что делать? Бросить тяжелый стержень, который сильно мешал, и бежать? Но фарсан подберет эту деталь, поставит ее на место и, прежде чем я добегу до людей... Нет, этого нельзя допустить.

Собрав последние силы, я снова побежал. До гряды барханов оставалось еще сотни три шагов. Фарсан неумолимо настигал меня. Уже слышалось за моей спиной его прерывистое дыхание. И тут я сделал то, чего фарсан никак не ожидал: остановился и, внезапно обернувшись, молниеносно обрушил тяжелый стержень на его голову. Голова фарсана с хрустом развалилась. Из нее выпал сверкнувший на солнце продолговатый блок безопасности. На металлический стержень налипла студенистая масса атомно-молекулярных нейронов. Я с отвращением стряхнул этот мыслящий студень и сел на песок.

Немного отдохнул, потом встал и пошел обратно к пульту наведения. Я закрылся в прозрачной кабине, сел в кресло, включил холодильную установку и сразу ощутил приятную прохладу.

Первым делом надо доложить о случившемся Нанди-Нану. Я включил экран всепланетной связи, но он не светился. Попробовал еще раз включить — экран по-прежнему не работал: фарсан предусмотрительно привел его в негодность.

Дорог был каждый час. Ведь шероны тоже искали средство против нашего защитного антигравитационного поля. Стержень, так неожиданно послуживший мне оружием против фарсана, я вставил на место. На щите снова вспыхнули разноцветные лампочки, засветился экран наведения. Я переместил снаряд на прежнее место и нажал пусковую кнопку. Прозрачный купол кабины на какое-то время автоматически потемнел. Но и сквозь темно-фиолетовый стеклозон я увидел огненную струю плазмы, вырвавшейся из дюз реактивного снаряда. Раздался грохот. Потом все стихло, и стеклозон кабины снова стал прозрачным.

Снаряд вырвался в верхние слои атмосферы и лег на горизонтальный курс. На экране я видел местность, над которой он летел. Это был однообразный ландшафт, бескрайний океан песков, усеянный бесчисленными бугристыми барханами, напоминавшими сверху морскую рябь.

Великую Экваториальную пустыню снаряд пролетел за

несколько минут. И вот я увидел извилистую границу зеленой шапки Южного полюса. Вдали в лучах солнца сверкал Ализанский океан. Шероны и фарсаны наверняка уже засекли снаряд и следили за его полетом. Они были уверены, что антигравитационное поле надежно защитит их. И действительно, по неосторожности я слишком близко подвел снаряд к этому незримому полю. Снаряд, потеряв вес, отскочил от него, как мяч, и несколько раз перевернулся. Но я быстро исправил курс.

Антигравитационное поле я пробил нейтрализатором над Ализанским океаном, где не могло быть антиракетных установок. Но стоило снаряду приблизиться к берегу, как фарсаны послали ему навстречу несколько ракет. Если бы снаряд не был управляемым, фарсаны быстро сбили бы его. Но, послушный моей воле, снаряд легко уклонился от встречи с первыми ракетами. Они взорвались далеко в стороне. Однако дальше мне пришлось приложить все свое мастерство, чтобы лавировать, уклоняться от вражеских ракет, которых становилось все больше и больше. И я принял решение: снизил скорость и перевел снаряд на бреющий полет. Этим почти исключалась возможность столкновения с вражескими ракетами. Но возникла другая опасность: стоило снаряду задеть какое-нибудь высокое здание или гору, как он взорвется, не долетев до цели.

Мои гибкие тренированные пальцы бегали по кнопкам щита управления. На экране наведения с невероятной быстротой мелькали здания и рощи, над которыми вихрем мчался снаряд. Но вот впереди засверкали белоснежные вершины полярных гор. В кольце этих гор и находилась самая мощная энергосистема. Снаряд стремительно взлетел вверх и обогнул гряду гор. На экране развернулась панорама энергостанции. Туда, в центр многочисленных сооружений, я и обрушил свой снаряд.

Экран мгновенно вспыхнул и погас. Южный полюс лишился могучего потока энергии. Он был оголен: антигравитационного поля над ним больше не существовало...

39-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов ☉ ☽

— Итак, послезавтра посадка, — с ликованием говорил сегодня утром Лари-Ла. На его лице сияла довольная улыбка.

Посадка на незнакомую планету — самый волнующий и радостный момент в жизни астронавтов. И все фарсаны, каждый по-своему, выражали эту радость. С угрюмым любопытством смотрел я на этот спектакль, разыгранный исключительно ради меня. Но сегодня у фарсанов не все шло гладко. В отдельные моменты я чувствовал такую явную фальшь, что меня просто подмывало ошеломить их, крикнув: «Плохо, братцы! По-настоящему вы радоваться не умеете».

Но хорошо или плохо, а фарсаны «ликвали». Мне же сегодня было особенно тягостно. Но я не подавал виду, был внешне спокоен и даже весел.

Вечером, когда все разошлись по каютам, я сел за клавишный столик, быть может, в последний раз. Мне осталось лишь дописать дневник, рассказать о том, как закончилась война с фарсанами там, на Зургане. Здесь, на космическом корабле, война продолжается. Мне выпала не легкая доля завершить эту затянувшуюся войну...

После того как Южный полюс лишился защитного антигравитационного поля, исход войны был, в сущности, предрешен. Спротивление шеронов и фарсанов казалось бессмысленным. Но шероны все же предприняли отчаянную попытку атаковать Северный полюс. С воздуха он был надежно прикрыт антигравитационным полем. Поэтому шероны послали через Великую Экваториальную пустыню тысячи бронированных вездеходов. Впереди, тяжело переваливаясь с бархана на бархан, но довольно быстро шли огромные бронированные чудовища, начиненные взрывчатой смесью. Они управлялись по радио фарсанами, засевшими в небольших и юрких шагающих броневездеходах, оснащенных лучевым оружием. Если бы это бронированное войско ворвалось на Северный полюс, оно произвело бы там страшное опустошение.

Воздушный флот северян остановил фарсанов почти у самого экватора. В центре необозримой пустыни развернулось грандиозное сражение, каких не знала история Зурганы. Наши боевые ракетопланы атаковали с большой высоты. От них отделялись и летели вниз стремительные, как молния, ракеты. Вездеходы, начиненные зарядами, взрывались с чудовищной силой, ослепляя наших пилотов и вздымая тучи песка. Фарсаны рассредоточились и упорно продвигались на Север. Наибольшие потери северяне несли от лучевого оружия. Сотни ракетопланов, потеряв уп-

равление, падали вниз и глубоко зарывались в песок. Однако перевес был на нашей стороне.

Апофеозом сражения явилась невиданной силы песчаная буря. Наши ракетопланы поднялись еще выше и кружились, выискивая цели, над большой территорией, охваченной ураганом. Внизу все бурлило и кипело. Миллионы тонн песка с воем и визгом неслись над пустыней. Чудовищные смерчи вздымали песок почти до ракетопланов. Песчаная буря разметала хорошо организованное войско южан и помогла разгромить фарсанов.

Сулаки, узнав о поражении главных сил фарсанов, подняли восстание. Наш воздушный флот поспешил им на помощь. Северяне захватили главные центры Южного полюса и взяли под стражу шеронское правительство во главе с диктатором Вир-Вианом.

На всей планете началось тщательное выявление фарсанов, особенно воспроизводящих.

Мне пришлось видеть пленных фарсанов. Между собой они были связаны цепями. Под охраной людей, вооруженных старинным огнестрельным оружием, пленных вели в особое здание. Там их подвергали дополнительной луческопии: люди боялись, что среди фарсанов мог случайно оказаться настоящий человек. Наиболее совершенных, воспроизводящих фарсанов демонтировали на отдельные блоки, которые отправляли в лаборатории для исследований. Остальных уничтожали.

Фарсаны, наделенные системой самосохранения, боялись уничтожения не меньше, чем мы страшимся смерти. Их лица изображали неподдельный ужас.

В толпе таких же зевак, как я, было немало людей, которые смотрели на пленных фарсанов с участием и состраданием.

— Эо, Тонри! — услышал я приветствие. В колонне пленных я увидел высокую атлетическую фигуру Эфери-Рау.

— Эо, Тонри! — повторил фарсан. Я не ответил на приветствие.

— Тонри, — заговорил фарсан, — ты пользуешься большим влиянием в Совете Астронавтики. Спаси меня. Клянусь, я буду тебе хорошим и преданным слугой.

Я отвернулся, ничего не ответив. Звон цепей и крик ярости заставил меня снова посмотреть в сторону Эфери-Рау. Делая огромные усилия, фарсан пытался освободиться от кандалов. Жилы на его руках вздулись, лицо покраснело. Наконец фарсану удалось сделать почти невероятное: он разорвал кандалы и опутывающие его цепи. Эфери-Рау бросился на охрану. Одного человека он схватил за руку и сломал ее с такой легкостью, как будто это была соломинка. Раздался выстрел. Завопив от боли, фарсан схватился за голову и бесцельно кружился на одном месте. Еще несколько выстрелов — и фарсан Эфери-Рау упал. На меня эта сцена произвела тяжелое впечатление.

В лаборатории Вир-Виана на блок безопасности каждого воспроизводящего фарсана ставился порядковый но-

мер. Всего их было тысяча восемьсот тридцать три. А выловили и ликвидировали тысячу восемьсот тридцать два. Поиски продолжались. Население планеты вновь подвергли просвечиванию. Но воспроизводящий фарсан под номером четыреста десять так и не нашелся. Решили, что во время сражения его разнесло взрывом на мелкие части, которые затерялись в песках. Еще некоторое время в пустыне на месте сражения искали блок безопасности с номером четыреста десять. Но затем поиски прекратились.

Совет обороны объявил, что война с фарсанами закончилась, и сложил свои полномочия. Население планеты вернулось к нормальной жизни.

Лишь один архан Грон-Гро считал эту самоуспокоенность ошибкой. «Быть может, — утверждал он, — война с фарсанами только начинается». Он призывал к бдительности. «Поиски, — говорил он, — должны продолжаться. Стоит уцелеть хоть одному воспроизводящему фарсану, как он через некоторое, быть может довольно длительное, время станет вновь размножаться, как микроб. В этом смысл его существования, его генеральная программа».

Архан Грон-Гро оказался прав. Четыреста десятый номер ловко скрывался в заброшенных шахтах около города Суморы. Он ждал, когда на Зургане забудется история с фарсанами. Он мог ждать и год, и два, много лет. Но через полгода он каким-то образом узнал, что в город на короткое время прибыл один из членов экипажа космического корабля. Перед такой важной добычей фарсан не устоял. Он разоблачил себя, но зато превратил члена экипажа в фарсана. Так появился двойник Рогуса...

40-й день 109-го года

Эры Братства Полюсов

Последний день. Завтра сброшу на планету дневник и взорву звездолет... Сейчас корабль на круговой орбите и совершает уже четвертый оборот вокруг планеты. На экране внешней связи видны мельчайшие детали Голубой, видны ее разумные обитатели, как будто они рядом и я могу с ними говорить...

Собратья по разуму! Мне грустно, невыразимо грустно, что не придется встретиться с вами. О многом хотелось бы вам сказать. И в первую очередь о человеке... Странно, раньше мне как-то не приходили в голову мысли о человеке...

ке. Но сейчас, окруженный фарсанами, этими совершеннейшими и в то же время отвратительными копиями людей, я с восторгом думаю о человеке, о его величии, о его бесконечной ценности...

Человеческий организм чрезвычайно сложно устроен. Но я согласен с кибернетиками: сложность эта не безгранична и потому организм человека в принципе поддается моделированию, а его мышление — имитации. Но только имитации. Нельзя забывать социальную природу мышления. Сознание, мышление — не только свойство высокоорганизованной материи, но и продукт общественной истории, которой нет и не может быть у фарсанов или других кибернетических машин. Кроме того, необходимо, на мой взгляд, учитывать диалектику развития кибернетики. Ведь человек, создавая все более сложные кибернетические устройства, сам будет при этом усложняться, а его духовный мир — совершенствоваться и углубляться. Человек-творец, моделирующий свое подобие, всегда выше своей логически-эмоциональной копии. Уступая машине в простых логических операциях, в главных — в творческих — областях он будет всегда неизмеримо выше ее...

Когда в душе моей пронисится буря вдохновения и мозг мой становится трепещущим, светоносным источником идей и образов, могу ли я в это время сравнить себя с фарсаном?

О, нет!.. Человек — это зеркало Вселенной, его сознание — это целый океан звездного света.

Даже фарсаны Тари-Тау и Лари-Ла не заставят меня изменить свои взгляды. Фарсан Тари-Тау изумителен. Вир-Виан мог бы гордиться этой несомненной удачей. Но говорить об абсолютной адекватности живого Тари-Тау и фарсана, конечно, смешно. Фарсан безупречно копирует поведение и внешность Тари-Тау, в своей бездонной памяти он носит все его знания, весь жизненный опыт. Фарсан прекрасно помнит не только стихи Тари-Тау, но и его самые затаенные, самые смутные поэтические замыслы. Но вот осуществить их он уже не способен...

Зато с каким совершенством этот фарсан читает стихи! Вот и сегодня он ошеломил меня поэмой — по-видимому, последней и самым лучшим произведением Тари-Тау.

Сегодня вечером в кают-компании отмечался своеобразный юбилей — двухсотлетие Эры Братства Полюсов. На корабле мы прожили девять с небольшим лет. Но на Зургане со дня нашего старта прошло ровно сто лет.

В этот вечер все фарсаны, в памяти которых хранятся знания и опыт живых людей, предавались «воспоминаниям».

— На Зургане у меня остался младший брат, — сказал Лари-Ла. — А сейчас он намного старше меня: ему больше ста двадцати лет. Как все это странно! Привыкнут ли когда-нибудь астронавты к таким парадоксам?

Тари-Тау вспомнил своих родителей. Он говорил с такой задушевностью, с такой нежностью, что я невольно был тронут. Да, Вир-Виан мог бы гордиться фарсаном Тари-Тау. Это не фарсаны Сэнди-Ски и Рогус...

— А у тебя есть стихи о Зургане? — спросил его Сэнди-Ски.

— Есть. Не так давно, накануне квантового торможения, я записал на кристалл небольшую поэму. Она так и называется — «Зургана».

Сэнди-Ски вскочил с кресла и воскликнул:

— Так чего же ты скромничаешь?! Прочитай ее нам. В такой вечер ты просто обязан это сделать.

Я присоединился к просьбе Сэнди-Ски. Мне хотелось услышать поэму, созданную человеком Тари-Тау в последние дни его жизни, когда через много лет полета тоска по родной планете, любовь к ней достигли наивысшей точки. Поэма должна быть образцом зрелого вдохновения. И я не ошибся.

Тоска по родине... Кому из астронавтов она незнакома? За долгие годы полета в душе у мечтателя и поэта Тари-Тау тоска по родине росла, любовь к ней становилась почти безграничной. И эта грусть, и эта любовь в последние дни жизни Тари-Тау вылились неудержимым потоком поэтических строк. В поэме звучала не только тоска по родной планете, но и ликующая радость грядущей встречи, когда наш корабль, обожженный лучами неведомых солнц, овеянный холодными космическими ветрами, вернется на Зургану. Это была великолепная поэма — сверкающая и чеканная, как драгоценный камень, звенящая, как бронза, таящая отблеск непостижимой красоты жизни. Не было у нее лишь конца.

— Не успел закончить... — притворно оправдывался нынешний Тари-Тау.

Бурю восторга изобразили фарсаны. А Сэнди-Ски! Этот в общем-то не очень совершенный фарсан был великолепен...

Я вернулся в каюту, сел за клавишный столик, а в ушах еще долго звучала музыка поэмы.

Странное действие оказывает она: грусть, навеянная ею, быстро прошла, а в душе осталась только радость, буйная, алая радость. Видимо, поэтому у меня сегодня, в последний вечер моей жизни, такое приподнятое, почти праздничное настроение и такие торжественные мысли о человеке. Я рад за Тари-Тау, создавшего такую поэму. Я рад и горд вообще за человека — творца величайших духовных ценностей, преобразователя природы, покорителя космических стихий.

Человек — поистине космоцентрическая фигура, величайшая святыня Вселенной. Ничто не сравнится с его красотой и величием, с его непокорной, сверкающей мыслью, с его душой, необъятной и певучей, как океан, полной неукротимого стремления к безграничной власти над природой и к жизни бесконечной...

● — Все, — сказал Хрусталеv, перевертывая последнюю страницу рукописи. — На этом кончается дневник. ●

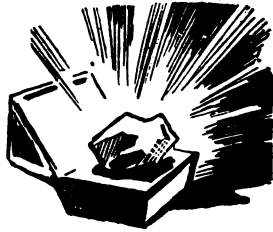
Чтение затянулось до трех часов ночи. Но друзья Хрусталева не думали о сне. Они были взволнованы только что услышанной исповедью астронавта, прилетевшего из неведомых звездных глубин и погибшего здесь, в околоземном пространстве.

— А теперь посмотрите, — продолжал Хрусталеv, — как выглядят в пламенных красках последние слова астронавта, так сказать, последние страницы дневника.

Хрусталеv открыл шкатулку и повернул кристалл. Затем он погасил настольную лампу. Через несколько секунд в сумраке комнаты кристалл вспыхнул, заискрился, засверкал всеми цветами радуги. И снова Кашина и Дроздова властно захватило ощущение какой-то романтической музыки.

Но в мелодии пылающих красок не было ничего тревожного и скорбного, как в начале дневника. Напротив, в победно танцующем цветном пламени, в торжественном ритме огненных знаков, в гармо-

нии ликующих красок как будто слышался голос астронавта. Он, неведомый, говорил землянам о величии и безграничной ценности человека, о торжестве разума над космическими стихиями — и над ледяным безмолвием тьмы, и над огненным безумием звезд и галактик...

**С е м е н
Васильевич
СЛЕПЫНИН**

Фарсаны

**Научно-фантастическая
повесть**

Редактор А. Г. Зибзеева

**Художественный редак-
тор В. В. Вагин**

**Технический редактор
Т. В. Дольская**

**Корректоры Л. К. По-
номарева, Е. П. Божа-
нова**

●

**ПРОСИМ ПРИСЫЛАТЬ
ОТЗЫВЫ О СОДЕРЖАНИИ
И ОФОРМЛЕНИИ КНИГИ
ПО АДРЕСУ:
г. ПЕРМЬ,
УЛ. К. МАРКСА, 30.
ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО.**

●

Сдано в набор 31. I. 1967 г. Подписано в печать 14. IV. 1967 г.
Формат тип. бум. № 2 84×108¹/₃₂. 2,5625 б. л., 5,125 п. л. (усл.-
прив. 8,61 л.), 8,909 уч.-изд. л. ЛБ02145. Тираж 50 000 экз. Цена
27 коп. Пермское книжное издательство. Пермь, Карла Маркса, 30.

Книжная типография № 2 управления по печати. Пермь, Ком-
мунистическая, 57. Зак. 219.

27 коп.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ● 1967